

Оковы Хроноса 2

Сергей Сериков

Сергей Сериков

Оковы Хроноса 2

<https://litres.ru/73413621>

SelfPub; 2026

Аннотация

Судьба, словно капризная богиня, любит преподносить неожиданные сюрпризы. Еще вчера Кейл, молодой и амбициозный искатель приключений, бороздил древние руины в поисках артефактов, ценя свободу превыше всего. Но весть о гибели отца, барона Брока Хелдера, и старшего брата застала его врасплох. Обстоятельства их смерти были окутаны мрачной тайной, но вместе с горем пришло и бремя наследства: Кейл, единственный оставшийся в живых, должен был принять власть.

Возвращение в родовое гнездо обернулось шоком. Некогда процветающее баронство оказалось на грани краха. Огромный долг навис над землями, замок обветшал, а поля заросли бурьяном. Кейл, привыкший к опасностям пустынь, а не к интригам управления, столкнулся с самым сложным вызовом в жизни. Ему предстояло не просто унаследовать титул, а спасти наследие отца от неминуемой гибели.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	59
Глава 6	73
Глава 7	86
Глава 8	99
Глава 9	115
Глава 10	128
Глава 11	141
Глава 12	154
Глава 13	167
Глава 14	182
Глава 15	195
Глава 16	208
Глава 17	221
Глава 18	235
Глава 19	248
Глава 20	261
Глава 21	275
Конец ознакомительного фрагмента.	287

Сергей Сериков

Оковы Хроноса 2

Глава 1

До моего родового гнезда, замка Вороний Камень, по старому имперскому тракту — пять дней размеренной дороги в повозке. Пять дней, которые я счел непозволительной роскошью.

Первым делом я разыскал лавку магических товаров и без раздумий приобрел одноразовый свиток телепортации, привязанный к portalу, который находился у самых ворот родового замка.

Затем направился в главную сокровищницу магических знаний королевства — Великую Гильдию Магов. Ее грандиозное здание из белого камня, увенчанное арками и сияющими сферами, подавляло своим масштабом. Там я истратил почти все звонкие золотые короны на «Походный стол Артефактора» и на тридцать заготовок для артефактов из аметиста.

Следующие три часа, потраченные на шумной торговой площади, оказались не напрасны. Мне удалось найти именно того, кто был нужен: скупщика магических амулетов. Ему срочно требовалось закупить лечебные и защитные артефак-

ты для отряда охотников, что промышляют в суровом Серебряном лесу на севере королевства.

Его лавка была не просто точкой продаж, а укреплённым убежищем. Кроме самого мага-скупщика, внутри находились пятеро северян — временная, но грозная стража со шрамами на лицах и бесстрастными взглядами. Как мне пояснил хозяин, у них есть пять тысяч золотых корон, и время для них — дороже золота. Жаль только, что до сих пор никто не принес сюда ничего, что стоило бы их внимания.

Лишь к вечеру я появился в таверне «Золотой Аркан» где меня ждала просторная комната на верхнем этаже. Она была скромно, но добротно обставлена: массивная кровать с пологом, дубовый стол у окна, тяжелый сундук и камин, в котором уже потрескивали дрова. Но главным был вид из окна: прямо на площадь, где теперь, при свете фонарей и факелов, кипела вечерняя жизнь — бродячие музыканты, торговцы, закрывающие лавки, горожане, спешащие по домам. Этот гул был приятным фоном.

Я запер дверь, отодвинул стол к центру комнаты и водрузил на него походный стол Артефактора. При легком прикосновении руны на его поверхности засветились холодным синим светом. Доставая аметистовые заготовки, я отрешился от шума площади. Теперь только я и магия.

Приступив к работе, я оценил стол артефактора. Он, конечно, уступал в величии тому, что остался в зале порталов у Лича, но добротность и точность его изготовления вну-

шали уверенность. Первый амулет, «Восстановление здоровья», вышел достойным, его характеристики едва не достигли уровня мастера — это была удача.

Два часа пролетели в сосредоточенной тишине, нарушаемом лишь шепотом заклинаний и звоном кристаллов. В итоге передо мной лежали плоды труда: два кожаных мешочка. В одном — амулеты «Восстановления здоровья», в другом — «Универсальной защиты». Каждый — на сотню зарядов, каждый — с чёткой ментальной активацией. Простые на вид, они таили в себе сконцентрированную мощь, готовую вступить в бой против тварей из северной чащи. Дело было сделано.

Я бережно убрал оба мешочка в свою походную сумку поисковика – верную спутницу, с которой никогда не расставался. Вышел из комнаты, щелкнув магическим замком, и спустился в главный зал таверны.

Было около полуночи, но жизнь здесь кипела не утихая. Звон кружек, смех, гул десятков голосов – однако всё оставалось в рамках приличий. За порядком с невозмутимым видом наблюдал громадный тролль-вышибала Грог, чей один лишь взгляд усмирал любые зарождающиеся конфликты.

Дождавшись подавальщицы, я заказал эль и лёгкий ужин. Сделав первый глоток холодного пенистого напитка, я откинулся на спинку грубого деревянного кресла и позволил мыслям течь свободно. Если завтрашние переговоры с северянами пройдут гладко, в моём кошельке осядет невообра-

зимая сумма — пять тысяч золотых. Остальное, если верить расчётам, удастся собрать за считанные дни.

Лишь сейчас, в тишине таверны, до меня наконец дошёл истинный масштаб удачи. Заказ от Гильдии Механиков был не просто выгодной сделкой — это был самый удачный заказ в моей жизни. И встречу с мастером Праймом уже не назовёшь случайностью; это была судьба. Именно его странные, мудрёные задания выковали из меня нечто большее, чем простого искателя-поисковика. Они переплавили в универсального мага, чьи границы и возможности я до сих пор не осознал до конца.

Вкус эля на языке и потрескивание углей в камине — всё напоминало об одном. Прежний «я», был оставлен где-то позади в прошлом.

Мысль была приятной, но ее, словно стекло ударом камня, разбил грохот медного шлема. Его небрежно швырнули на мой стол, и он, звякнув, покатился, оставив на потертом дереве царапину. Лейтенант, судя по доспехам — мечник охраны каравана, прибывший с севера.

Это был настоящий сын суровых земель: широк в кости, с лицом, обветренным ледяными штормами и покрытым старым шрамом, пересекавшим правую бровь. Его волосы, цвета ржаного поля, были туго стянуты на затылке. Доспех — не показная дворцовая броня, а практичная смесь: кольчуга на туловище, поверх нее — стальные наплечи и нагрудная пластина, искусно протравленная простыми, угловатыми руна-

ми. На поясе висел полуторный тяжёлый меч, с рукоятью, обмотанной потертой кожей.

Мечник уперся ладонями в край стола, наклонился, и от него потянуло холодом далеких фьордов и дымом походного костра. Его голос был тихим, шипящим:

— Вали отсюда, парень. Ты будешь мешать мне и моим бойцам. Они сейчас подойдут.

Я краем глаза заметил, как Грог вышибала, начал тяжело подниматься со своего места у дверей. Я едва уловимо покачал ему головой. Сейчас это не его дело.

Затем медленно поднял взгляд на северянина.

— Уважаемый, — мой голос прозвучал на удивление ровно, — ты уже мне мешаешь. Поди прочь. Этот стол занят.

Последние слова прозвучали уже в наступившей тишине, которую заполнило тяжелое, молчание присутствующих. Рядом с лейтенантом, словно тени, выросли пятеро. Его отряд. Не просто солдаты — воины в комбинированных доспехах, собранных, казалось, с поля не одной битвы: кольчуги, пластины на груди, поножи из черненой кожи и стали. Их лица были суровы и непроницаемы, а руки привычно лежали на рукоятях мечей. Они молча смотрели на меня, ожидая лишь знака командира.

Щека под шрамом у лейтенанта дрогнула. Его глаза, холодные, как озера в предзимье, сузились. Он медленно выпрямился, и его тихий голос теперь резал воздух, как лезвие.

— Занят? — Он фыркнул, и в этом звуке было презрение.

— Я раздавлю тебя как таракана.

Тишина вокруг стала звенящей. Один из воинов сзади хмыкнул. Лейтенант наклонился еще ближе, от него пахло элем.

— Ты оскорбил не только меня. Ты оскорбил моих братьев по оружию. Честь моего отряда требует поединка. Или ты трусливо извинишься, уползая на четвереньках — Он сделал паузу, и в его глазах вспыхнул опасный огонь. — или докажешь, что твоя дерзость подкреплена чем-то, кроме глупости. На дворе. Сталь против стали. Здесь и сейчас.

Он отступил на шаг, ожидая моего ответа. Пятеро его людей молча расступились, образуя живой коридор к выходу. Вся таверна замерла, затаив дыхание. Даже Грог остановился, понимая, что дело приняло неприятный оборот.

Я медленно поднялся. Мой стул скрипнул, звук показался неестественно громким. Я встретился с ледяными взглядом северянина.

— Твоя честь? — спросил я так же тихо. — Хорошо. Если твоя честь жаждет поединка, она ее получит.

Девушка подавальщица, только что подошедшая к моему столу с подносом в руках, казалась совершенно растерянной, её взгляд выражал недоумение и лёгкую панику. Я постарался успокоить её улыбкой и жестом, показав, что всё в порядке, и тут же оплатил заказ. Облегчённо кивнув, она быстро поставила поднос на мой стол и юркнула в сторону кухни.

Я, медленно проведя глазами по исполину-северянину,

двинулся к двери.

— Идемте. Не хочу возвращаться к холодной пище.

В таверне засмеялись. Лейтенант вспыхнул, и сквозь стиснутые зубы прошипел:

— Всё, теперь тебе конец. Будем рубиться. До смерти.

Я развернулся на каблуках.

— Заблуждаетесь, — холодно отрезал я. — Выбор оружия и условий — мой. И ставка будет иной: год полного подчинения проигравшего победителю.

Лейтенант переглянулся со своими головорезами и громко рассмеялся:

— Ладно! Будет мне новый слуга!

— А вы? — я ехидно посмотрел на его людей. — Готовы разделить судьбу командира? Если он проиграет, вы все — мои на год.

Северяне, давась от смеха, согласно закивали.

— Все слышали? — мой голос прозвучал на всю таверну. Затем я вновь бросил вызов лейтенанту: — Магический договор? Или слова — всё, на что вы способны?

Мы вышли на задний двор таверны, а за нами, гудящей толпой, потянулись почти все посетители. Я занял место в центре площадки, отведенной для поединков, и, дождавшись лейтенанта, обрубил гул голосом, четко объявив условия:

— Бой прекращается, когда один из соперников не может продолжать. Ограничений нет: оружие любое, магия любая.

Начинаем.

Лейтенант, потеряв былую самоуверенность, нервно оглянулся на своих бойцов, потом на публику, жаждущую зрелищ, и пробормотал:

— Какая еще магия? Я — мастер меча!

Я проигнорировал его претензии. Мой вопрос прозвучал сухо и холодно, как сталь:

— Так какого же тёмного бога ты вызываешь на поединок того, кто тебе не по зубам?

В его глазах мелькнуло понимание: еще секунда — и авторитет будет безвозвратно потерян. Лейтенант резко выхватил клинок из ножен и, двигаясь с профессиональной, хищной скоростью, ринулся на меня.

Его встретил купол универсальной защиты, а через мгновение ледяное облако сковывающего холода окутало его фигуру, обратив в ледяной изваяние.

Я обвел взглядом остолебеневший отряд.

— Вы признаете поражение своего командира?

Те, мрачно переглянувшись, кивнули. Я применил «Малое исцеление» на лейтенанта. Лед с треском осыпался, и он, судорожно глотнув воздух опустил на одно колено, приходя в себя

Я терпеливо ждал, пока северянин, этот суровый воин с обветренным лицом, окончательно не придет в себя. Его взгляд, еще недавно полный ярости, теперь смягчился, отражая легкое недоумение. Когда он наконец поднялся, я подо-

шел, стараясь придать голосу как можно больше радушия.

— Прошу за мой стол, лейтенант, — предложил я — Берите своих людей, будем знакомиться.

Посетители таверны, которые до этого с замиранием сердца наблюдали за самым стремительным поединком, что когда-либо видела эта площадка, почтительно расступились, освобождая нам дорогу. В их глазах читалось уважение, смешанное с любопытством.

Лейтенант, все еще ощущая легкое головокружение от удара холодом, но уже с достоинством приняв поражение, кивнул. Его пять рослых бойцов, каждый из которых выглядел словно высеченный из гранита, сдержанно следовали за ним. Их лица были непроницаемы, но в их взглядах читалась готовность принять новую реальность.

— Барон Кейл Хелдер — представился я, протягивая руку перед тем, как занять место за столом — По условиям нашего поединка, теперь ты и твои бойцы находитесь под моим управлением.

Лейтенант, крепко пожав мою руку, ответил:

— Лейтенант Торвин клан Каменный Кулак. И это мои люди. Мы приняли поражение, и теперь готовы служить вам. Честь превыше всего, и мы не нарушим данного слова.

Его голос был низким и ровным, без тени обиды.

Я улыбнулся, чувствуя, как напряжение последних минут рассеивается. — Прекрасно, лейтенант прошу, располагайтесь. Налейте себе и своим бойцам эля. Сегодня мы будем

праздновать не только победу, но и начало нашего общего пути.

Устроившись за столом, я вызвал подавальщицу и заказал ужин на весь отряд. В ожидании, пока блюда будут готовы, я обратился к лейтенанту — Надеюсь, на данный момент у вас нет невыполненных обязательств?

— Нет, Кейл, все контракты закрыты. Мы как раз планировали зайти в торговую гильдию и наняться в караван, идущий на север.

Северянин вопросительно посмотрел на меня, ожидая продолжения.

— Что ж, отлично — сказал я, доставая золотую корону для расчета с молоденькой подавальщицей. — Отныне вы под моим началом, и все расходы на питание и проживание я беру на себя.

Взглянув на повеселевших северян, я продолжил, накладывая себе в глиняную тарелку куски румяного жаркого:

— Приступайте к трапезе. А я пока расскажу, что вам предстоит.

За ужином я открыл Торвину и его верным бойцам свою новую реальность. Внезапная и, признаться, подозрительная смерть моего отца и старшего брата возложила на меня бремя баронства Хелдера. Мне предстоит не только принять управление этими землями, но и докопаться до истины, выяснить, что стало причиной их ухода. В моем ведении теперь родовой замок, два города с населением около десяти тысяч

каждый, и пятнадцать деревень. Но главная задача, требующая немедленного решения, — это погашение долга отца герцогу в десять тысяч золотых корон, на это у меня есть всего месяц. А еще мне просто необходимо не меньше пятидесяти проверенных бойцов.

Когда мой рассказ подошёл к концу, я обратился к Торвину.

— Познакомь меня со своими бойцами, — попросил я. — И поведай мне свою историю.

Северянин криво усмехнулся, и тонкие морщинки прорезали кожу у его глаз.

— Всё до банальности просто, — сказал он. — Я — их командир. А эти люди перед тобой — мои воины.

Лейтенант наполнил свою кружку янтарным элем и продолжил:

— Я могу предоставить тебе сотню бойцов из моего клана. Цена — пять золотых в месяц за каждого. Твоё пропитание и крыша над головой. Устраивает?

Я погрузился в раздумья.

— Думаю, я соглашусь, — наконец произнёс я. — Но прежде мне хотелось бы узнать о тебе, о твоём клане и о том, откуда вы прибыли.

Торвин откинулся на спинку дубового стула, сделал большой глоток эля — и начал свой рассказ. Услышанное было столь любопытно, что я позволю себе кратко пересказать его.

Далеко за хребтами, о которые разбиваются теплые вет-

ра юга, лежит Ирийская Гряда — царство вечного камня и хвойного полумрака. Горные леса там не пестрят зеленью, а стоят, как войско темных исполинов: многовековые пихты и кедры, покрытые серебристым лишайником, их корни, уходя в каменистую почву с упрямством самих гор. Воздух там пахнет хвоей, мокрым гранитом и ледяной свежестью, даже в разгар короткого лета. А за лесами, на краю света, дышит Ледяное Море — не вода, а бескрайняя, подвижная равнина из битого льда цвета сапфира и молочного тумана. Выжить здесь могут только сильные, а править — только те, чья воля тверже гранита.

Среди десятков родов, населявших Ирийскую Гряду, Каменный Кулак был не просто одним из многих. Он был опорой, на которой держался этот суровый край. Их поселение-крепость, высеченное в утесе над бездонным фьордом, стало легендой. Они не строили свои жилища — они высекали их прямо из каменного сердца гор. Их воины с детства учились не фехтовать, а рубить: тяжелые, прямые клинки, чуждые изящества, созданные, чтобы одним ударом пробить шкуру ледяного тролля или расколоть щит вдребезги. Данное слово было у них нерушимее горных хребтов, а клятв-преступника изгоняли в ледяные леса на верную гибель. Грубые, прямолинейные, не ведавшие сладких речей южан, они хранили в себе честь, выкованную морозами поколений.

Лейтенант Торвин, прибыл с пятью своими бойцами — такими же угрюмыми и молчаливыми, как скалы в тумане,

— охраняя караван с мехами и самоцветами. Но истинным заданием грузом была не охрана каравана. Сто молодых воинов клана, закаленных в бесконечных стычках с морскими пиратами Северных островов и тварями с Ледяного моря, рвались в дело. Клан не мог прокормить столько лишних мечей в мирное время. Нужна была работа. Достойная работа для их мастерства.

Столица встретила их шепотом фонтанов, запахом жареных каштанов и пряностей, от которых першило в горле. Белокаменные дома лепились друг к другу, узкие улочки петляли, словно пытаясь запутать чужака. Торвин с его прямолинейным мышлением северянина видел в этом не очарование, а неуместную суету.

Он начал с королевского замка, цитадели, венчавшей город. Комендант, изящный мужчина в парчовом дублете, выслушал его, вежливо улыбаясь.

— Ваша репутация, безусловно, впечатляет, — говорил он, поправляя кружевной манжет. — Но гарнизон Андовилля — это прежде всего... тонкий инструмент. Знание придворного этикета, умение вести себя в обществе дам. Ваши молодые люди, я полагаю, больше привыкли к бою с э-э... дикими существами, нежели к светским раутам. Мы не можем рисковать.

В Гильдии Наемников «Стальной Щит» разговор был короче и циничнее. Глава гильдии, седой ветеран с холодными глазами счетовода, откинулся в кресле.

— Каменный Кулак? Слышал. Далековато. Видите ли, лейтенант, наемничество здесь — это не только мечи. Это связи, контракты, откаты, деликатная работа с клиентами. Ваши сородичи с их прямоотой могут... напугать наших благородных заказчиков. Не говоря уже о том, что гильдия — семья. А свою семью мы не разбавляем чужаками с Севера. Нет, спасибо.

Они обходили дома знати, мелких баронов, торговые синдикаты — везде картина была одна и та же. Изумленные взгляды на их потрепанную морозами броню и волчьи шкуры. Вежливые, сочувственные кивки. Сладкие речи, полные «к сожалению», «не в традициях», «неподходящий момент». Им предлагали выпить вина, которое казалось Торвину забродившим соком, и угощали пирожными, прилипавшими к небу. Но нигде — ни единого намека на деловое предложение.

Глава 2

На пятый день, стоя на мосту над тихой рекой Андо и глядя на отсветы тысяч огней в ее воде, Торвин впервые за долгие годы почувствовал не холод, а жгучую, бесплодную ярость. Его бойцы молчали, сгрудившись за спиной. Они все поняли без слов. Их честь и мечи здесь были никому не нужны.

— Они боятся, — хрипло проговорил Торвин, не оборачиваясь. — Боятся нашей силы, потому что она проста. Боятся нашей прямоты, потому что она режет их паутину лжи. Боятся холода, что мы принесем в их теплые норы.

Он сжал кулак в рукавице, и костяшки затрещали.

— Хорошо. Если они не хотят наших мечей для своей защиты — Он повернулся к своим. В его глазах, цвета ледяного моря, погасла последняя искра надежды, и загорелся знакомый, неяркий, но неугасимый огонь воли. — Может, найдутся те, кому пригодится наш опыт, чтобы эти замки «брать», а не охранять. Собираемся. Мы едем домой. Через земли барона Рейнольда. Говорят, у него проблемы с соседом и нет предрассудков насчет наемников. Но сначала зайдём в таверну и подкрепимся перед дорогой.

Затем они свернули в первую же попавшуюся по дороге таверну — «Золотой Аркан». Именно там наша встреча и произошла впервые.

После ужина, в соответствии с нашей договорённостью, я оплатил ночлег для своего отряда. Затем я уведомил лейтенанта Торвина, что с утра, после завтрака, его люди официально переходят под моё командование и приступают к исполнению обязанностей

Все было готово ко сну, когда в комнате прозвучал голос. Ко мне обратилась Милена — одна из сущностей, обитающих в моей ауре. По сути, это были копии душ, чьи подлинники по-прежнему покоились в магических кристаллах в древнем порталном зале Лича Арса.

Технику подселения душ я освоил в одном весьма странном мире, который местные называли Землей. Его странность заключалась в полном, казалось бы, отсутствии магии. Вернее, она еще теплилась в виде слабых, угасающих ручьев — аномальных зон, как называли их тамошние хуманы. Но они были столь ничтожны, что всерьез их можно было не принимать. Зато, лишенный магии, этот мир с головой ушел в развитие техники и наук, достигнув в этом невероятных высот.

Там-то я и обнаружил души великих ученых и механиков, чей интеллект и мастерство были сопоставимы с мощью архимагов моего мира. Для них я использовал магические осколки душ — артефакты с уникальными свойствами. Они позволяли не только точно перенести сущность в кристалл, но и, что главное, затем вселить душу в освобожденное от разума тело. Побочным, но весьма полезным эффектом ста-

ло то, что копия каждой такой души — со всеми ее знаниями, памятью и навыками — размещалась в моей собственной ауре.

Теперь я не один — нас стало семеро. С появлением этих спутников я получил доступ к их обширным знаниям, и они, в свою очередь, стали частью моего собственного разума. Одна из них, Милена лекарь — псионик, напомнила мне о моем обещании: найти для каждого из них новое тело. Она также добавила, что в новом облике они готовы принести мне клятву верности, став моими вассалами.

Я заверил Милену, что всегда держу свое слово. Однако, прежде чем приступить к выполнению этой задачи, нужно разобраться с делами моего домена. Затем предстоит найти путь к порталному залу Арса, где я оставил сумку с кристаллами их душ.

Усталость уже брала свое, и, засыпая, я посоветовал своим новым спутникам внимательно отмечать на карте нашего королевства все необычные места, особенно порталы и переходы, доступные через мое истинное зрение.

Утро началось превосходно: плотный завтрак в кругу нового отряда, короткие сборы — и вот мы уже на торговой площади.

Я вошёл в лавку скупщика в сопровождении Торвина. Заметив своих соплеменников, он резко обратился к ним на родном языке. Получив ответ, Торвин кивнул и занял позицию у входной двери, надёжно перегородив выход.

Торги прошли на удивление быстро и без осложнений. Думаю, немалую роль в этом сыграло присутствие Торвина. Мне удалось продать десять амулетов северянам за пять тысяч золотых. Еще три амулета, за тысячу, купил сам владелец лавки, которому я сделал значительную скидку.

В знак благодарности скупщик поделился со мной ценной информацией: завтра в Ролсе — столице баронства Ульриха Справедливого — состоится грандиозный торговый день. Раз в год там собираются сильнейшие маги артефакторы со всего королевства. Они предлагают взыскательным покупателям поистине уникальные амулеты и реликвии — вот только цены, надо признать, доступны далеко не каждому.

Впрочем, я не собирался там ничего покупать поэтому поблагодарил скупщика, аккуратно сложил своё золото в сумку и вышел из лавки на шумную торговую площадь. Взяв курс на порталную площадку, мы двинулись вперёд, ловко рассекая бурлящую толпу.

Пока мы пробирались сквозь людское море, я обратился к своему отряду:

— Сейчас мы покидаем Андовилль и перемещаемся в Ролс. Там нам предстоит основательно подготовиться к завтрашнему торгу.

Торвин, услышав это, радостно воскликнул:

— Отлично! Там мы встретимся с торговым представителем нашего клана. Он уже должен был прибыть в Ролс с огромным караваном несколько дней назад и должен был

продать весь товар. А завтра все золото потратить на боевые и лечебные амулеты — что существенно усилит наш клан.

Заплатив магу, обслуживающему портал, десять золотых корон за перемещение отряда, мы дождались своей очереди и оказались на центральной площади Ролса.

Столица баронства гудела, словно огромный улей. По обширной торговой площади сновали многочисленные группы магов, воинов и наёмников; непрерывно прибывали новые отряды. Нужно было срочно позаботиться о ночлеге. О чём я и сказал своей команде.

Торвин предложил мне:

— Этой ночью мы сможем переночевать в таверне «Северная подкова». Её полностью занял караван нашего клана. Если сейчас нет срочных дел, пойдём туда. Я познакомлю тебя с сородичами — возможно, они закупают амулеты, которые ты приготовил для завтрашних торгов.

Предложение Торвина оказалось, как нельзя кстати. Потянуло дымком жареного мяса и свежего хлеба, да и солнце уже стояло в зените, напоминая об обеде. Я кивнул в согласии, и наш небольшой отряд покинул шумную торговую площадь.

Узкие улочки сомкнулись над нами, как каменные стены. Солнце потерялось где-то в просветах между крышами. Только звон брусчатки под ногами нарушал тишину лабиринта. Обходя развалы товаров и шныряющих под ногами кошек, мы миновали арку в старой стене и вскоре увидели

северные ворота. Прямо у их подножия, уютно притулившись к крепостному валу, стояла та самая таверна — «Северная Подкова». От её трубы вился в небо плотный, почти осязаемый шлейф дыма, а из распахнутой двери доносился гул голосов. Именно здесь, как и говорил Торвин, уже собрался караван северян.

Площадь перед знаменитой таверной напоминала потревоженный муравейник, готовящийся к отдыху. Около тридцати грубых, добротных повозок, теперь уже пустых, стояли во внутреннем дворе. От них шел запах дубленой кожи и сладковатый, едва уловимый аромат проданных медов и сушеных ягод — безмолвное свидетельство удачного торгового дня. Сама же «Северная Подкова», низкая и широкая, будто вросшая в землю, светилась изнутри огненными щелями окон, обещая тепло, эль и громкие разговоры.

Переступив порог, нас окутал густой воздух таверны: дым очага, томленное мясо, хмельная кислинка эля и дух мокрой шерсти и пота. Зал, перекрытый почерневшими от времени массивными балками, гудел, как гигантский улей. Именно у длинного стола у дальней стены, под трофейным щитом, сидели они — северяне. Не просто наемники, а клан Серебристого Волка. Их было человек двадцать: волосы, заплетенные в боевые косы, лица с шрамами, словно карты суровых земель, и взгляды, оценивающие и острые, как лезвие секиры.

Торвин, сделал шаг вперед. Гул в углу затих мгновенно, все взоры впились в нас.

— Братья! — прогремел голос Торвина, заглушая общий шум зала. — Смотрите и знайте. Перед вами барон Кейл Хелдер. Отныне и ровно на год, он — наниматель мой и моего отряда. А еще ему нужно пятьдесят воинов по стандартному договору.

Молчание повисло плотное, тяжелое. Я почувствовал на себе вес этих взглядов, проверяющих, можно ли доверить спину и честь чужаку. Тогда я снял с плеча свою сумку и положил её на стол.

— Торвин говорит правду, — мой голос прозвучал спокойно в этой тишине. — Я пришел не с пустыми руками. И не только с золотом. У меня есть то, что может сковать врага превратив в лёд, защитить от удара и магии, дать силу медведя вашим лучшим бойцам. Артефакты предков и амулеты, забытые многими.

То, что началось как настороженная встреча, постепенно, превратилось в бурное застолье. А после того, как я достал из сумки несколько десятков амулетов и озвучил цену, увидел, как в глазах суровых воинов вспыхивал азарт охотника, увидевшего редкого зверя. Поднялись кубки, звучали тосты за удачу, за крепкую сталь и за щедрость нового союзника.

К полуночи, когда шум вокруг достиг своего пика, на столе передо мной лежали восемь тысяч золотых крон.

Северянин, тяжело положив свою ладонь на стол, посмотрел на меня, а затем на своих сородичей.

— Договор, Кейл. Скрепим его не только словом и золо-

том. Нашими обычаями. Кровью и руной.

Со свитка, который он извлек из-под плаща, был прочтен краткий, четкий текст: «Пятьдесят бойцов клана Серебристого Волка, на год службы, беспрекословное подчинение в бою, право на треть добычи.»

Когда последнее слово отзвучало, Торвин и я прокололи большие пальцы и прижали их к пергаменту там, где была выведена сложная руна — символ нерушимой клятвы. Бумага на мгновение вспыхнула холодным синим пламенем, впитав капли крови, и руна вспыхнув исчезла.

— Через неделю, — глухо произнес представитель клана он же и дядя Торвина, сжимая мою руку в своей, твердой, как гранит, — пятьдесят мечей и секир будет у ворот твоего замка.

В ту ночь «Северная Подкова» гудела до рассвета. А я знал — первая и самая важная битва этой кампании была выиграна не на поле боя, а за грубым деревянным столом, в дыму и громе северных песен. Начиналась война, и у меня теперь был свой мощный отряд.

Я ушел в полночь в выделенную мне комнату. Она была небольшая, и всё в ней казалось миниатюрным: приземистый стол, узкая кровать, крошечное окошко. Но меня это устраивало. Здесь я оставался наедине с собой, с тишиной и запасом магических заготовок. Этого хватит, чтобы до рассвета создать амулеты для утренних торгов.

Утро ворвалось в мою комнату не ласковым светом, а

оглушительным грохотом. По длинному коридору, мимо плотно закрытых дверей постояльцев, прошествовал мальчишка-уборщик, отбивая ритм ложкой о медный котелок. Позже я узнал, что этот металлический перезвон был не просто шумом, а своеобразным, весьма настойчивым приглашением к завтраку.

Зал таверны окутал меня густым, спёртым теплом, пахнувшим вчерашним элем, дымом и хлебом. Возникло стойкое впечатление, что народ, гудевший тут вечером, никуда и не уходил, а просто заснул на столах и лавках. Но Торвин, развеял мои сомнения, хрипло прошептал:

— Северяне, конечно, любят выпить эля. И побольше. Но только не утром. Это всё гости — купцы, контрабандисты, искатели приключений. Клан уже на торгах.

Главный закупщик с воинами действительно отбыл на торги. Я же, не спеша позавтракав со своим отрядом, выдвинулся в город. Но не на шумную торговую площадь, а туда, где властвовал иной порядок — в гильдию магов.

Она стояла в южной части города. Здание, сложенное из темно-серого, почти чёрного камня, поглощало солнечный свет, а не отражало его. Узкие, высокие витражные окна, больше похожие на бойницы, мерцали изнутри, ровным, холодным сиянием. Дверь, массивное полотно из черного дерева, была лишена всякой резьбы или украшений, что лишь подчеркивало ее суровую, монументальную простоту. Она выглядела как врата в иной мир, где царят иные законы и

иные красоты. Единственным отступлением от этой аскетичности были две массивные, отполированные до зеркального блеска медные ручки.

Внутри воздух был тих и прохладен. Полумрак царил в просторном холле, нарушаемый лишь световыми столбами из тех самых узких окон. Пылинки танцевали в них, будто боясь опуститься на идеально отполированный каменный пол. Вместо привычной конторки стоял массивный стол тёмного дерева, за которым сидел маг оценщик в строгих серых одеждах. Его лицо было бесстрастным, а взгляд — оценивающим и лишённым всякого любопытства. На стене за ним находился внушительный стеллаж с образцами амулетов и ценниками.

Именно здесь и предстояло узнать, сколько стоят мои амулеты, кропотливо созданные в беспокойной тишине прошлой ночи.

Торвин и его пять воинов остались возле дверей, а я подошёл к магу, и спросил:

— Лэр, хочу предложить вам несколько амулетов во сколько вы их оцените?

— Зови меня лэр Паттон — маг скептически посмотрел на меня при этом оглядев, с ног до головы, и видимо приняв решение, предложил — ну давай удиви старого Паттона, что там у тебя?

Я достал из своей сумки три заранее приготовленных амулета и положил их на стол перед магом. Было интересно на-

блюдать за мимикой лица старого Паттона сначала снисходительное выражение лица, изменилось на удивленное, а затем на изумленное.

— Очень интересно!

Маг медленно провёл пальцами по поверхности каждого амулета, прищурившись. Его взгляд, привыкший видеть потоки магии, читал характеристики и потенциал предметов, как открытую книгу.

Первые два артефакта он отложил в сторону почти сразу, едва закончив сканирование. Они были качественной работы, уровня мастера — такие не редко встречались. Один излучал пронизывающий холод и был зачарован на призыв «Ледяного Копья», другой вибрировал от сжатой энергии воздуха, готовый выпустить сокрушительный «Воздушный Кулак». Сильные, прямолинейные, боевые инструменты. Для многих искателей приключений — мечта, для Мага — предсказуемые и уже немного скучные. Но третий амулет заставил его замереть. Он был сделан их той же заготовки что и предыдущие, два, однако внутри бушевала не разрушительная, а созидательная сила, сложная и необычная. Маг углубился в его изучение.

Это был первый амулет, который я создал не по учебнику, не по чёткому рецепту, а под настойчивый, почти навязчивый шёпот моих подселенных сущностей. Они помогли мне совершить, как я думал сегодня ночью, кощунство — преобразовать заклинание «Каменного Голема», в нечто совер-

шенно иное. Они изменили структуру заклинания, из грозного бойца он стал архитектором. Амулет призывал «Строительного Голема». Существо, заточенное не на войну, а на созидание. Его магия была нацелена на понимание чертежей, на точную подгонку камня, на возведение стен со знанием о нагрузках и балансе. Он мог за день возвести прочный дом, за неделю — сложить небольшую крепостную башню. И не просто сложить, а укрепить, сделать стены монолитными, будто они росли здесь веками. Он был мечтой любого фортификатора, потому что интуитивно понимал принципы обороны — где сделать стену толще, где расположить бойницу, как укрепить ворота.

Маг оценил боевые амулеты ровно в четыреста золотых за штуку — сумма предсказуемая, как я и предполагал. А вот за амулет голема-строителя выложил пятьсот, едва скрывая пренебрежение: дескать, вещь недоделанная, до мастера не дотягивает аж на четыре уровня.

Я не стал спорить. Кивнул, вежливо принял звонкие монеты и попрощался. В тот момент, когда он убирал мои творения в ящик стола, на его губе мелькнула торжествующая улыбка. Мгновение, но я его поймал. Со стороны могло показаться, что меня надули — и жестоко.

Но я знал истинную цену. Боевые амулеты — дело техники. Их структура давно разложена по полочкам, и цена здесь зависит лишь от чистоты исполнения и имени мастера. Со всем другим делом — амулет голема. Моя разработка. Вернее,

плод общего труда: знаний всех тех сущностей-ученых, что когда-то растворились в моей ауре, слились с разумом и стали частью меня.

Мы создали заклинание «Голем-строитель», дополнив его особыми плетениями. Эти плетения блокируют доступ к магическим линиям и теперь заклинание невозможно скопировать.

На разработку защитных плетений ушло вдвое больше времени, чем на само заклинание. Но результат оправдал затраты: мы получили универсальный «замок» для магических формул. Без знания способа его открытия любые попытки копирования заклинания бесполезны.

Так что пусть улыбается. Его ждёт разочарование куда горше, чем моя кажущаяся потеря.

Глава 3

Пыльная дорога, ведущая к торговой площади, гудела под ногами моего отряда. Ко мне подстроился лейтенант Торвин, его меч, закинутый за спину, глухо позванивал о латы.

— Кейл, — начал он, тихим голосом, чтобы не слышали другие. — Позволь спросить?

Я кивнул, давая ему продолжить.

— Эти амулеты, что ты создаешь... — Он сделал паузу, подбирая слова. — Мы не богаты золотом, чтобы купить такие. Но у нас есть наши мечи, наши жизни и наша клятва. Что, если... мы отработаем тебе за них? Год. Еще один год наш отряд служит по стандартному договору и платой будет не золото, а амулеты.

Это было неожиданно. Я остановился, и отряд замер позади, чувствуя напряжение разговора. В их глазах читалась твердая решимость. Они были готовы не торговаться, а заключать договор.

Я озадаченно посмотрел на них

— Год... Это не монета, которую бросил — и забыл. Это год ваших жизней. Вы хотите привязать себя не к золоту, а к амулетам и моей воле? Почему?

Торвин, твердо окинув взглядом своих товарищей, ответил так, будто высекал слова в скале:

— Потому что мы устали быть щитом, который принима-

ет удары ради чужих выгод. Дай нам этот год — и мы вернем тебе вдвое. Не только сталью, но и честью. И ты приобретешь не наемников, а союзников.

После небольшой паузы я улыбнулся:

— Вы предлагаете мне не службу, а союз. — Я вытащил один из амулетов, и он заиграл на солнце тусклым золотым светом. — Хорошо. Я обязуюсь не бросать вас на бессмысленную бойню, выполнять все пункты договора. Но в ответ я требую беспрекословного доверия в бою и абсолютной честности вне его. Мы строим не отряд, а братство. Согласны?

Ни слова в ответ. Лишь мощный, глухой стук — удар сжатых кулаков по нагрудникам. Этот звук, суровый и простой, заменил собой все клятвы.

Торговая площадь уже бурлила, словно гигантский муравейник. Между палаток и прилавков сновали наёмники — одни целыми отрядами, другие поодиночке, — бродили маги и искатели, внимательно высматривающие среди груды товаров надёжные амулеты. Мои воины-северяне уверенно пересекали эту пеструю, шумящую толпу, прокладывая мне путь.

Взгляд мой привлек огромный шатёр, расписанный в пёстрые цвета Южного королевства. Я направился к нему. Шатёр служил чем-то вроде центрального склада, а вокруг него теснились десятки прилавков, за которыми стояли продавцы, маги и их ученики. Я обошёл многие, просматривая разложенные артефакты, но ничего стоящего для себя не нашёл — лишь груды древнего оружия, потрёпанные книги,

пыльные свитки и поблёкшие карты.

Задержался я лишь у одного седого мага, скупая у него великолепные заготовки для амулетов. Старик, поглаживая окладистую седую бороду, с любопытством поинтересовался:

— Для чего искателю понадобились одни лишь заготовки? Разве готовые амулеты не надёжнее?

— Я не только искатель, — ответил я, — в моих руках есть магия, и я умею ею пользоваться.

Для наглядности я протянул ему один из своих амулетов — «Универсальную защиту». Маг взял его бережно, долго и молча рассматривал, вчитываясь в характеристики. Наконец, он поднял на меня взгляд, в котором смешались уважение и жадное любопытство.

— Сколько хочешь за него? Или может быть обмен?

— Мне не нужны чужие амулеты. Как видишь, я создаю их сам, — я спокойно забрал оберег обратно. — Но меня интересуют древние карты. Особенно, если найдутся такие, где отмечено положение старых порталов. За подобную редкость я был бы очень признателен.

Старый маг с явным удивлением уставился на меня.

— Молодой человек увлекается историей? — спросил он, прищурившись.

— Что-то в этом роде, — уклончиво ответил я, одновременно доставая из складок плаща ещё один артефакт. В ладони лег тяжёлый, тёплый от собственной магии амулет «Го-

лем-строитель». — Если карта окажется действительно интересной, я добавлю к сделке и его.

Глаза старика загорелись при виде нового сокровища. Он молча кивнул и стал рыться в ящиках под прилавком, где хранилось самое ценное.

Наконец старый маг достал из небольшой шкатулки кулон на длинной цепочке. Его пальцы, испещрённые прожилками, бережно обхватили серебристый металл.

— Если ты действительно маг и обладаешь истинным зрением, то этот кулон — твоя карта, — прозвучал его тихий голос. — Вернее, ключ к картам. Многим картам.

Он протянул мне амулет. Цепочка оказалась холодной, а сам кулон — тёплым, будто живым. Я накинул его на шею.

— Теперь, в Истинном Зрении, ты должен увидеть Фолиант. Открой его — наставительно произнёс маг.

Я закрыл глаза, позволив внутреннему зрению затмить реальность. И увидел книгу, парящую в моём сознании.

— Этот Фолиант, — пояснил голос мага, будто доносясь сквозь толщу воды, — есть Сборник Карт Миров. Чтобы разобраться в этом мне потребовалось двадцать лет. Книга на древнем языке, которого мы не знаем, но я нашёл то, что искал.

В его словах слышалась усталая гордость долгого поиска.

— Искомую страницу я отметил. Полистай. Найдёшь.

Мысленно я перелистнул первую страницу. Первая страница растворилась, и я больше не читал книгу — я жил внут-

ри неё. Её пейзажи возникали не нарисованными рукой мага картографа, а рождались в глубине моего восприятия: вот заснеженные хребты, спящие вечным сном; вот океаны и континенты, над которыми плывут облака — всё, словно увиденное с недостижимой высоты птичьего полёта. Вот заснеженные хребты, спящие вечным сном; вот океаны и континенты, над которыми плывут облака — всё, словно увиденное с недостижимой высоты птичьего полёта.

Я листал дальше, мимо чужих миров и непостижимых ландшафтов. И примерно на двадцатой странице увидел её — слабый, но неоспоримый отсвет изумрудного света на полях. Это была метка старого мага.

Наш мир. Вернее, очертания были знакомы до боли: континент, напоминающий растянувшуюся кошку, как на старых картах в библиотеке Магической Академии. Сердце ёкнуло. Я сосредоточился, и изображение послушно приблизилось, будто я летел над ним с высоты орла. Вот извивы Великой реки, вот зубцы Гор Седых Вершин... Королевство, его столица... и наконец — город, в котором я сейчас стоял перед магом. Улицы, площадь, эта самая башня — всё было отчетливо видно с пугающей точностью.

Но самое удивительное ждало за чертой города. Сосредоточив зрение на пустоши в десяти километрах к востоку, я увидел мелкую, едва заметную руну, мерцающую холодным светом. Отметку. Портал.

Выйдя из состояния Истинного зрения, пряча охватившее

меня потрясение под маской равнодушия. Медленно, чтобы не выдать дрожи в пальцах, достал те самые два амулета и положил их перед магом:

— Обмен?

Тот ответил молчаливым кивком и с почтительной осторожностью поместил мои дары в ларец из тёмного, почти ночного дерева.

Вскоре я объявил отряду о своём решении. Мы арендуем лошадей у хозяина «Северной подковы» и ещё до вечера покинем город.

У меня появилось желание немедленно отправиться к portalу перемещения — изучить его вблизи и заодно проверить, можно ли доверять только что приобретённым картам.

И вот, спустя ещё час, наш маленький отряд выехал через северные ворота, оставив за спиной шум города.

Понадобился еще час, чтобы добраться до развалин древней крепости. Под сенью разрушенной башни, среди обломков вековых камней, мы расчистили заваленный вход в подземелье. Своды низко нависали над головой, пахло сыростью, прелыми листьями.

Карта не обманула. В истинном зрении магический маркер вспыхнул яркой зеленой точкой, указывая путь в самый дальний угол подземелья. Там, на глухой стене, скрытый от обычного взгляда, зиял портал. Его поверхность напоминала черный, неподвижный омут, в котором мерцали крошечные звезды, а по краям струился туманный, сияющий свет.

Мои действия — точные, лишённые сомнений, — повергли Торина и его воинов в немое изумление. Они замерли, наблюдая, как я произношу слова активации, и безжизненный камень оживает, наполняя подземелье гулким, нарастающим гулом. Воздух зарядился статикой, зашевелились волосы.

Врата перемещения мягко замерцали прохладным голубоватым светом, словно дыша таинственной энергией. В поле истинного зрения возникли две пиктограммы. Первая — сияющая золотистым оттенком, под ней чётко проступала надпись: «Переход в мир Грейд, совместимость 100 %». Вторая — спокойная, изумрудно-зелёная, с лаконичной пометкой: «Переход в Главный порталный зал».

Не колеблясь, я остановил выбор на зелёной пиктограмме и активировал её.

— Ждите меня здесь, — прозвучал мой приказ, отмечая все вопросы. И прежде, чем в их глазах успело смешаться недоверие с суеверным страхом, я шагнул в мерцающую пустоту портала. Холод объял меня, пространство сжалось и разорвалось — последним, что я видел, были их окаменевшие фигуры в пыльном свете подземелья, прежде чем тьма поглотила все.

Я вновь очутился в порталном зале. Осмотревшись, я не обнаружил никаких перемен — словно время здесь подчинялось иному, неведомым законам. Ряды площадок порталных ворот тянулись в бесконечность; тусклый свет не позволял разглядеть противоположную стену, но я точно знал: там

скрывается проход в покои зрителей. Тех самых — высшего лича Арса и его прислужников, обычных личи. Спустившись с высокой платформы телепорта, я без колебаний избрал путь к обители хранителей врат. Массивная дверь из чёрного дерева поддалась моему прикосновению, и я переступил порог знакомого зала.

Арс восседал на каменном троне, погружённый в чтение древнего фолианта. Заметив меня, он поднял взгляд и произнёс с едва уловимой иронией:

— Что так долго?

Я невольно вздрогнул от удивления:

— Долго? В моём мире минуло всего два дня! Надеюсь, мои вещи в порядке, я, собственно, за ними и переместился, у меня появились неприятности в баронстве и хороший успех будет просто необходим.

Лич медленно и плавно спустился на гранитные плиты пола помещения и жестом предложил следовать за ним. Я зашёл в хорошо освещённый зал, который личи превратили в склад, увидел двух напарников Арса, которые очень медленно передвигались.

Что это сними? — удивился я.

Арс немного помявшись сказал:

— Забыл я тебе в прошлый раз заказать для них пару ингредиентов, выручай мне никак нельзя оставаться без помощников, по статусу не положено. Помогите восстановить их магическую силу, для этого нужно два камня душ воздуш-

ных элементарей. Я в долгу не останусь.

— И всего то? — ухмыльнулся я и достав из походной сумки артефакт вызова воздушного элементаля протянул его личу — возьми, пригодиться. А я пока пойду заберу свои вещи.

Пока личи возились с воздушными элементами, вызывая их и добывая из них тусклые камни душ, я двинулся вглубь знакомых каменных стеллажей. В полумраке, пахнущем старым пергаментом и прахом, мои пальцы нашли то, что искали: прохладную, отполированную веками хитиновую броню.

Облачаясь в доспех Короля скорпионов, я чувствовал, как древний хитин оживает, тихо поскрипывая и подстраиваясь под изгибы тела, становясь второй кожей — легкой, невероятно прочный и удобный. На пояс повесил одноручный ледяной клинок, иней от которого тут же покрыл пряжку тонким узором. Через плечо я перекинул пространственную сумку — подарок Арса.

Там лежали мои сокровища, добытые в странствиях по мирам и забытым реальностям, куда меня забрасывала воля мастера Прайма, зрителя Хроно-библиотеки. Среди прочих диковин — уникальный переносной стол артефактора. В его центре, как сердце в часовом механизме, помещалась медная чаша-артефакт «Удача». Стоило ее установить — и шансы на успешное создание амулета возрастали в разы, наполняя изделие магией исключительной чистоты.

Однако самым главным, самым ценным из всех моих приобретений был неприметный кожаный мешочек, туго пережатый крепким шнурком. В нем, издавая едва слышимый звон при каждом движении, хранились шесть магических кристаллов — Осколков Душ. В их ледяной, сияющей изнутри глубине я заключил сущности шести разумных. Они терпеливо ждали. Ждали момента, чтобы возродиться в новых телах, начать обещанную мной вторую жизнь. Мне оставалось лишь отыскать для них подходящие оболочки. И, что самое поразительное, одна из этих сущностей уже обрела плоть, вселившись в тело синего джинна, которое было ему предложено.

Я уже заканчивал осмотр содержимого сумки, когда к моему столу подошли Арс и его помощники. Камни душ вернули им силы, от их присутствия воздух потяжелел и зазвенел едва уловимым напряжением.

— Кейл, я твой должник — голос Лича звучал сухо, как шелест пергамента. — А долги надо отдавать. Есть ли у тебя пожелание? Я слушаю.

Я не ответил сразу, мысли металась меж практических расчётов. Золота? Его у меня хватит, чтобы погасить долги и даже нанять воинов для охраны своих земель. Нет, нужно что-то большее, что-то, что заложит основу на годы вперёд.

Идея, бродившая в уме последние дни, наконец оформилась в чёткий план. Клан Торвина суровые, как скалы севера, воины и охотники. Их женщины — искусные мастерицы

по выделке шкур. Пригласить их в своё баронство – было бы выгодно нам всем.

Мои земли, почти на четверть покрытые густыми, нетронутыми лесами, граничащими с Эльфийским королевством. Да, они пришли в упадок после гибели последнего королевского Мелорна три века назад. Но если найти возможность возродить царя деревьев, то мы не просто вернем лесам их былую мощь, мы восстановим баланс, откроем новые пути к процветанию и, возможно, даже заново выстроим мосты с эльфами.

Именно эта мысль стала ключом. Я поднял взгляд на горящие точки света в глазницах Арса.

— Материальные богатства мне не нужны, Арс. Но есть то, что не купишь ни за какое золото. Знания. Мудрость, утраченная другими.

Лич слегка склонил голову, внимая.

— Моя просьба касается эльфийских лесов, – начал я, тщательно подбирая слова — Я знаю, что триста лет назад пал последний Королевский Мелорн – не просто дерево, а сердце их магии. Леса дичают, память угасает. Но ты, хранитель забытых тайн. У тебя, возможно, осталось то, что считается утраченным.

Я сделал паузу, давая ему осмыслить мои слова.

— Я прошу у тебя семена Мелорна. Для того, чтобы попытаться вернуть жизнь в землю, дать ей новую силу. Чтобы однажды в моих лесах снова зашептались на ветру листья,

помнящие древнюю песню.

Арс с интересом посмотрел на меня.

— Семена Мелорна — прошелестел он — Ты выпрашиваешь не дар, а испытание, Кейл. Последнюю надежду. Эльфы оплакали их как погибшие — и не без оснований. То, что я храню, не семена в привычном смысле. Осколки памяти первого великого древа, заточённые в вечность магического янтаря. Они могут никогда не проснуться. Время для них почти иссякло. Но если чудо случится, и они дадут росток, это привлечёт взоры тех, чьи вопросы лучше не слышать.

— Пусть привлечёт, — твёрдо ответил я — Я готов к ответственности. Если ты даруешь мне эту возможность, я буду охранять и возвращать их, как величайшую ценность моего дома. Это мой выбор.

Арс наблюдал за мной долгим, оценивающим взглядом, в котором, казалось, мелькнула тень сомнения.

— Любопытно, — наконец произнёс он. — Большинство просило титулы, замки, клинки, не ржавеющие веками, или амулеты, дарующие мощь. А ты просишь дерево, которое можешь и не увидеть в цвету. Быть может, в этом и есть мудрость, которой я не ощущал долгое время. Хорошо, Кейл. Ты получишь свои «семена». Но помни: с памятью великих деревьев приходит и их скорбь, и их тайны. Не говори, что я тебя не предупреждал.

Он сделал едва уловимое движение костлявой длани, и в воздухе возник небольшой ларец из тёмного, словно впитав-

шего ночь, дерева.

Я принял ларец. Он был на удивление лёгким, но в нём чувствовалась пульсация тихой, дремавшей силы.

— Договор исполнен, – кивнул я. – И спасибо. Не только за это. За напоминание о том, что некоторые вещи важнее сиюминутной выгоды.

Бережно я поместил ларец в глубь сумки. Моя благодарность Личу за щедрый дар была искренней, но тут же сменялась практическим вопросом: нет ли у него амулета, способного скрыть такую броскую уникальность моих доспехов от посторонних глаз?

Арс лишь хмыкнул, и в его взгляде мелькнуло что-то вроде снисходительного веселья.

— Зачем тебе побрякушки, если твой доспех и так умеет больше, чем кажется? – прозвучал его ответ – Советую изучить его возможности получше. Ты сам можешь менять его внешний без потери свойств.

Он выдержал паузу, а потом, будто между делом, спросил:

— Собираешься навестить Четвертый Нижний? Мне стало известно, что сам властитель одного из сильнейших доменов ждет тебя в гости.

Я не смог скрыть удивления, взгляд мой стал вопросительным.

— Дела в моих владениях требуют присутствия, Арс. Пока с ними не разберусь, о дальних походах речи нет.

— Что ж, спешки нет, – кивнул Высший Лич. – Я умею

ждать. Он жестом подозвал одного из безмолвных помощников. Тот с почтением, протянул хозяину свиток, опечатанный магией.

— Передай это правителю Великому Диалону — сказал Арс, вручая мне свиток. Холодок магии пробежал по пальцам. — Он знает, что с этим делать.

Отправив свиток в пространственную сумку вслед за ларцом, я попрощался с Высшим Личом и его безмолвными слугами. Дорога назад к порталной площадке моего мира пролегла через беззвучные галереи, где лишь эхо вторило моим шагам.

Глава 4

Торвин и его отряд встретили меня не как командира, а как призрака. Я видел, как их пальцы сжимали рукояти мечей, а взгляды настороженно скользили по моей фигуре. Напряжение висело в воздухе, густое, как смоль.

— Лейтенант, успокой своих людей, — голос мой прозвучал спокойно, резко контрастируя с их тревогой. — Что вы смотрите на меня, как на приведение?

С тихим шелестом клинки всё же скрылись в ножнах, но расслабленности не наступило. Торвин сделал шаг вперёд, не приближаясь, его обычно твёрдый взгляд был полон сомнений.

— Кейл, это был не простой портал, не так ли? — спросил он, отчеканивая каждое слово.

Я попытался было уйти от прямого ответа, с небрежной улыбкой бросив:

— Все порталы не простые, Торвин.

Но северянин твёрдо стоял на своём, и его низкий голос зазвучал ещё убедительнее:

— Я слышал легенды. О том, что в древних руинах ещё можно найти врата, ведущие не просто в другие города, а на другие материки. Или даже в иные миры. — Он пристально посмотрел на меня, а затем его взгляд скользнул по моему облачению. — Тебя не было около часа. И ты вернулся... в

этом. В лёгком доспехе, работы древних я полагаю.

Я непроизвольно поморщился. Проклятая небрежность! Надо было трансформировать магический хитиновый доспех в привычные для нашего мира латы, но в спешке и под грузом новых знаний я совсем забыл о маскировке. Теперь мой внешний вид кричал о тайне громче любых слов.

Придётся объясняться. Хотя бы частично.

— Ты прав, — признал я, неспешно убирая руку с рукояти клинка. — Это был не обычный переход. А доспех... Он достался мне в качестве платы за одно поручение. Творение древних магов. Сейчас я приведу его в надлежащий вид. Прошу лишь не разглашать этот мой небольшой секрет.

В глазах Торвина явственно читалась внутренняя борьба: любопытство отчаянно соперничало с осторожностью. Наконец он кивнул — медленно, всё ещё погружённый в раздумья.

Под восторженными взглядами отряда я ментальным приказом изменил вид доспеха. В мгновение ока он преобразился, приняв облик изысканного кожаного доспеха, чья стоимость не вызывала сомнений.

— Добро пожаловать назад, командир — произнёс Торвин, и в его голосе вновь зазвучали привычные ноты почтительности. — Мы готовы продолжить путь. Но — он ненадолго замолчал, подбирая слова, — возможно, в дороге ты поведаешь нам об этом доспехе и о портале?

Уголки моих губ едва заметно дрогнули. Долгий разговор

был неизбежен, но не здесь и не сейчас.

— Я расскажу, но только если поклянетесь хранить тайну
— произнес я, бросив взгляд на мерцающий овал портала.
— А сейчас мы возвращаемся в город.

Мы покинули руины лишь после того, как я наложил магическую печать на вход в подземелье, а воины Торвина тщательно завалили проход валунами, вернув местности первоначальный нетронутый вид.

В пути я рассказал северянам о планах: сегодня вечером мы разместимся в моём родовом замке, а завтра начнём осмотр двух городков и окрестных деревень. Выплату долга решил отложить на неделю — до подхода первых пятидесяти бойцов северян.

В километре от города мы увидели начало стремительного боя. Пять Светлых эльфов, ведомых моей давней знакомой, Мэриэль, столкнулись с десятком темных дроу. Мэриэль, чьи волосы цвета лунного серебра развевались на ветру, была воплощением грации и смертоносной точности. Ее длинный, тонкий клинок, выкованный из звездного металла, казалось, пел в воздухе, оставляя за собой мерцающий след. Она двигалась с такой легкостью, что казалось, будто она танцует, а не сражается. Каждый ее выпад был выверен до миллиметра, каждый блок — безупречен.

Ее спутники, столь же искусные, как и она, образовывали вокруг нее живой щит. Один, с глазами цвета изумруда, владел двумя короткими мечами, которые мелькали с такой

скоростью, что превращались в размытые полосы. Другой, с длинными, темными волосами, предпочитал лук, и его стрелы, словно призраки, находили цели в самых неожиданных местах, пробивая хитиновую броню дроу и заставляя их отступать. Третий, облаченный в легкую кожаную броню, использовал копье, его движения были стремительны и неумолимы, как удар молнии. Четвертый, самый молодой, но не менее отважный, сражался с полуторным мечом, его удары были мощными и разрушительными, способными расколоть даже самые крепкие щиты.

Дроу, напротив, были воплощением мрачной силы и жестокости. Глаза, горящие красным огнем, излучали ненависть и жажду крови. Они были вооружены изогнутыми ятаганами их движения были резкими и агрессивными. Их темная магия, пропитанная ядом и страхом, пыталась опутать эльфов, но те, отражали каждый удар, каждый заклинание.

Схватка была напряженной. Эльфы, несмотря на численное превосходство противника, держались стойко. Но силы были неравны. Я видел, как Мэриэль, несмотря на свою невероятную ловкость, начала уставать. Один из дроу, более крупный и свирепый, сумел прорваться сквозь оборону и направить свой ятаган на нее.

Именно в этот момент мы вмешались.

— Отряд, к бою! Цель — дроу! — мой голос прозвучал как раскат грома.

Мой отряд, состоящий из могучих северян под предво-

дительством лейтенанта Торвина, ринулся в бой. Его доспехи, выкованные из северной закаленной, стали и украшенные мехом белого медведя, казались непробиваемыми.

Остальные северяне, тоже были с тяжелыми мечами. Их доспехи, хоть и менее изящные, чем у эльфов, были надежны и прочны. Они были закалены в бесчисленных битвах, и каждый из них знал свое дело.

Наше появление стало для дроу неожиданностью. Они были сосредоточены на эльфах, и наше внезапное нападение посеяло в их рядах панику. Торвин, словно вихрь, пронесся сквозь их строй, его меч оставлял за собой кровавый след. Его удары были настолько мощными, что дроу отлетали, словно тряпичные куклы.

Я, сражаясь рядом с ним, мой новый доспех придавал мне силу и идеальную защиту, его великолепный вид указывал что это работа древних, делая меня заметной целью. Бой становился для меня откровением: я привыкал к доспеху и послушности клинка, погружаясь в ритм сражения. И всякий раз, когда меч находил цель, по телу разливалась волна новой энергии — невероятное, пьянящее чувство.

Дроу, оказавшись между двух огней, начали отступать. Их яростные атаки сменились отчаянной обороной. Красные глаза, еще недавно полные уверенности, теперь горели страхом. Они пытались использовать свою темную магию, но северяне, закаленные в битвах с самыми разными противниками, не поддавались их чарам.

Мэриэль, вновь обретя силы благодаря нашей поддержке, с удвоенной яростью обрушилась на оставшихся дроу. Ее клинок теперь казался еще быстрее, еще смертоноснее.

Последний дроу, оставшийся в живых, попытался бежать, но был настигнут стрелой эльфа лучника.

Тишина, наступившая после боя, казалась оглушительной. Воздух был пропитан запахом крови и металла. Мы стояли, тяжело дыша, среди поверженных врагов. Пять Светлых эльфов, изможденные, но невосприимчивые, склонили головы в знак благодарности. Мэриэль подошла ко мне, ее серебряные волосы были слегка растрепаны, но глаза сияли благодарностью.

— Кейл, ты снова спас меня — прошептала она, ее голос был полон искренности.

Пока эльфы и мои северяне собирали трофеи я поинтересовался у Мэриэль что она забыла в этом городке вдали от эльфийских лесов и что не поделили с дроу.

Мэриэль изложила суть дела сжато и чётко. Получив от главы клана тревожные вести о готовящемся нападении имперцев и дроу на приграничные земли, она отправилась закупать боевые артефакты. Стычка у городских стен стала печальным подтверждением её опасений. Дроу, чей отряд превосходил числом её собственную охрану, попытались с присущей им коварной наглостью отнять ценный груз прямо на выезде. Наша своевременная помощь переломила ход схватки.

Я предложил Мюриэль и её уставшим бойцам составить нам компанию до таверны «Северная Подкова» — разделить трофеи, дать людям передохнуть перед дальней дорогой в мои владения. Она, не раздумывая, согласилась; путь её лежал в том же направлении.

Дорога к городу петляла среди холмов, утоптанная тысячами повозок и подков. Пыль, взметнувшаяся во время боя, медленно оседала на придорожный бурьян. А впереди, всё вырастая по мере приближения, вставала твердыня — мощная каменная стена, опоясавшая весь город. Тёмный, замшелый гранит её кладки испещряли шрамы былых осад. Через равные промежутки сторожевые башни с узкими бойницами впивались в низкое небо, словно каменные клыки. Над воротами, к которым вела наша дорога, нависала громада подъёмной решётки, острия которой тускло поблёскивали в скудном свете.

Через десять минут мы уже были на месте. Массивные дубовые ворота, обитые черненым железом, стояли распахнутыми, а на входе, неподвижные и бдительные, застыли стражники в сверкающих начищенных кирасах. Их взгляды — холодные, оценивающие — медленно скользили по нашим плащам, пропыленным дорожной грязью, задерживались на свежих ссадинах, а затем переходили на отряд Мэриэль. Этот отряд покинул город совсем недавно, и вот он возвращался. Было ясно: стражники слышали гул сражения, но даже не потрудились отправить разведчиков, чтобы узнать,

что же произошло за стенами.

Вскоре мы вошли в таверну «Северная Подкова» и не стали, как обычно в случае большой компании, сдвигать столы в таверне. Вместо этого каждый нашел себе уголок: я с Мэриэль — за отдельным столиком, мои воины и эльфы — за соседними.

Когда я закончил делать заказ подавальщице, мой взгляд упал на Мэриэль. Эльфийка сидела, уставившись в задумчивости на деревянную столешницу.

— Что нового в наших краях? — спросил я, чтобы вывести ее из раздумий, и, увидев, как она вздрогнула, мягко добавил: — Про отца и брата я уже знаю. Именно поэтому я спешу в свой домен.

Мэриэль облегченно выдохнула, словно сбросив тяжесть. Ее пальцы медленно обвели край кружки.

— Это... очень странная и мрачная история. Но как мне кажется, виной всему — граф, впрочем, уже на этой неделе он получит титул маркиза.

— Поясни, — потребовал я, отодвигая в сторону кружку с морсом. Напиток внезапно показался мне безвкусным.

Эльфийка встретила со мной взглядом, и в ее зрачках вспыхнула тревожная решимость. Она наклонилась чуть ближе, и ее голос, тихий и ровный, зазвучал как приговор:

— Граф и его отпрыск. Последние три года они методично скупали земли вокруг своего домена. Если золото не помогало... они получали, то что хотели огнем и мечом.

— Но как же император он слеп? Или закон для графа — пустой звук?

Губы Мариэль искривились в безрадостной усмешке.

— Слеп? Напротив. Он видит очень четко. Император не просто закрывает глаза — он дал Доррину негласное разрешение.

Укреплять западную границу, очищать земли от непокорных — вот суть их договора.

Сперва граф поглотил два баронства к северу, объявив их правителей «неспособными поддерживать порядок». Затем двинулся на запад, к степям. Когда он вышел на границу с орками, император щедро вознаградил «верного пса» титулом маркиза за «успешное расширение имперских рубежей».

Она замолчала, давая мне осознать масштаб замысла. Потом ее пальцы легонько коснулись карты, которую она достала из походной сумки, указав на узкую долину, зажатую меж хребтов, — мои владения и древние земли ее клана Белой Рыси.

— Степь с орками — лишь предлог. Его истинная цель — вот здесь. Наши земли. Твой замок и наши леса — это последний рубеж. Мы — единственный проходимый путь через Горный Пояс. Как только Доррин поглотит нас, перед ним откроется чистая, незащищенная дорога напрямик в самое сердце Эльфийских долин, окруженных горами со всех сторон. Мои сородичи считают свои хребты неприступными, а наши земли надежной границей и защитой от вторжения,

но сейчас все меняется.

А император... император смотрит на это и видит лишь укрепление своей власти, не замечая, как точит меч для будущей войны.

Ее голос стал еще тише, почти шепотом, полным ледяной ясности:

— Твое баронство, Кейл, — не следующая случайная жертва. Оно — ключевая мишень. И новый титул дан Доррину не как награда за прошлое, а как аванс за будущее завоевание. Наше время истекает.

— Ну месяц у нас точно есть — успокоил я эльфу и поймав ее недоуменный взгляд рассказал о своей встрече в Андовилле с Родриком управляющим графа вернее уже маркиза и о тех условиях, которые мне выдвинули.

Мэриэль едва не поперхнулась морсом, когда услышала сумму долга и едва слышно прошептала:

— У моего клана нет такой суммы. Все потратили на оружие и амулеты.

— Золото у меня есть, — мягко успокоил я её. — А через неделю ко мне в замок прибудет первый отряд северян. Пока всего пятьдесят бойцов, но думаю, ещё сотню смогу нанять.

Эльфийка недоверчиво спросила:

— Откуда золотишко Кейл, ты что нашел клад древних? Я не смог сдержать ухмылки.

— Куда лучше! Я нашёл не клад, а их знания.

Пока мы с эльфой делились информацией, мои северяне

закончили есть и принялись делить трофеи сразу отложив мою долю. По их довольному виду было понятно, что удача нам улыбнулась и амулеты были не из дешёвых.

Мэриэль грустно смотрела на мою кучку артефактов, которую Торвин положил передо мной. Я знаю, что у клана Белой рыси закон, все трофеи в хранилище, и только после их распределение. Поэтому отпивая морс из литровой глиняной кружки предложил эльфе:

— Если хочешь выбери, но только себе, а не в клан пару безделушек.

Я успел их осмотреть в истинном зрении и ничего для себя не подобрал.

— Кейл, дорогой мой, с каких это пор ты так легко раздаешь такое богатство? — проворковала девушка, быстро перебирая амулеты.

— Скажу по секрету, как старому другу: с некоторых пор я и сам научился создавать амулеты. Поверь, это не менее увлекательно, чем бродить по древним руинам в поисках сокровищ.

Мэриэль уже собиралась что-то спросить, но её слова потонули в грохоте распахнутой двери таверны. В помещение шумно ввалилась толпа северян из клана Торвина — торги явно закончились, и последние артефакты обрели новых хозяев. К нашему столу направились двое: сам Торвин и его спутник, судя по снаряжению, боевой маг огня, соплеменник лейтенанта.

— Командир, позволь представить, — голос Торвина прозвучал уважительно, но твёрдо. — Это лэр Фортин, маг огня нашего клана.

Я кивнул, приглашая их присоединиться. Взгляд мой восторженно скользнул по лицу мага, но тот сохранял спокойную сдержанность. В это время Мэриэль наконец отобразала три боевых амулета и подняла на меня свои бездонные глаза.

— Забирай, конечно, — сказал я, даже не глядя на её выбор.

Её лицо озарила радостная улыбка, и три амулета будто растаяли в воздухе, исчезнув со стола. Северный маг, наблюдавший за сценой, усмехнулся уголком рта.

— Барон, — начал он, и в его низком голосе чувствовалась привычка командовать. — Я вхожу в Совет клана, и хотел бы прояснить кое-что. Правильно ли я понял Торвина?

Я промолчал, давая ему продолжить.

— От вас поступило несколько предложений, — продолжил Фортин, положив ладони на стол. — Но два особенно любопытны. Наём воинов... и поселение на ваших землях.

Я собрал оставшиеся артефакты в холщовый мешок. Посмотрев на мага, я предложил:

— Лэр Фортин, для начала предлагаю упростить наше общение. Я недавно стал полноправным бароном и, если вы не против, хотел бы общаться с вами без светской официальнойности. Если вы согласны, зовите меня просто Кейл. Титулы

оставим для официальных приемов, если таковые случатся.

Маг протянул мне руку и коротко ответил:

— Фортин.

Я пожал магу руку и кивком пригласил стоящего рядом Торвина присесть за наш стол.

Когда все удобно расположились за столом, я возобновил беседу.

— Уважаемый Фортин, — обратился я к собеседнику. — Как вы помните, от меня поступило предложение разместить ваших людей в моих деревнях и кроме того, мне нужно заручиться вашей силой. Я готов приобрести услуги ещё ста ваших воинов.

Маг Фортин, чей взгляд казался таким же холодным, как скалы его владений, внимательно посмотрел на меня, а затем перевел глаза на Торвина. Тишина повисла за столом густая, как туман.

— Кейл, наши северные земли перенаселены. Молодёжи негде развернуться.

Я, прищурившись спросил:

— Сколько?

— Для начала — двести семей. Взамен — Они признают тебя своим сюзереном, будут платить налог и служить в твоём ополчении.

— Принято — согласился я — Со своей стороны, обязуюсь: каждой семье будет выделен надел и предоставлен лес для постройки домов и дров на первую зиму. Мы постро-

им общую кузницу и зернохранилище. Мои люди помогут с возведением стен поселения, которое будет названо... скажем, Северное. Я обеспечу их зерном и скотом на первое время. Но они должны принять вассальную присягу подчиняться моим управляющим и встать под мои знамёна, если грянет буря. А буря грянет не буду скрывать.

Глава 5

Лэр Фортин оценивающе склонил голову. В его глазах мелькнул огонёк не то уважения, не то расчета.

— Прагматично. Значит, договор таков: ты даешь кров и начало, я — людей и их верность. Двести семей — на первый раз. Если Северное укоренится поговорим о следующих. Подготовь свиток магического договора, не будем тянуть время. Через месяц жди первую сотню переселенцев и еще пятьдесят воинов.

Все это время Мэриэль и Торвин слушали наш разговор в полном ошеломлении. И когда маг, попрощавшись, вышел из-за стола, эльфийка наконец выдохнула:

— И что... это было?

— Это начало, — ответил я, поднимаясь со стула. — Начало укрепления наших земель. А теперь — выдвигаемся в моё баронство.

Ветер трепал мои волосы, пока я стоял у раскрытых порталных врат, что зияли в ста метрах от величественных, но ныне зловеще безмолвных главных ворот замка Вороний Камень. Мой отряд, шесть могучих северян, и шесть стремительных, утонченных эльфов, чьи движения напоминали танец ветра, выстроились за моей спиной. Я, хуман командир северян и друг эльфов, чувствовал, как холод пробирается не только сквозь мою кожаную броню, но и в душу. Отсут-

ствие стражи у ворот, где обычно кипела жизнь, настораживало. Это было не простое упущение, а предвестник беды.

— Готовиться к бою! – мой голос прозвучал резко, нарушая тишину. Северяне обнажили свои тяжелые мечи, эльфы натянули тетивы луков, их пальцы уже скользили по стрелам с оперением из белых перьев.

Замок-крепость Вороний Камень, некогда символ мощи и процветания, теперь казался призраком былого величия. Его мощные каменные крепостные стены, сложенные из грубо отесанных валунов, возвышались над окрестностями, словно исполинские стражи. На них виднелись стрелковые башни, чьи бойницы, казалось, следили за каждым движением. Внутри стен, в самом сердце крепости, возвышался трехэтажный замок, его окна, как и бойницы, были узкими щелями, пропускающими лишь скудный свет. Огромный двор, обычно наполненный суетой слуг и тренирующихся воинов, теперь был пуст, за исключением одной ужасающей картины.

Мой взгляд упал на двор. Там, под охраной наемников маркиза Доррина, были согнаны все жители крепости – мужчины, женщины, дети. Их лица были бледны от страха, а глаза полны отчаяния. А рядом, словно стервятники, другие наемники наполняли обоз из десяти повозок награбленным добром. Моим добром. Они грабили меня, мою крепость.

— К бою! – снова прозвучала моя команда, на этот раз наполненная решимостью.

Мы ворвались в открытые ворота, словно шторм. Пер-

вой линией шли мои северяне, их тяжелые полуторные мечи сверкали на солнце, а я, их командир, шел впереди, чувствуя, как ярость пульсирует в жилах. За нами, словно тени, скользили эльфы, их стрелы уже находили цели, прежде чем враг успевал понять, что происходит.

Нас было тринадцать против, как минимум, тридцати. Превосходящие в силы наемников, вооруженных до зубов, с жадностью хищников бросились на нас. Первые ряды наемников, ошеломленные нашей внезапной атакой, попытались сдержать натиск. Мечи северян с глухим стуком врезались в щиты и доспехи, выбивая из врагов крики боли и страха. Я сам, со своим Ледяным мечом в руке, прорубался сквозь ряды противника, чувствуя, как каждый удар приносит уверенность и силу. Удары наемников, которые иногда проходили сквозь мою защиту не оставляли даже царапин на доспехе, приводя мечников в дикий ужас.

Эльфы же действовали с невероятной точностью. Их стрелы, выпущенные с удивительной скоростью, находили уязвимые места в броне, поражая врагов в шею, в глаза, в незащищенные участки. Они двигались с такой грацией, что казалось, будто они не сражаются, а танцуют смертельный танец. Я подумывал вызвать пару-тройку лучников-скелетов — хотелось сопоставить их навыки с мастерством эльфийских стрелков. Но вовремя остановился: не время. Прежде всего нужно подготовить своих людей, отработать их технику, довести до совершенства слаженность действий.

Бой был жестоким и кровавым. Каменные плиты двора пропитались кровью, воздух наполнился запахом железа и страха. Наемники, несмотря на численное превосходство, начали отступать под натиском нашего яростного, слаженно-го удара. Их строй рассыпался, их уверенность таяла с каждой секундой. Они были наемниками, сражающимися за золото, а мы – защитниками, сражающимися за свой дом, за своих людей. И эта разница чувствовалась в каждом ударе, в каждом крике, в каждом взгляде.

Один из северян, могучий Бьорн, с ревом обрушил свой утяжеленный меч на щит здорового наемника, расколов его пополам и отправив врага на землю. Рядом с ним, ловкий Фенрир, увернувшись от удара меча, вонзил свой клинок в незащищенный бок другого противника. Я сам, отбив удар тяжелого топора, пронзил грудь наемника, который пытался обойти меня с фланга.

Эльфы, тем временем, продолжали свою смертоносную работу. Их стрелы свистели в воздухе, находя новые цели. Один из эльфов, Лиран, с невероятной скоростью выпустил три стрелы подряд, каждая из которых нашла свою жертву. Другой, Аэлиан, ловко перепрыгнул через повозку с награбленным, чтобы зайти в тыл группе наемников, пытавшихся перегруппироваться.

Наемники, видя, как их ряды редеют, а их товарищи падают один за другим, начали паниковать. Их крики "Отступаем!" смешались с предсмертными хрипами. Некоторые бро-

сали оружие и пытались бежать, но эльфийские стрелы настигали их, не давая шанса на спасение.

Я заметил, как один из наемников, по-видимому, их командир, пытался организовать сопротивление у кузницы. Он был крупнее и лучше вооружен, чем остальные, и его голос звучал властно, пытаясь вернуть своим людям подобие строя.

— Держать строй, трусы! За Доррина! – кричал он, но его слова тонули в шуме боя.

— К кузнице! – скомандовал я, указывая мечом.

Северяне, словно единый кулак, двинулись вперед, сметая остатки сопротивления. Я сам бросился на командира наемников. Он был силен, но его движения были предсказуемы мне даже не пришлось ускоряться. После нескольких обменов ударами, я нашел брешь в его защите и мой меч вонзился ему в плечо. Он взревел от боли, выронив свой меч и начал покрываться инеем. Я ударил его рукоятью меча по голове, отправив его в беспамятство.

К этому моменту большая часть наемников была либо мертва, либо ранена, либо бежала через главные ворота. Те, кто остался, были окружены и быстро разоружены. Жители крепости, до сих пор замершие от страха, начали медленно поднимать головы, их глаза полны недоверия и надежды.

Я оглядел двор. Десять повозок, доверху набитых моим добром, стояли нетронутыми. Кузница, колодец, тридцать небольших домиков – все было на месте, хотя и потрепано

боем. Но главное — мои люди были живы.

— Пленников в темницу! Перевязать раненых! Проверить замок! — мои команды разнеслись по двору. Северяне и эльфы, несмотря на усталость, принялись выполнять приказы. Эльфы, с их острым зрением, быстро обнаружили раненых среди наемников и оказали им первую помощь, прежде чем связать.

Я подошел к одной из повозок, провел рукой по резному сундуку, который узнал. Это был сундук моего брата. Гнев, который кипел во мне, начал утихать, сменяясь чувством облегчения и гордости. Мы отвоевали Вороний Камень. Но я знал, что это только начало. Маркиз Доррин не остановится на этом. Что ж, у меня появятся веские основания свести с ним счёты — и я непременно этим воспользуюсь.

Хотя меня не было в родовом замке пять долгих лет, гном-кузнец узнал меня сразу. Он приблизился неспешно, с видимой опаской, словно боялся потревожить тень прошлого. Его рыжая борода, пропитанная запахами угля и металла, дрогнула, когда он наконец заговорил, склонив голову в сдержанном, почтительном поклоне.

— Милорд... Осмелюсь спросить — вы к нам надолго?

В его голосе, привыкшем командовать огнем и молотом, слышалась непривычная робость. Он не смотрел мне в глаза, его взгляд блуждал по потрескавшейся брусчатке двора.

— Народ в смятении, — продолжил он тише, словно сообщая страшную тайну. — Не знает, как жить дальше. Мы

будто корабль без руля в шторм.

Холодная ярость, тихая и острая, начала кристаллизиться где-то внутри. Каждая его фраза была еще одним камнем в стене того хаоса, что я застал. Я дал ей осесть, не позволив проступить в голосе.

— Скажи народу: завтра утром — сбор на главной площади. Ворота сейчас закрыть на все засовы. И где управляющий? Немедленно доставить его ко мне.

Гном, Барик, кажется, его звали, неловко почесал затылок, оставив на лбу темную полосу сажи. Его смущение сменилось горькой усмешкой.

— Дык... сбежал он, милорд. К маркизу. Еще вчерашней ночью.

Он помолчал, давая мне понять всю горечь этих слов.

— После того как подмешал стражникам у ворот сонного зелья в кувшин с сидром. А потом... потом сам отодвинул засовы и впустил тех наемников.

Теперь все встало на свои места, обретая чудовищную картину предательства. Управляющий, старый Фалк, которому отец вверил эти земли, оказался не просто трусом, спасшим свою шкуру. Он был крысой, купленным маркизом Доррином много лет назад. Вероятно, еще до моего отъезда. Все эти годы его уши ловили каждый шепот в замке, его глаза отмечали каждую слабость в нашей обороне, каждую ссору среди вассалов. Он отсылал донесения с почтовыми голубями, передавал сводки через странствующих торговцев.

Он знал расписание караулов лучше капитана стражи, знал, где в кладовых лежат самые ценные припасы, и до последней монеты помнил о состоянии моей казны. И когда маркизу потребовалось нанести удар, Фалк сделал это, не раздумывая: усыпил самых надежных бойцов и распахнул ворота изнутри. Он продал не просто замок — он продал долг и клятву верности, обменяв их, должно быть, на милость маркиза и полный кошель золота.

Я посмотрел на захламленный, наполовину разграбленный двор, на робко выглядывающих из-за ставней жителей, на лицо Барика, ждущего приказа, ждущего хоть какой-то определенности.

— Завтра на площади, Барик, выберем нового управляющего — сказал я, и в моем голосе зазвучала сталь, возвращающаяся после долгой спячки. — Скажи им, что их лорд вернулся. А еще освободить капитана стражи и всю охрану, которую пленили наемники, через десять минут жду здесь во дворе.

Кузнец кивнул и с довольным видом зашагал в сторону небольшой толпы слуг раздавать мои указания и делиться информацией.

Когда я подошел к своему отряду в руках держал небольшие, но драгоценные амулеты — перстни «Малого исцеления». Каждый воин, получив свой дар, с благодарностью прижимал его к груди. Мгновенно раны, полученные в недавней стычке, начали затягиваться, бледные лица вновь

обрели здоровый румянец.

Эльфы Мэриэль, стоявшие чуть поодаль, наблюдали за происходящим с явным удивлением. Их тонкие черты выражали смесь восхищения и недоумения. Я чувствовал их взгляды, но не обращал на них внимания. Для меня эти амулеты были не роскошью, а необходимостью. Безопасность замка – вот что сейчас занимало мои мысли. Раненые воины не могли обеспечить должную защиту. Поэтому, подойдя к Мэриэль, я протянул ей два таких же перстня.

— Пока мы вместе, вы можете пользоваться ими — сказал я, стараясь скрыть легкое раздражение от их молчаливого осуждения.

Не успели мы закончить, как из глубины замка послышался шум. Вскоре появились раненые и избитые стражи, а за ними – сам капитан, шевалье Жан-Люк де Монфор. Его обычно безупречная осанка была нарушена, на лице виднелись следы побоев, но глаза горели стальной решимостью.

— Докладывайте, капитан, какие потери! — мой голос прозвучал резче, чем я намеревался. Я с неприязнью посмотрел на командира охраны, ожидая худшего.

Шевалье Жан-Люк, человек сдержанный и немногословный, но с непоколебимой честью, выпрямился. Его взгляд, обычно спокойный и пронизательный, сейчас был полон гнева.

— Потерь нет, Милорд — произнес он, его голос был низким и ровным, несмотря на пережитое — Нас усыпил пре-

датель, управляющий делами вашего отца.

Он сделал паузу, словно собираясь с силами, и продолжил:

— Нас, спящих, перенесли из казармы в подземелье и заперли там.

— Непорядок — подумал я, ощущая, как внутри нарастает холодная ярость. Мне нужен был маг-менталист, чтобы проверить лояльность каждого обитателя замка. Предателей здесь быть не должно. Пока придется этим самому заняться. Вслух же я произнес:

— Капитан, дайте команду своим людям построиться у стены.

Кроме шевалье Жан-Люка, в охране было еще двадцать воинов: десять лучников и столько же мечников. Все они были из гильдии наемников «Серебряный меч». Эта гильдия славилась своей неподкупностью. Их особенностью было то, что раз в три месяца отряд полностью обновлялся, а капитан, на срок контракта, был связан с работодателем магическим договором. Это гарантировало абсолютную преданность.

Шевалье Жан-Люк, несмотря на свою внешнюю суровость, был человеком глубоко преданным, ответственным и служил моего отца семь лет.

Я наблюдал, как его люди, несмотря на усталость и пережитое унижение, четко и слаженно выполняют приказ. В их глазах я видел не страх, а решимость. И это давало мне надежду. Предательство было обнаружено, и теперь предсто-

яло его искоренить. А шевалье Жан-Люк де Монфор, мой верный капитан, был готов к этому.

— Капитан — обратился я к нему, когда воины построились — вы уверены, что это был только управляющий?

Шевалье Жан-Люк кивнул, его взгляд был прямым и честным.

— Милорд никто из моих людей не смог бы предать. Мы связаны клятвой, магическим договором, как вы знаете. Наша верность — это не просто слово, это часть нашей сути.

Он сжал кулаки, его пальцы побелели.

— Но этот управляющий... он действовал хитро. Он знал, как обойти наши дозоры, как подкрасться незамеченным и, должно быть, использовал какое-то особое зелье, которое не оставило следов.

Я кивнул, обдумывая его слова.

— Хорошо, капитан. Ваши люди могут отдохнуть и привести себя в порядок. Но будьте начеку. Мы не знаем, кто еще может быть замешан в этом.

Я повернулся к Мэриэль — Нам нужно быть предельно осторожными. Я хочу, чтобы твои лучники заняли позиции на стенах. Наблюдайте за всем, что происходит за пределами замка. Любое движение, любой подозрительный силуэт — немедленно докладывайте.

Мэриэль, чьи глаза все еще выражали легкое недоверие к моим щедрым дарам, теперь смотрела на меня с новой серьезностью. Она кивнула, ее длинные светлые волосы разве-

вались на ветру.

— Мы сделаем все, что в наших силах, Кейл. Мои лучники видят далеко, и их стрелы не знают промаха.

Я почувствовал легкое облегчение. По крайней мере, часть моих сил была готова к действию. Но главная проблема оставалась нерешенной. Как найти предателя внутри замка?

— Капитан — снова обратился я к Жан-Люку, — я хочу, чтобы вы собрали всех слуг и работников замка завтра утром. Всех, без исключения.

Шевалье Жан-Люк кивнул, его лицо стало еще более суровым.

— Будет исполнено, Милорд. Я лично прослежу за этим.

— А пока — добавил я — я хочу, чтобы вы и ваши мечники заняли позиции у главных ворот. Никто не должен войти или выйти без моего разрешения.

Шевалье Жан-Люк де Монфор, человек чести и долга, сжал рукоять своего меча. Его взгляд был полон решимости.

— Ваше слово — закон, Милорд.

Опытные слуги, не теряя ни секунды, сами взялись за организацию людей. Их уверенные движения постепенно возвращали испуганной толпе спокойствие и волю. А когда весть о моём прибытии пронеслась по замку, словно удар колокола, работа пошла полным ходом.

Повозки с моим добром начали быстро пустеть. Замок загудел, как разбуженный улей: заработали службы, заскрипели метлы уборщиков, с площади сметали следы недавней

резни. Тела убитых свозили к повозкам, пленников запирали в подземелье. Из кухни уже доносился стук ножей и запах жареного лука.

Я подошёл к шеренге охранников, выстроенных по приказу капитана. Достал амулет Малого исцеления. Тёплая волна энергии, исходящая из него, затянула раны на теле капитана. Одновременно я мягко коснулся его сознания, просканировав мысли и чувства. За благодарностью за исцеление я ощутил тяжёлую горечь стыда и неловкости — он корил себя за провал обороны и уже мысленно писал прошение об отставке.

Следующим был кряжистый мечник. Его мысли были просты и прямолинейны: радость от того, что жив, нетерпеливый отсчёт дней до конца контракта в этой «дыре мира» и чёткое знание, что ближайший бордель — в пяти часах конной езды.

До захода солнца оставалось часа четыре – времени в обрез, чтобы подготовиться к неизбежной тревожной ночи. Я приказал капитану удвоить караулы, а людям из своего отряда и отряда Мэриэль велел отдыхать до полуночи. Затем им предстояло сменить уставших часовых. Все понимали: сон этой ночью будет коротким, а утро – кровавым. Дорриан, не дождавшись своего обоза с награбленным, наверняка пришлёт разведку или соберёт ударный кулак, усиленный магами.

Через два часа люди были накормлены, в замке потихонь-

ку наводили порядок, а посты заняли бдительные стражи. Теперь, когда все приказы отданы, я мог позволить себе передышку.

Глава 6

После ужина, от которого я был в полном восторге, повар, как всегда, превзошел самого себя. Его мастерство, отточенное годами, и знание моих вкусов, позволили ему создать настоящие шедевры. Изысканные блюда, приготовленные с душой, и домашние соленья, от которых невозможно оторваться, могли поразить самых привередливых гурманов. Даже эльфы, известные своей избирательностью в еде, по достоинству оценили его талант.

Когда ужин подошёл к концу, слуги, с присущей им вежливостью, проводили моих воинов и эльфов в гостевые комнаты на втором этаже замка. Там их ждали мягкие постели, свежее белье и все необходимое для комфортного отдыха. Я же, насладившись последним глотком вина, отправился в свою комнату в которой не был вот уже семь лет.

Вернувшись в свои покои после стольких лет, я обнаружил, что время здесь словно остановилось. Слуги, верные своему долгу, успели вернуть всему прежний облик, и комната предстала передо мной в том же виде, что и в день моего отъезда из замка семь лет назад.

Я опустился в глубокое кресло у окна, за массивным столом, и позволил мыслям унести меня вдаль. Очевидно, что система охраны замка требовала немедленных и решительных перемен.

Вскоре я нашел именно то, что искал – заклинание воздушного элементаря-разведчика. Этот дух обладал способностью ментально передавать информацию о том, что видит, на огромные расстояния. Приняв окончательное решение, я приступил к созданию соответствующего амулета.

Из своей пространственной сумки я извлёк походный стол артефактора-архимага. Аккуратно установив его, я положил на его гладкую поверхность чашу артефакта удачи, а затем поместил в неё заготовку из аметиста.

Погрузившись в состояние истинного зрения, я начал просматривать в своем сознании обширный архив заклинаний. Этот архив постоянно обновлялся благодаря сущностям, размещенным в моей ауре, чьими навыками и знаниями я теперь обладал. Совсем недавно Милене, сущности псиона, удалось объединить их сознания в один мощный разум. Теперь мне достаточно было лишь подумать о решении какой-либо проблемы – будь то создание Голема-строителя или, Воздушного элементаря-разведчика – и вскоре я получал желаемое, или нечто очень близкое к задуманному. Главное было лишь точно сформулировать характеристики того, что я хотел получить. Вскоре я отыскал именно то, что искал: заклинание воздушного элементаря-разведчика. Этот дух обладал уникальной способностью — он мог ментально передавать информацию о том, что видит, на огромные расстояния.

Приняв окончательное решение, я приступил к созданию

соответствующего амулета.

Постепенно аметист начал менять свою структуру, его грани стали более четкими, а внутри зародилось едва заметное мерцание – признак того, что дух элементаля начинает обретать форму. Я чувствовал, как заклинание вплетается в камень, становясь его неотъемлемой частью. Это был не просто предмет, это был живой инструмент, продолжение моей воли, способный действовать автономно, но всегда оставаясь на связи.

Когда последний штрих был нанесен, амулет засветился ярким, но мягким светом, а затем свет погас, оставив после себя лишь легкое тепло. Я взял его в руки. Это был первый шаг к созданию новой, системы защиты, которая не позволит врагам застать нас врасплох. Теперь оставалось лишь активировать его и отправить моего нового разведчика в полет, чтобы он стал моими глазами и ушами за стенами замка, принося вести о любых угрозах, прежде чем они успеют приблизиться.

Как всегда, активация прошла безупречно. Едва я сосредоточился, как тонкая нить ментальной связи натянулась, привязываясь к моей ауре. Мой элементаль-разведчик, почти невидимый для обычного взгляда, мгновенно откликнулся. Он не просто исчез из комнаты – он растворился в воздухе, повинаясь моему безмолвному приказу.

Следующим движением моей воли было направить его. Я представил себе самую высокую точку, которую только

мог охватить взглядом, – вершину главной смотровой башни замка. Разведчик, словно тень, скользнул вверх, и вскоре я ощутил его присутствие там, высоко над каменными стенами.

Теперь настало время истинного зрения. Я активировал ментальную связь, и мир вокруг меня преобразился. Вместо привычного вида из окна, передо мной развернулась панорама, захватывающая дух. Мой разведчик стал моими глазами, моими крыльями. Я видел замок с высоты птичьего полета, его зубчатые стены, внутренние дворы, даже крошечные фигурки стражников, патрулирующих по периметру.

Взгляд скользил дальше, охватывая близлежащие земли. Два километра – именно столько составлял радиус его обзора. Я видел извилистую реку, темнеющую полосой леса, поля, еще не тронутые осенним увяданием. Дальше, за этой четкой границей, начинался мир, окутанный белёсым, непроницаемым туманом. Но даже того, что было открыто моему взору, было более чем достаточно для тщательной разведки. Каждый холм, каждая рощица, каждый изгиб дороги – все было запечатлено в моем сознании, словно на подробной карте.

Я мысленно прокрутил полученную картинку, отмечая каждую деталь с дотошностью картографа. Вот там, у опушки леса, виднелась едва заметная тропа, ведущая вглубь. Она не походила на обычную звериную – слишком ровная, слишком ухоженная, словно проложенная чьей-то заботливой ру-

кой. А вот на холме, что возвышался к востоку, что-то блеснуло на солнце. Это точно не было природным явлением; скорее всего, лагерь или наблюдательный пункт.

Я приказал разведчику приблизиться к этому месту, сохраняя максимальную осторожность. Его невидимость была моим главным козырем.

По мере приближения детали становились яснее. Это действительно был лагерь, довольно большой, человек на шестьдесят. Костры еще не были разведены, но виднелись палатки, сложенное оружие. И самое интересное – это были люди маркиза Доррина. Я попытался уловить обрывки разговоров, но ветер уносил звуки, а туман глушил их, превращая в неразборчивый шепот.

Мое сердце забилось быстрее – все указывало на то, что нападение неизбежно. Затем я отдал приказ элементалю занять первоначальную позицию на смотровой башне замка. Он должен был сигнализировать мне о всех передвижениях отрядов к замку в виде мерцающих красных точек на карте в истинном зрении, обеспечивая мне полную картину происходящего.

Полночь. Закончив смену караула, капитан построили весь гарнизон. Воины замерли в свете факелов у главных ворот, я вышел вперед, и десятки взглядов впились в меня.

— Воины! — мой голос прозвучал четко в ночной тишине. — До рассвета ждите атаки. Мне стало известно, что за ближайшими холмами находится отряд — около восьмидесяти

клинков.

По рядам прошел сдержанный гул. Я поднял руку, требуя тишины.

— Высота — наш союзник! Лучники бьют со стен, не подпуская врага. Мечникам и копейщикам — не покидать позиций! — я сделал паузу, давая приказу усвоиться. — И еще. Мне удалось добыть кое-что... артефакт «Призыв скелета-лучника». Если натиск будет слишком сильным, я использую его. Пусть вас не страшит вид костяных воинов — это наша помощь. Не атаковать их! Всем ясно?

Пока воины занимали свои позиции, я невольно отметил про себя, что капитан не зря ест свой хлеб. Его следующее распоряжение было жестоко и гениально в своей простоте. Он приказал вывезти все повозки с телами поверженных врагов за ворота замка. А затем, приковав одного из пленных к головной повозке, отправил этот зловещий караван в сторону лагеря маркиза. Я лишь одобрительно кивнул: зачем нам разлагающаяся мертвечина в осажденной вскоре крепости? Пусть теперь у его сиятельства голова болит, куда девать это немое свидетельство его провала.

К четырём часам утра я получил сигнал от элементаля разведчика в виде красных точек, на карте в истинном зрении. Стало очевидно, что приближаются три отряда. Первый, состоящий из десяти клинков, явно выполнял разведывательную миссию или действовал как лазутчики. Их целью, скорее всего, было проникновение в замок и открытие

ворот. Непонятно, кто мог придумать столь безумный план, ведь с момента первого нападения не прошло и суток. Какая недалёковидность – начинать повторную атаку так скоро! Второй отряд, самый многочисленный, представлял собой ударную силу. К нему примыкал небольшой отряд из пяти разумных существ – вероятно, магов.

Я позволил лазутчикам сделать их работу. Как тени, они взобрались на стены, бесшумные и уверенные. И лишь когда последний из них ступил на каменный парапет, я выпустил магию. Не гром, не пламя – ледяной туман. Он поднялся от самой кладки, тихий и обволакивающий, сжимаясь вокруг ног, рук, лиц. Не было крика, только глухое хрипение и мягкий стук тел о камень, заиндевевших в мгновение ока.

Приведя предводителя в сознание, не потребовалось много времени, чтобы узнать условный сигнал – долгий крик филина. И их план: по этому знаку ворота, которые должны быть уже распахнуты их сообщниками внутри, откроют дорогу основной массе.

Я улыбнулся. Мы дадим им этот сигнал.

Быстро перестроив защитников, я сосредоточил лучших стрелков за огромными ящиками, которые расположили полукольцом возле ворот и укрыв северян за гружёными мешками с песком повозками. Для усиления защиты вызвал десять скелетов. Костлявые пальцы скелетов-лучников лязгнули, натягивая тетивы, а сами они встали плечом к плечу с северянами.

— Открыть ворота! — прозвучал мой приказ, и тяжёлые створки ворот с грохотом поехали внутрь, обнажая чёрный квадрат проёма.

— Подать сигнал!

Крик филина, искусный и зловещий, прорезал ночь. И тотчас из темноты с рёвом вырвался основной отряд маркиза. Они мчались плотной массой, уверенные, что ворота предательски распахнуты, а защитники перебиты или в панике. Первые десятки всадников и пеших уже влетели во двор, их торжествующие крики застыли в горле, когда они увидели перед собой не хаос, а грозный, безмолвный строй.

— Огонь!

Грянул залп. Стрелы прошили первые ряды. Началась свалка, давка в воротах, крики ужаса и ярости. Именно в этот момент, когда враг собрался в самой плотной толчее у входа, я выхватил комбинированный амулет магии огня и воздуха.

Активировав его, я выпустил заключённую в нём мощь, двадцать двойных зарядов из ста которые вмещал в себя амулет. Воздушная магия, сжатая до предела, рванулась вперёд невидимым тараном, подхватывая и умножая следующую за ней стихию огня. Результат был ужасающим.

Это был не просто взрыв. Это был огненный шторм. Сжатый, раскалённый до белизны воздух пронёсся через ворота, превратив пространство в кузнечный горн. Доспехи плавились и прикипали к коже, факелы как хворост вспыхивали в

руках, а воздух загорелся. Огненный вихрь, с ревом рождённый у самых ворот, выжег всё на своём пути, оставив после себя лишь обугленные остовы и волну невыносимого жара, от накалились каменные стены.

Гулкая тишина, последовавшая за рёвом стихии, была красноречивее любых криков. Атака захлебнулась, отрубленная у самых ворот. Осталось лишь добить тех, кто уцелел в этом аду. Бой был выигран, едва успев начаться.

Элементаль разведчик показал мне с небольшой высоты, и я увидел: пять магов, не желая испытывать судьбу, уже мчались прочь от замка, подгоняя своих коней.

Передо мной выстроились мои верные воины: суровые северяне, изящные эльфы и отряд наемников под командованием капитана Жан-Люка де Монфора. Они ждали моих распоряжений.

— Капитан де Монфор — обратился я к нему — угроза замку миновала. Теперь ваша очередь. Все, кроме тех, кто будет нести охрану, могут отдохнуть. Могу усилить ваш отряд скелетами-лучниками, если пожелаете.

Капитан с явной опаской взглянул на призванных мною существ из потустороннего мира, но твердо ответил:

— Благодарю вас, милорд, но мы справимся своими силами.

— Как вам будет угодно — кивнул я, развеяв скелетов.

Развернувшись, направился к замку, за мной последовали северяне и эльфийский отряд, наёмники направились в ка-

зарму, которая находилась у восточной стены.

В стенах замка, обычно гулких от повседневной суеты, теперь царило особое оживление, пропитанное глубоким облегчением. Слуги сновали по коридорам, их шаги были быстры, но уже не панически, а с деловитой энергией. Они убирали следы недавнего погрома, хотя раннее утро еще только-только вступало в свои права. Вряд ли кто-то из обитателей замка смог спокойно уснуть после первого нападения, а уж тем более после той расправы, что я учинил над наемниками маркиза.

Казалось, весь замок, от мала до велика, собрался во дворе, каждый под каким-то своим предлогом. Воздух был наполнен восторженными рассказами очевидцев о скоротечной ночной битве. Шепот и громкие возгласы смешивались, переплетаясь в единый хор, прославляющий могучий артефакт древних. С благоговейным трепетом люди пересказывали, как их барон, словно могущественный маг, сжег, превратив в пепел, две сотни, а то и три, наемников, что осмелились посягнуть на их покой. В каждом слове звучала гордость и вера в своего защитника.

Я прошел в свой кабинет, следом за мной вошёл лейтенант Торвин и Мэриэль

— Барон — произнес Торвин — твоя стратегия оказалась верной.

— Их трусость сыграла нам на руку, Торвин — ответил я, опускаясь в кресло. — Но это лишь временная передышка.

Мы должны быть готовы к новым угрозам.

— Кейл. — сказала Мэриэль подойдя к узкому окну бойницы — Нам нужны союзники. Тебе нужно отправиться к королю эльфов и вождям северных кланов. Пришло время объединить наши силы.

Я посмотрел на Мариэль:

— Что ж, с северянами всё проще. Торвин может провести переговоры со своими сородичами. А вот с королём эльфов... Прежде чем идти к нему, нужно понять, что на самом деле тянет маркиза в эти земли. Есть мысли?

Мариэль помедлила с ответом. В камине потрескивали поленья, отбрасывая пляшущие тени на стены кабинета. Она стояла у высокого окна, наблюдая, как первые лучи светила окрашивают башни замка алым цветом, и её пальцы бессознательно поглаживали резной подлокотник кресла.

— Мыслей, говоришь, — тихо произнесла она, не оборачиваясь. — Есть у меня мысли. Две. И обе не сулят нам лёгких переговоров.

Она наконец повернулась к Кейлу, и в её глазах, отразился огонь камина.

— Первое. Ты знаешь, Жанеэль, её три года назад сватали за сына тогда ещё графа Доррина. В то время, он только начинал набирать силу, и союз с эльфийским домом упрочил бы его положение не хуже любой армии. Он приезжал ко двору. Был галантен, щедр, рассыпался в комплиментах. Король эльфов принял дары, но ответил отказом.

Кейл, сидевший в кресле напротив, едва заметно усмехнулся.

— Дочь короля и южный лорд. Даже с учётом всех его владений... да, это был дерзкий запрос.

— И унижительный отказ, — добавила Мариэль. — Для человека его положения. Для его честолюбия. Доррин не из тех, кто прощает пренебрежение. Он запомнил. И теперь, когда стал достаточно силён и заручился поддержкой императора. Границы эльфийских лесов уже не кажутся такими неприступными... возможно, он ищет не просто переговоров. Он ищет реванша. Способ доказать, что дочь короля могла бы быть его. Что эльфы ошиблись. — Она помолчала. — Или получить иным путём то, в чём ему отказали тогда.

— Реванш через политику, — Кейл покачал головой. — Опасная игра.

— Но в его характере, — парировала Мариэль.

Она отошла от окна и приблизилась к камину, протянув руки к теплу.

— Однако есть и второй вариант. И он тревожит меня куда сильнее.

Я поднял взгляд.

— Говори.

— Небесный металл — произнесла она. — Его находят глубоко под корнями Старого леса. Только там. Это знают все эльфы, но для посторонних это всегда оставалось легендой. Ты же знаешь наши копья, наши клинки? Они не тупят-

ся, не ржавеют, прочнее любой стали. Всё потому, что в них есть частица неба.

Она замолчала, и в кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь треском дров.

— Два месяца назад, — продолжила Мариэль, — один наш отряд перехватил обоз на границе. Купеческий, прикрывался тканями и специями. Но в тайнике нашлись образцы породы. Такую породу не спутаешь ни с чем. Обоз шёл на юг к Доррину.

— Он знает, — тихо сказал Кейл. Это не было вопросом.

— Он знает, — подтвердила она. — И не просто знает. Если он посылал людей за образцами, значит, он ищет подтверждение старым картам или легендам. Или, — её голос стал жёстче, — он нашёл способ обрабатывать металл. А возможно, кто-то из эльфов пошёл на предательство. В наше время, старые секреты уже не так надёжны, как мы думали.

Она выпрямилась, и в её осанке проступила та холодная, сдержанная сила, что выдавала в ней не просто советницу, но дочь своего народа, дочь лидера клана.

— Если Доррин получит доступ к небесному металлу, он перестанет нуждаться в чьих-либо союзах. Он сможет ковать оружие, способное пробить любую броню. Он станет силой, с которой не сможет совладать никто из ныне правящих домов.

Глава 7

Мэриэль перевела дыхание, встречаясь с Кейлом взглядом.

— Что? — не выдержал я.

Эльфа склонила голову к плечу:

— Кейл, что это было у ворот? Я про такие артефакты никогда не слышала.

Северянин даже не пытался скрыть любопытства. Я вздохнул — проще объяснить сразу, чем слушать догадки.

— Комбинированный амулет с магической привязкой. Пользоваться могу только я.

Мэриэль шумно выдохнула:

— Как жаль. Отец через пару месяцев предложил бы за него не меньше пяти тысяч золотых корон.

У северянина брови взлетели вверх.

— Кейл — голос лейтенанта сделался вкрадчивым. — А ещё у тебя есть подобные? Смею заверить, мой клан приобрёл бы пару штук не глядя.

— Торвин, давай не сейчас. Второго такого у меня в данный момент всё равно нет.

Я посмотрел на часы:

— У нас четыре часа на сон. В десять отбываем в город.

Мэриэль кивнула и направилась к лестнице. Торвин задержался на мгновение, глянул на мою сумку, но промолчал.

Уснул я почти сразу.

Мне приснился удивительный сон. Я видел себя словно со стороны сидевшего в огромном незнакомом кабинете за массивным квадратным столом. На столе был расстелен гигантский лист пергамента, и вся эта картина напоминала мастерскую гениального механика, создающего эскизы своих невероятных машин.

Я перевел взгляд на почти заверченный чертеж и увидел на нем необычное оружие. Оно было создано теми сущностями, что наконец слились с моей аурой и стали мною. В этот момент я осознал: я придумал то, чего этот мир еще не знал. Это был нейтрализатор магических сил. С его помощью я мог временно лишать магов их дара, превращая их в обычных людей — пусть всего на час, но в бою этого более чем достаточно.

Мне кажется, мое восприятие мира и глубина знаний вышли на принципиально новый уровень. Перед сном как я помню, подумал: неплохо бы создать оружие против магов. И эта мысль, очевидно, стала задачей для моего никогда не дремлющего разума, где эти таинственные сущности постоянно решают какие-то задачи.

Через четыре часа меня разбудил тихий стук. Всего четыре часа отдыха, но тело отозвалось удивительной бодростью. Я рывком сел на кровати и, не мешкая, натянул одежду. На пороге меня ждала Мариэль.

Её обычно безмятежное лицо было напряжено, а в зелё-

ных глазах плескалась тревога.

— Нам нужно поговорить, — начала она без предисловий, переступив порог. — Я должна немедленно отбыть к отцу. Что-то произошло наш король собирает всех лидеров кланов.

— Ты тоже едешь к королю? — переспросил я, пытаюсь окончательно стряхнуть остатки сна. — Мариэль, объясни толком, что случилось?

— Времени почти нет, ты тоже едешь со мной — она шагнула ближе, и в её голосе зазвенела сталь. — маркиз, не оставит в покое твоё баронство это лишь начало. Его истинная цель куда масштабнее. Он хочет не просто прибрать к рукам твои земли или выжечь мои леса. Ему нужен проход к самому сердцу эльфийского королевства.

Она сделала паузу, давая мне осознать услышанное.

— Мой отец уже знает об угрозе. Я обещала, что приведу подмогу. — Мариэль встретила со мной взглядом. — В сложившейся ситуации нужен союз. Твоё баронство, северяне и эльфы должны выступить вместе. Если маркиз добьётся своего, он разрежет наши земли, как спелый плод, и уничтожит поодиночке. Ты должен убедить короля в нашей решимости. А я буду рядом. Я обещала тебе свою помощь, и я её окажу. Но сейчас мне нужно быть с моим кланом. Собери отряд, возьми самое необходимое и выступай к Границе Сумерек. Я буду ждать тебя там с моим отцом.

Она уже развернулась к двери, но на мгновение задержа-

лась, бросив через плечо:

— Торопись. И помни: от того, как быстро мы объединимся, зависит судьба не только моего народа, но и твоего домена.

На прощание я по-дружески обнял Мариэль и коснулся губами её щеки. — Ровно через десять дней, — пообещал я, — на условленном месте, у кромки твоего леса. Мы встретимся, чтобы вместе держать путь к королю эльфов.

Мы едва успели позавтракать и закончить сборы, готовясь выдвигаться в город, как внезапно взревел рог на сторожевой башне замка.

Я, в сопровождении капитана Жан-Люк де Монфора, взбежал на стену. Взгляд тут же уперся в приближающуюся колонну. Сотня закованных в сталь воинов, пылящих по тракту, — зрелище впечатляющее. Под флагами маркиза Доррина шла ровно половина воинов, остальные же держали штандарты с имперским орлом.

Ну надо же! Две неудачные попытки отобрать мой замок силой ничему его не научили. Теперь этот проныра решил надавить на меня судом и безденежьем, да еще и императорских солдат притащил для острастки. Вот только он даже не представляет, какую глупость совершает. При таких свидетелях этот спектакль обернется против него самого. У меня в кармане найдутся десять тысяч золотых корон, чтобы прямо сейчас закрыть этот вопрос и стать полноправным хозяином домена у всех на глазах.

— Ворота не открывать! — приказал я.

Мы не предпринимали ничего, пока отряд маркиз и имперцы не приблизились вплотную. Лишь минут через десять, когда снизу донеслась раздраженная брань и улюлюканье, я вместе с капитаном и своим отрядом северян спустился со стены и вышел к ним через боковую дверь. Ворота крепости так и остались заперты.

— Что вы себе позволяете, барон?! — вскипел маркиз. — Заставляете ждать своего сюзерена? Я могу принять это за оскорбление, если не получу объяснений!

— Ваше сиятельство, — я отвесил почтительный, но сдержанный поклон. — Простите мою осторожность, но за последние два дня мой замок дважды подвергся нападению.

Маркиз дёрнул щекой, но промолчал, и я продолжил:

— По странному стечению обстоятельств, все нападавшие были одеты в доспехи с нашивками вашего герба. Часть из них, к сожалению, уже не сможет дать показания — я отправил их тела к вам... в телегах. Другая часть дожидается допроса в казематах.

Я выдержал паузу, давая ему осмыслить услышанное, и добавил с едва уловимой иронией:

— Разумеется, я даже на миг не допускаю мысли, что это могли быть ваши люди. Очевидно, кто-то очень хотел бросить тень на ваше доброе имя. Но, согласитесь, прежде чем впускать кого-либо за эти стены, мне нужно с этим разобраться.

Весь этот разговор происходил в присутствии главного судьи королевства и старшего следователя королевской охраны. Они стояли чуть поодаль, но их заинтересованные, многозначительные взгляды, которыми они обменялись в ответ на слова маркиза, не укрылись от моего внимания.

Маркиз Доррин, похоже, и сам уже пожалел, что пригласил двух столь высокопоставленных особ, но, будучи заложником собственного нетерпения, решил не отступать. Он высокомерно вскинул подбородок и процедил:

— Надеюсь, теперь, когда всё улажено, мы сможем въехать в ваш замок через Главные ворота, как подобает?

Я сокрушенно вздохнул и покачал головой, стараясь придать голосу максимум сожаления:

— Боюсь, ваше сиятельство, что это решительно невозможно. С внутренней стороны ворот еще не успели отскреести остатки нападавших. Думаю, вам и уважаемым господам будет крайне неприятно перешагивать через лужи крови и разбросанные обугленные тела.

Лицо Доррин пошло багровыми пятнами. Глаза его гневно сверкнули, но, прежде чем он успел разразиться тирадой, я добавил, изобразив на лице готовность услужить:

— Однако, если вы и ваши спутники не побрезгуете спешиться, я готов незамедлительно проводить вас в свой кабинет. Не думаю, что у вас ко мне какие-то срочные дела — согласно договору, выплата долга отца ожидается лишь через три недели. Но раз уж вы здесь, господа, я хотел бы

просить вас об одном одолжении. Позвольте мне передать в ваши руки тех подонков, что сегодня по чьему-то приказу атаковали мой замок. Уверен, вам будет интересно с ними побеседовать.

С этими словами я жестом пригласил их следовать за мной к боковому входу.

Доррин спешился первым, даже не глядя на поданного конюхом стремя. Движения его были резкими — он с силой бросил поводья подбежавшему слуге, словно вымещая на нем свою досаду. Старший следователь и судья, напротив, держались с подчеркнутым спокойствием. Спешивались они, не торопясь, с достоинством людей, привыкших к долгим и важным совещаниям. Следователь, кряжистый мужчина с цепким взглядом, коротко кивнул мне, давая понять, что оценил ситуацию.

Путь до кабинета лежал через двор. Мы шли мимо спешно убирающих следы побоища слуг, мимо вооруженных стражников, которые почтительно расступались перед гостями. Я вел их неспешно, давая возможность оценить масштаб недавней битвы, но не настолько медленно, чтобы выглядело, будто я намеренно вожу их по грязи. Судья то и дело оглядывался по сторонам, его острый взгляд профессионала выхватывал детали: сломанное древко копья в углу, бурые пятна на брусчатке, настороженные лица моих людей.

В кабинете, куда я наконец их впустил, уже был наведен порядок. Горел камин, на столе стояло вино и легкая закуска.

Я жестом пригласил гостей располагаться в креслах, давая понять, что, несмотря на хаос снаружи, здесь они под защитой закона и лично моего гостеприимства. маркиз, однако, остался стоять у окна, нервно теребя перчатку и всем своим видом показывая, как ему здесь неудобно.

Вскоре гости чинно расположились в креслах. Маркиз Доррин, сверля взглядом судью, с нарочитой медлительностью вытянул из внутреннего кармана мятого сюртука пожелтевший лист договора. Ухмыльнувшись, он швырнул его на столик так, что бумага едва не съехала в тарелку.

— Прочитайте, барон. — Голос его сочился ядом.

Я даже не шелохнулся, оставив пергамент лежать там, где он упал.

— Ваше сиятельство, — мой голос был спокоен, как гладь горного озера. — Назовите сумму. Сейчас. При свидетелях. Чтобы мы тотчас заключили магическую сделку и раз и навсегда закрыли этот вопрос. Вы получаете золото и забываете дорогу к моему баронству.

Я ловко откупорил бутылку, и густой аромат Южного вина поплыл по комнате, рубиновая жидкость наполнила бокалы.

— Надеюсь, господа судья и следователь удостоверят нашу сделку. — Я выдержал паузу. — И еще один момент. Вы требуете весь долг на три недели раньше, хотя еще неделю назад озвучивали мне совсем иную дату.

Маркиз поморщился, как будто я предложил ему выпить уксуса вместо вина.

— Обстоятельства, барон. Сами понимаете.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Маркиз замолчал, явно не намереваясь оправдываться. Я кивнул, принимая его ответ как данность, и сменил тему:

— Итак, сумма — десять тысяч золотых корон. Я правильно понимаю?

— Да! — с вызовом бросил он. — Там же всё черным по белому!

— Прекрасно.

Я запустил руку в свою сумку и с довольным, тяжелым звоном водрузил на стол два огромных кошелья. Кожа на них лоснилась, а золото внутри отозвалось глухим, но убедительным гулом.

— Здесь ровно десять тысяч. Договор закрыт?

Маркиз вздрогнул так, будто я плеснул в него водой. Он растерянно захлопал глазами, переводя взгляд с увесистых кошельков на судью, словно ища поддержки.

— Д-да, — выдавил он. — Закрыт. Как же так?

В тот же миг лежащий на столе пергамент полыхнул чистым золотым пламенем и рассыпался в прах, даже пепла не оставив. Магия сделки свершилась.

Пока Доррин трясущимися руками пересчитывал монеты, судья и старый следователь только молча переглядывались, не в силах скрыть удивления. Никто не проронил ни слова, а спустя четверть часа их колонна уже пылила по дороге, исчезая за ближайшим холмом.

Каменные ступени вели вниз, к нетерпеливо ожидающему отряду северян. Торвин уже держал под уздцы моего коня. Рядом с ним стоял капитан.

— Ваши приказания, барон? — коротко осведомился он.

— Обойдетесь без них. Просто делайте свою работу. — Мы вернемся через пару дней — я протянул ему три амулета. — Вот, возьмите «Ледяные копыя» для усиления. До моего возвращения замок должен быть наглухо заперт. Никого не впускать, ворота не открывать ни под каким предлогом. До встречи.

Отряд тронулся в путь, быстро миновал ворота и быстрым шагом двинулся по широкому тракту, ведущему к городу Рилсу. До города оставалось добрых тридцать километров.

Когда стены замка скрылись за холмами, Торвин собрался было выслать вперед дозорного. Я жестом остановил его.

— Не трать силы. В этом нет нужды, — пояснил я, глядя вдаль. — Я вижу врагов на расстоянии, куда большем, чем способен проскакать всадник.

Дорога выдалась на удивление спокойной. Лишь изредка нам попадались телеги крестьян, доверху груженные разнообразным товаром — они казались медлительными жуками, ползущими по пыльной нити тракта. Времени было предостаточно, и я обстоятельно, шаг за шагом, посвятил лейтенанта в план наших действий в городе.

Начал я с описания самого крупного города баронства,

что раскинулся на берегу стремительной реки. Это был настоящий улей — город мастеров и торговцев. Воздух там, казалось, звенит от перестука молотков, подобно барабанной дробе, и скрипит от натуги подъемных кранов, вздымающих тюки с пристаней. Дома лепятся друг к другу крутыми уступами, словно ласточкины гнезда, карабкаясь от шумных причалов к главной площади, где гордо высится ратуша с огромными, как колесо телеги, часами. Без малого сорок тысяч душ теснятся в этих кварталах, но теснота эта не тяготит, а создает неповторимый, деловой уют. Власть здесь принадлежит не столько наместнику, сколько гильдиям — кузнецов и сплавщиков леса. А на постоянных дворах, всегда можно услышать свежие слухи с тракта, что ведет к самой эльфийской границе.

Сама задача была обманчиво проста: пока я буду знакомиться с главой города, пока просмотрю книги по учету доходов и расходов города, лейтенант со своими людьми отправится в гильдию наемников, где ему предстояло отобрать под договор максимальное число бойцов, способных держать меч, сроком на два месяца.

Под стук копыт я погрузился в размышления. Кони, безусловно, хороши, верные и привычные, но память о мире, где экипажи движутся без лошадей, не давала покоя. Эта идея требовала обсуждения с моими сущностями.

— Интересная мысль, Кейл, — раздался в голове ментальный голос одной из них, механика уровня Архимага. —

Мы обязательно подумаем над этим. Но сейчас посмотри: мы разработали заклинание, на основе которого ты можешь создать амулет «Связь».

Я сосредоточился и вошел в Истинное зрение. Перед внутренним взором поплыли вереницы заклинаний, записанных в памяти. Промелькнул заголовок «Новые заклинания», и взгляд задержался на трёх: «Голем-Строитель», «Огненное поле» и «Связь».

Из них я создал пока только одно — Голема-Строителя. О «Связи» я узнал только, что, но вот плетение «Огненное поле» привлекло моё внимание. Оно оказалось на порядок сложнее комбинированных заклинаний, которые я создавал раньше. В его структуру было искусно вплетено сразу три плетения из разных школ магии.

Я принялся изучать принцип действия, и передо мной развернулась поистине впечатляющая картина магии разрушения.

Первым слоем шло заклинания «Тумана», которое обычно использовали для полива полей. Но в данном случае вместо воды оно распыляло мельчайшие капли магического масла и покрывало огромную площадь, оседая невесомой, но крайне опасной взвесью.

Вторым компонентом выступал «Воздушный Вихрь». Само по себе это заклинание не было разрушительным, но здесь оно играло роль катализатора. Оно приводило масляную взвесь в стремительное движение, создавая настоящий

круговорот из горячего тумана, закручивая его в тугую воронку и равномерно перемешивая.

И венцом этой конструкции становился третий слой — обычный, но своевременный «Огненный шар».

Суть заклинания раскрывалась в его синергии. Сначала на местности оседала невидимая масляная взвесь. Затем Вихрь поднимал её в воздух, превращая пространство в один большой горячий котёл. И в этот момент «Огненный шар», влетая в эпицентр, поджигал смесь.

Результат исходя из расчетов должен быть ошеломляющим. Огромная площадь, обработанная заклинанием, должна в один миг сжечь все находящееся в его зоне. Это был не просто взрыв, а всеобъемлющий пожар, не оставляющий цели ни единого шанса на спасение. Три заклинания из разных школ, сплетённые в одно, рождали силу, на которую по отдельности они были не способны.

Отвлёкшись от созерцания этого разрушительного великолепия, я перевел взгляд на плетение «Связи». Оно было куда сложнее, но теперь, увидев принцип сплетения школ во «Взрыве», я начал понимать, как сущности мыслят, создавая нечто принципиально новое.

Глава 8

Дорога заняла чуть больше трёх часов, и вскоре наш отряд уже стоял у главных городских ворот. Лавируя между бесконечными телегами, мы подъехали к страже. Молодой наёмник в кольчуге, с мечом на поясе, шагнул вперёд, намереваясь преградить нам путь, но пожилой сержант властным жестом остановил его. Переведя взгляд с моей руки, на которой красовался перстень с чёрным камнем-печатью и гербом в виде вороньей головы, он приветствовал меня:

— Добро пожаловать, милорд.

Проехав по главной улице, мы выехали к Центральной площади, где наши пути разошлись. Я направил коня к внушительному зданию муниципалитета, а мои воины спешили у массивных дверей Гильдии наёмников, расположенной на противоположной стороне.

Поднявшись по мраморным ступеням, я вошёл в приёмную. Полумрак кабинета бургомистра Крюгеля был густым, как осенний туман. Воздух, казалось, пропитался запахом старой бумаги и затхлости. За массивным столом, заваленным кипами свитков и пергаментов, сидел сам бургомистр — тучный, с лицом, пылающим от избытка крови, и нелепым, съехавшим набок париком. Он не поднял головы, услышав шаги, лишь скрипнул пером по бумаге.

— Прощения о смене земельного надела принимаются на

неделе, после заутрени, — прохрипел он, не отрывая взгляда от строк. — Выйдете и закройте дверь. Плотно.

Но я не вышел. Остановившись прямо напротив стола, я положил перчатки на самую высокую кипу свитков. Мой голос, обычно спокойный, сейчас звучал сдержанно, но весомо.

— Я пришёл не подавать прошения, Крюгель. Я пришёл принимать отчёт.

Бургомистр наконец поднял голову. Его маленькие, заплывшие глазки щурились, пытаясь разглядеть незваного гостя. Видимо, в полумраке и в моём лице он увидел лишь очередного заезжего купца или какого-нибудь мелкого дворянчика из глуши.

— Принимать отчёт? Хм-хм, — раздался его смешок, перешедший в мокрый кашель

Я наклонился вперёд, положив руку на стол. Мой голос стал тише, но от него веяло таким холодом, что, казалось, сам воздух в кабинете сжался.

— Крюгель. Взгляни на меня.

Голос был негромким, но в кабинете вдруг стало тесно. Перо, дрогнув в пальцах бургомистра, прочертило на пергаменте уродливый кривой след. Крюгель поднял голову и тут же побелел так, что его багровая физиономия приобрела землистый оттенок.

Кресло жалобно взвизгнуло, когда грузное тело дернулось, пытаясь то ли вскочить, то ли провалиться сквозь зем-

лю.

— Б-барон?! Свят, свят... Помутилось в глазах, ваша милость! Солнце слепит, старость, немощь... Ослеп, совсем ослеп, не признал!

Ответом ему была тишина. Тягучая, как патока.

Я не спеша опустился в кресло напротив, и старые доски пола скрипнули под моими сапогами с какой-то зловещей отчетливостью.

— Ослеп? — переспросил я наконец, и в этом слове слышался интерес врача к занятому пациенту. — Интересный случай. Обычно слепота наступает от голода. А у тебя, я вижу, совсем другой диагноз. Жир глазки затянул.

Я коротко хлопнул ладонью по столу, и стопка бумаг подпрыгнула.

— А ну, встряхнись. Давай сюда книгу по приходам и расходам. Если хоть одна цифирь не совпадет, я твое «помутнение» мигом вылечу. Прогуляешься босиком до рудников. Тамошний воздух знаешь, как зрение прочищает? Мгновенно.

Бургомистра словно сдуло с кресла. Он метался по кабинету, цепляясь животом за углы стола, бормоча молитвы и заверения вперемишку. Тяжелый фолиант лёг на столешницу, вздымая пыль.

— Всё честь по чести, ваша милость... под присмотром... каждая монета...

Он замер, склонившись над раскрытой книгой, напоми-

ная нашкодившего пуделя, ожидающего пинка.

Спешившись у входа в Гильдию наёмников, северяне привязали коней и огляделись. На площади, помимо мрачного здания муниципалитета и самой Гильдии, располагалась таверна «Бронзовый Лев» да с десятков магазинчиков — товар здесь был на любой вкус.

Самый рослый и мощный воин повернулся к лейтенанту: — Тор, что ты думаешь про барона? Я не могу понять, кто он и что нас ждёт дальше.

Лейтенант усмехнулся:

— А что тут думать? Он маг. И думаю, нам сильно повезло, что он взял нас на службу.

Воины недоверчиво переглянулись. Тор жестом остановил возможные вопросы и продолжил:

— Теперь уже могу сказать вам. Наш клан заключил с бароном договор. В течение нескольких недель в его баронство переселятся первые сто семей, что пожелают сменить суровый Север на благодатные южные земли. Это главное, о чём вы должны знать, а сейчас пойдёмте в Гильдию — выберем подходящих воинов.

Отряд, гроыхнув подкованными сапогами по каменным плитам, ввалился в прохладный полумрак здания гильдии. Внутри пахло деревом, старой кожей и оружейной смазкой. Лейтенант Торвин, не сбавляя шага, перехватил за локоть первого попавшегося наёмника, лениво точившего кинжал у входа.

— Где глава? — голос Торвина не терпел возражений.

Наёмник, мельком глянув на рослых фигурах в мехах и стали, молча указал большим пальцем на крутую лестницу, ведущую на второй этаж.

Вскоре северяне уже стояли в просторном кабинете. Это было не просто помещение, а настоящий командный пункт: стены увешаны стеллажами со свитками, картами и образцами холодного оружия. В центре возвышался массивный стол из тёмного дуба, за которым сидел мужчина. Он неторопливо выводил последние буквы на пергаменте гусиным пером, затем аккуратно промокнул чернила и лишь после этого поднял глаза на вошедших.

Это и был Кен, глава гильдии Мечников.

Внешность его разительно отличалась от суровых, обветренных лиц северян. Кен был худошав, но в его фигуре чувствовалась не слабость, а сухая, жилистая сила тренированного мечника. Ему было около сорока пяти, но седина лишь благородно тронула виски, не тронув аккуратно подстриженную русую бородку. Одет он был не в броню, а в добротную, но простую льняную рубаху с широкими рукавами, кожаный жилет и тёмные штаны, заправленные в мягкие сапоги. Главным же его украшением были глаза — цепкие, живые, светло-карие, которые, казалось, видели собеседника насквозь, оценивая не по одежде, а по повадкам. На поясе у Кена, справа, висел меч с узким лезвием магически укрепленным и с изящной, но удобной гардой — оружие, говорившее о его

принадлежности к другому миру, миру точных, выверенных ударов, чуждому топорной мощи севера.

— Уважаемые, что привело вас в нашу гильдию? — начал он, откидываясь на спинку стула. Голос у него был спокойный, чуть насмешливый. — Сразу скажу, сейчас мы не принимаем новых воинов. Если честно, и своих девать некуда.

— Вот и хорошо, — довольно хмыкнул Торвин, шагнув вперёд. Его рука непроизвольно легла на меч, висевший на поясе. — Мы пришли нанять небольшой отряд Мечников. Клинков тридцать, но опытных. Очень опытных.

При этих словах Кен медленно встал. Он вышел из-за стола и, к удивлению северян, не отвесил поклон и не выказал подобострастия, а просто протянул руку для крепкого рукопожатия.

— Кен, — представился он коротко.

Торвин, чуть помедлив, сжал протянутую ладонь. Рука Кена оказалась неожиданно жесткой и сильной, без намёка на мягкотелость писаря.

— Торвин, — ответил лейтенант, и на мгновение их взгляды скрестились, словно два клинка на пробном выпаде.

Кен удовлетворённо кивнул, и его лицо расплылось в радужной, даже несколько хитрой улыбке. Он радостно потер руки, словно купец, предвкушающий выгодную сделку, и жестом пригласил гостей следовать за собой.

— Прошу, гости дорогие. Разговор о деле лучше вести там, где на бойцов можно посмотреть вживую.

Он лично провёл северян через анфиладу комнат в просторный тренировочный зал. Это было сердце гильдии: высокий зал с зарешеченными окнами под потолком, пол усыпан опилками, а стены увешаны щитами, манекенами для отработки ударов и стойками с учебным оружием. В зале царил ритмичный звон стали — десятка два наёмников разных мастей отрабатывали связки, фехтовали на деревянных мечах или боролись в углу на мягких матах.

— Вот они, мои бойцы, — Кен обвел зал рукой. — Выберите.

Но Торвин не спешил. Наконец он дал знак своим воинам. Отбор начался.

Это была не просто проверка, а настоящая экзекуция. Северяне не смотрели на красивые мышцы или ловкость владения клинком. Они искали зверей, готовых к схватке на выживание.

Первый кандидат, хлыщ в чистой рубахе, бойко отсалютовал тренировочным мечом. Торвин молча кивнул своему бородачу Ульффу. Тот, даже не вынимая настоящего топора, сгрёб парня за грудки и швырнул в опилки. Хлыщ вскочил, но в его глазах плескалась уже не бравада, а страх.

— Годен лишь патрулировать рыночную площадь — сплюнул сквозь зубы Торвин. Кен понимающе кивнул, и парень с позором удалился.

Второй был здоровяк с бычьей шеей, попытавшийся надавить авторитетом и грязно выругаться в ответ на требова-

ния. Ульф перехватил меч поудобнее, но Торвин остановил его жестом. Он просто посмотрел на наёмника. Тот выдержал взгляд секунды три, затем отвел глаза.

— Шумлив, но пуст, — вынес вердикт лейтенант. — В строю, может, и устоит, но в дозоре с таким — только жди беды.

Третий, молчаливый тип со шрамом через всю щеку, понравился сразу. Он не суетился, не пытался понравиться. Когда Торвин без предупреждения, с места в карьер, рубанул воздух мечом у его лица, наёмник даже не моргнул. Только зрачки чуть сузились. Его взяли без разговоров.

Кен, наблюдавший за этим со стороны, лишь посмеивался и потирал руки. Каждый отказ он воспринимал с пониманием, а каждое одобрение — с гордостью, словно это его личная заслуга.

Северяне гоняли наёмников по всему залу. Заставляли фехтовать спиной к спине, проверяя чувство локтя. Разбивали пары и заставляли биться друг с другом до первой крови. Задавали каверзные вопросы о тактике в лесу, о поведении при виде раненого товарища, о том, сколько можно не спать перед боем.

И вот Торвин оглядел построившихся перед ним людей. Из полутора сотен «мечников», что ютились в казармах гильдии, перед ним стояли лишь тридцать. Тридцать пар холодных, спокойных глаз. Тридцать обветренных лиц. Тридцать клинков, готовых к настоящей работе.

— Тридцать, — хмуро произнес Торвин, поворачиваясь к Кену. — Это всё, что у тебя есть?

— Это всё, что достойно вас, лейтенант, — с легким поклоном ответил Кен, и в его голосе не было и тени насмешки. — Остальные пусть стерегут обозы. Эти же пойдут с вами в самое пекло. Тридцать клинков, но каждый стоит целого десятка.

Торвин еще раз окинул взглядом отряд. Он знал, что Кен прав. Лучше тридцать волков, чем сотня баранов. Он кивнул.

— По рукам. Готовь бумаги.

Изучать бухгалтерию на месте я не собирался, просто отправил книгу в сумку, решив, что вдумчивое чтение подождёт до лучших времён и этим буду заниматься не я, а доверенное лицо. Сейчас мне нужно было не это.

— И всё же, бургомистр, — начал я, испытующе глядя на него, — вы уверены, что с финансами полный порядок? Подумайте хорошенько. Нет ли где упущений? Не затерялся ли где десяток другой золотых корон?

И я коснулся его разума.

Внутри этого холёного человека бушевала паника.

— Только не это, только не сейчас! Когда до полного правления города оставался один шаг... Откуда он приехал? Зачем? Если он раскопает... Господи, сколько я увёл... Но нет, нельзя раскисать. Я столько лет дурачил его отца — этого молодого выскочку я тем более обведу вокруг пальца.

Я погрузился в его память, листая воспоминания, словно страницы старинного фолианта. Масштабы казнокрадства поражали. Неужели отец был настолько слеп? Но самое интересное ждало впереди: имя человека, который сейчас сидел в тюрьме. Заместитель бургомистра Колс Олден. Всё встало на свои места. Узнав о махинациях, он попытался сообщить отцу, но бургомистр его опередил, искусно подставив и заточив в темницу.

Всё это время мой собеседник продолжал сидеть напротив, изображая на лице маску преданности и невинности. Талантливый мерзавец, ничего не скажешь.

— Кстати, — как бы невзначай обронил я, глядя ему прямо в глаза, — вы не напомните мне, куда подевался ваш заместитель? Что-то его не видно.

Последовала пауза, после которой я поднялся из кресла, направился к выходу из кабинета и, не оборачиваясь, бросил:

— Что ж, работайте. Как только появится время, займусь отчетами.

Невооруженным глазом было заметно, как Клугер облегченно выдохнул и тут же вскочил, чтобы проводить меня до дверей. Уже в коридоре, когда я шли в сопровождении бургомистра с его приторной улыбкой, до меня долетел обрывок мысли:

— Слава богам, а я так боялся... Этот такой же дуболом, как и его папаша.

Я резко развернулся к нему всем корпусом и жестко про-

изнес:

— Да, совсем забыл. Пока я не проверю отчеты, вам, господин бургомистр, запрещаю выезжать из города.

Покинув ратушу, я держал путь в гильдию наёмников. Там уже царило то особое оживление, что бывает по завершении дел — отбор подошёл к концу. Торвин сам направился ко мне, едва заведя на пороге. Дождавшись его, я передал увесистый кошель с золотом — плату по договору, — а следом и распоряжения. Прежде всего — рассчитаться с воинами. После этого отрядить по одному человеку в каждую из деревень. К утру старосты должны быть в моём родовом доме, и я жду от них подробнейшего отчёта. Остальных же наёмников велено было разместить со всем возможным комфортом в гостевом домике, на территории усадьбы.

Оставив Торвина и северян разбираться с формальностями в гильдии наёмников, я вышел на залитую солнцем площадь. Здесь кипела своя, особая жизнь. Вокруг фонтана со статуей древнего героя галдели торговки, предлагая свежие пирожки и ягоды. Ремесленники, расположившись прямо под арками домов, точили ножи и лудили котлы. Пахло жареным мясом, свежей выпечкой и легкой пылью от проезжающих повозок. Но меня интересовала не эта суета.

Я направился к противоположной стороне, где высилось здание, разительно отличавшееся от остальной застройки. Это была не просто лавка, а настоящий магический магазин — двухэтажное строение из гладкого, чуть светящего-

ся белого камня, с широкими витринами из цельного стекла редкость по нынешним временам! и аккуратной черепичной крышей. Судя по идеально ровным стенам и отсутствию следов времени, его возвели совсем недавно. Очевидно, это было отделение гильдии магов нашего королевства, решившее открыть здесь не только лавку, но и представительство.

В тот момент, когда я рассматривал вывеску с изображением светящегося кристалла, в голове раздался мелодичный голос Милены:

— Раз уж ты идёшь в магический магазин, посмотри, пожалуйста, недостающие ингредиенты для создания безлошадной повозки, — попросила она, и я почувствовал её лёгкое волнение. — Я скинула тебе список мыслеобразом.

Помещение первого этажа оказалось на удивление просторным. Стойка из тёмного дерева, длиной во всю ширину зала, делила его надвое, создавая невидимую, но осязаемую границу между покупателем и миром, полным диковин. За этим импровизированным барьером, за спиной невысокого продавца-гнома, высились стеллажи, уходящие едва ли не под самый потолок. Их тяжёлые полки прогибались под грузом всевозможного товара: аккуратные штабеля медных листов соседствовали с банками цветных реактивов, от которых, казалось, шло слабое свечение; рядом поблёскивали стеклом колбы и реторты, ожидая рук мастеровитых магов, а стопки девственно-чистого пергамента лежали тут же, пропитанные слабым, чуть сладковатым запахом химической

лаборатории.

— Уважаемый, — обратился я, стараясь привлечь внимание гнома, занятого раскладыванием товара. — Не найдётся ли у вас кое-чего? Вот по этому списку.

Я взял перо и чистый лист пергамента, небрежно брошенные на прилавке для посетителей, и быстро набросал перечень, который дала мне Милена.

Продавец отложил склянки, взял список, пробежал его глазами, хмыкнул и, наконец, поднял на меня взгляд, в котором мелькнуло любопытство.

— Хм... Забавный у вас заказ, — протянул он, почёсывая кончик носа. — Не сочтите за наглость, но зачем вам столько медной проволоки? — Он на мгновение запнулся и тут же махнул рукой. — Впрочем, извините, не моё это дело. Сейчас мы всё соберём. — Он обернулся вглубь лавки и зычно крикнул: — Салем! Спустишь-ка вниз, прими заказ!

Пока мы ждали, я повертел в руках моток проволоки, который гном уже успел выложить на прилавок, оценивая её гибкость и чистоту металла. Качество было превосходным. Я не удержался от вопроса:

— Если не секрет, кто ваш поставщик этого чуда? Работа тонкая.

Гном погладил свою не слишком густую, но ухоженную бороду и грустно усмехнулся.

— Да сейчас уже, поди, и не сыщешь никого. Прогорел бедняга. Его изделия, — он кивнул на проволоку, — никого

по-настоящему не привлекли, не оценили мастера. А живёт он теперь у северных городских ворот. Марик его зовут.

— Кейл, — представился я, кивнув.

— А я — Брунгар, хозяин этого магазина, — представился он, и его глаза хитро блеснули из-под кустистых бровей. — Что ж, Кейл, для такого требовательного клиента у меня кое-что припасено.

Он грузно сместился вправо, к стене, которая казалась глухой и невзрачной. Ловким движением он откинул тяжёлый бархатный полог, скрывавший небольшую, искусно вделанную в камень витрину. Под магическим стеклом тускло мерцали несколько предметов — не чета тем безделушкам, что лежали на основных прилавках.

Я склонился над витриной, вглядываясь в каждый экспонат. Вот перстень с рубином, обещающий защиту от огня — слишком грубая работа, печать мага едва держится. Вот подвеска с кошачьим глазом, якобы обостряющая чутьё — амулет восьмого уровня, не больше. Браслет из чёрного металла с рунами стойкости — интересно, но для моего уровня это просто красивая побрякушка.

Выпрямившись, я покачал головой, разочарованно цокнув языком.

— Прости, Брунгар, — я развёл руками. — Вещи достойные, но... не моё. Нет в них искры. Того самого огонька, новизны ради которой хочется выложить кошель.

Гном нахмурился, его лицо выражало смесь обиды и недо-

верия. Он убрал полог обратно, задумчиво почесал бороду.

— Хм-м... Неожиданно. Для кого-то эти вещи — предел мечтаний. — Он испытующе посмотрел на меня. — А что же ищет сам уважаемый Кейл? Может, поделитесь секретом? Чтобы я понимал, на что обращать внимание моим поставщикам.

Я на мгновение задумался, а затем, достав из сумки, показал ему свой собственный амулет. Простой на вид, из тёмного, почти чёрного обсидиана, оправленного в потемневшее серебро, он слабо пульсировал внутренним теплом. Это был амулет Голема Строителя — вещь не для боя, но для дела, уникальное изделие.

— Ну... что-то вроде этого, — просто сказал я.

Глаза Брунгара округлились. Он буквально прилип носом к моей ладони, разглядывая плетение чар. Его пальцы, унизанные кольцами, задрожали.

— Троль мне в печень! — выдохнул он. — Какая тонкая вязь! Это же не наша школа, не горная магия... Откуда это у тебя, парень? Продай! Я дам тебе двести, нет триста золотых.

— Боюсь, мы не договоримся, — усмехнулся я, пряча амулет обратно. — Эта вещь не продаётся. Могу лишь обменять на то, что мне понравится.

В этот напряжённый момент торговли со стороны основного зала послышались тяжёлые шаги, и к нам подошёл Салем. Его лицо покраснелось от усердия, а в руках он нёс несколько объёмных свёртков, аккуратно перевязанных бе-

чёвкой.

— Хозяин, заказ для готов, — прогудел Салем, сгружая свёртки на прилавок прямо перед нами

— Ладно, Брунгар, — я хлопнул его по плечу, выводя из транса. — Разговор о продаже моего амулета мы отложим. Но если будет что предложить, готов к обмену.

Я шагнул к прилавку и свёртки один за другим, бесшумно исчезли в моей сумке. Гном лишь крякнул от удивления, оценив и этот артефакт.

Уже у двери я обернулся и, глядя в глаза хозяину лавки, с искренней улыбкой пообещал:

— Но в магазин твой я буду заходить обязательно. Если появится что-то по-настоящему стоящее, что-то с душой и уровнем никак не ниже мастера — ты уж не прячь это за пологом, а показывай сразу. Договорились?

— Будь спокоен, Кейл. У Брунгара память хорошая. Я придержу для тебя самое лучшее. Приходи!

Глава 9

Путь от магического магазина лежал через лабиринт узких, мощёных булыжником улочек. Мои шаги гулко отдавались от стен, и я невольно замедлялся, разглядывая привычную, но оттого не менее прекрасную картину. Вдоль дороги теснились друг к другу домики — одни были одноэтажными, приземистыми, с покатыми крышами, поросшими мягким мхом, другие гордо вздымались на второй этаж, щеголяя аккуратными балкончиками с коваными перилами. Почти перед каждым домом темнела ажурная металлическая ограда, за которой прятались крошечные палисадники или просто виднелись мощёные дворики. Ржавые, но всё ещё изящные завитки решёток цеплялись взглядом, рассказывая немую историю о былом достатке и мастерстве здешних жителей.

Наконец, я свернул к знакомой до боли кованой калитке, ведущей на территорию усадьбы. За оградой, отделяющей дом от суеты города, раскинулся небольшой, но ухоженный сад. Старые яблони уже успели сбросить цвет, и их ветви клонились к земле под тяжестью зелёных, ещё незрелых плодов. Пара кустов сирени, давно отцветших, создавали густую тень, а дорожки, выложенные плоским песчаником, виднелись между ними, приглашая прогуляться.

Едва я переступил порог двора, как из тени, отбрасываемой домом, вынырнула знакомая сгорбленная фигура. Это

был Валз. Он ничуть не изменился — тот же неизменный тёмный сюртук, вытертый на локтях, та же седая, но всё ещё густая шевелюра и живые, выцветшие от времени глаза. Старый слуга, верный страж этого дома, замер на мгновение, взглядываясь в моё лицо, и вдруг его морщинистое лицо озарилось такой искренней, почти детской радостью, что у меня самого потеплело на душе.

— Хозяин! — выдохнул он, и в этом одном слове слышалось столько лет ожидания и непритворной любви. — Вернулись!

Я улыбнулся в ответ, чувствуя, как на душе становится легко и спокойно. Я был дома.

Запах запустения стоял над поместьем. Из всей челяди, которая когда-то кипела здесь жизнью, остались лишь трое: сам Валз, повариха Лунара, женщина суровая, но с золотыми руками, да старик садовник Мирш, который теперь скорее сам был частью этого увядающего пейзажа, нежели его хозяином. Остальные разбежались, как только весть о гибели отца и брата разнеслась по округе. Слишком зыбкой стала определенность завтрашнего дня, слишком призрачной стала плата за труды. Кто станет платить слугам, если не стало самого барона? Я молча кивнул, давая понять, что не держу зла на беглецов. Жизнь есть жизнь.

— Валз, — мой голос прозвучал глухо в вечернем воздухе. — Завтра же пойдешь в город. Наймешь столько работников, сколько нужно будет, чтобы вдохнуть жизнь в это пе-

пелище. Я намерен остаться здесь надолго. Восстановлю баронство, чего бы это ни стоило. А сегодня, ближе к ночи, жди гостей. Прибудет отряд северян-наемников. Проводишь их в гостевой дом, он хоть и пыльный, но цел. И скажи Луне, чтобы готовила ужин. Если в кладовых пусто — я сейчас дам денег.

Валз переступил с ноги на ногу.

— Запасы, хозяин, кое-какие есть. Лунара говорила, на пять дней протянем, если не шиковать. Но коли отряд большой, то без свежих припасов, конечно, не обойтись.

Я расстегнул дорожную сумку и вытащил небольшой, но тяжелый кошель, сшитый из мягкой коричневой кожи. Внутри приятно звякнуло золото.

— Вот. Этого хватит и на еду, и на первое время работникам. Ступайте, начинайте. А я — в кабинет. Нужно осмотреться.

Я оставил слугу, который почтительно сжимал в руках кошель и шагнул в сумрак старого дома, навстречу пыльным фолиантам и планам, которые мне предстояло воплотить в жизнь.

Я поднялся на второй этаж и толкнул дверь в отцовский кабинет. Время словно остановилось здесь, в этом просторном помещении с высокими стеллажами, плотно заставленными книгами. Тяжелый письменный стол из тёмного дуба, казалось, всё ещё помнил тепло его ладоней, а массивное кресло с высокой спинкой, в котором он так любил сидеть

по вечерам, сейчас пустовало.

Невольно перед глазами всплыло прошлое: вот я, совсем ещё кроха, сижу у отца на коленях, а его глубокий голос оживляет старые легенды, заставляя героев древности сходиться со страниц пожелтевших фолиантов. Сейчас же кабинет напоминал покои спящей красавицы — всё было на своих местах, но жизнь будто замерла. Тонкий слой пыли на полированной столешнице, застывшая тишина, чуть приглушённый свет из высоких окон — каждая мелочь шептала о том, что в последнее время хозяин бывал здесь редко.

Я понимал: чтобы вернуть этому месту жизнь, понадобится немало трудов. Нужно приложить руки, вдохнуть в него тепло и уют, заставить стены снова дышать. Но это, как говорят, дело наживное. Время у меня теперь есть, и я обязательно приведу всё в порядок.

Однако куда острее стоял другой вопрос, тяжёлым грузом давящий на душу: как жить дальше? Что делать с кланом? По сути, его больше не существовало — он испарился, как роса под утренним солнцем, оставив после себя лишь пустоту. Родственников не осталось, я — одинокий страж на пепелище былого величия. И в этот момент, когда казалось, что все пути обрублены, словно молния пронзила сознание: значит, пришло время не цепляться за тени прошлого, а выковать нечто новое. Создать новый клан. Где-то в древних рукописях, которые я читал, промелькнула мудрая мысль: подлинная мощь обретается не только по праву рождения, но и по

зову души, по искреннему выбору.

Можно принять в семью своих друзей, тех, кто прошёл с тобой огонь и воду, проверенных в деле людей и они сами должны принять решение приняв клятву верности. Эта мысль ещё требовала размышления, но она уже пустила росток надежды в моей душе.

Я расчистил массивный стол, развернул на нем большой лист пергамента, найденный в шкафу, и взял перо.

— Милена, — обратился я ментально — чтобы создать безлошадную повозку, нам сначала нужна схема. И неплохо бы разобраться в принципе ее работы.

— Звучит интригующе, — отозвалась Милена. — Я в этих делах не разбираюсь, но сейчас с тобой поговорит Проф. Он просил называть его именно так и постарается объяснить, что нужно делать и как работает механизм.

— Кейл, — услышал я мужской голос, — как мне к вам обращаться? Хозяин?

Я на мгновение задумался, но затем твердо ответил:

— Я вам не хозяин. Ваши сущности и я одна команда, поэтому называйте меня просто Кейл. Проф, объясни, что мне нужно делать и какой эскиз рисовать.

После короткой паузы я снова услышал голос:

— Посмотри на лист пергамента. Сосредоточься, активируй «магическое зрение» — и ты увидишь рисунок. Убедись, что он полностью помещается на пергамент, и начни обводить его пером.

— Что ж, — сказал я, — это довольно просто, с этим я справлюсь.

И действительно, через пятнадцать минут все линии были аккуратно перенесены на пергамент. Передо мной предстало изображение удивительного механизма, в котором... не было колес.

— А где колеса? — спросил я с удивлением.

В ответ раздался довольный голос Профа:

— Да кому они нужны, эти колеса? В этом мире мы разработали комбинированный механизм, сочетающий магические свойства с законами электромеханики. В любом мире — будь то мир магии или мир, где ее нет, — везде существует гравитация.

— Поясню проще. — продолжил Проф — Гравитация — это сила, которая притягивает тела друг к другу. Например, падающие листья не улетают в небо, а оказываются под деревом. То же самое происходит с яблоком, падающим с ветки, или с вином, которое, разлившись, стекает со стола на пол, а не обратно в кувшин. Достаточно понятно, правда? Нас притягивает к себе масса этого мира, а мир огромен. Если бы этих сил не было, подпрыгнув, мы бы улетели куда-то вверх, но мы приземляемся на землю.

— Так вот, перехожу к делу. Если ослабить воздействие сил притяжения Земли на какой-то объект — допустим, на человека или камень, — то он вполне может улететь вверх. Но нам это не нужно, поэтому мы рассчитали необходимое

количество и силу кристаллов маны, которые, в сочетании с катушкой индуктивности нейтрализуют действие притяжения этого мира. А самое главное — мы вычислили такое количество витков в катушках, из медной проволоки, чтобы поднять для начала килограмм триста над дорогой или рекой. И если все правильно собрать, то можно будет подняться до пяти метров над поверхностью, но есть и ограничения. Управлять такой повозкой сможет только обученный маг, обладающий истинным зрением. Но я думаю, это пока. Позже мы сможем сделать управление для любых разумных.

Я прервал его:

— Вот совершенно правильно, пока и так достаточно. И прошу сделать защиту от магического копирования. А еще хотел спросить насчет катушки.

Теперь меня прервал Проф:

— Насчет катушки индуктивности ничего объяснять не буду — это земной термин, которого здесь никто не знает. Да и не нужно никому знать, просто так надо. А насчет защиты все продумано. Когда сможешь приступить к работе, Кейл?

— Да, завтра с утра и приступлю — ответил я.

Стук в дверь заставил меня оторваться от мыслей.

— Хозяин, — произнес старый слуга, склонив голову. — Наёмники и северяне прибыли.

— Отлично, Валз, — кивнул я. — Передай им, что я подожду через десять минут. А пока проводи их в их жилища.

Я спустился вниз и, ведомый дивным запахом, зашел на

кухню. Там было жарко, дым стоял коромыслом. Лунара — женщина лет пятидесяти колдовала над какой-то умопомрачительной похлёбкой. Увидев меня, она ахнула, всплеснула руками и запричитала нараспев:

— Кейл! Мой мальчик! Вырос-то как, жених! Сколько лет тебя не было в этом доме? Слава богам, что приехал! Теперь ты этим проходимцам быстро рога пообломаешь!

Я удивленно вскинул бровь:

— Кому пообломаю? Давай, выкладывай всё как есть.

Лунара привычным с детства жестом подозвала меня к столу возле окна, усадила перед горой свежеиспеченных пирожков, а сама встала у плиты, взялась за поварешку и, не переставая мешать похлебку, начала свой рассказ:

— Эх, молодой хозяин, видно, что ты с дороги и ничего не знаешь. Как преставился твой батюшка, так наш бургомистр, старый лис, сразу нос поднял. Взял и сплавил северную часть города зеленомордым оркам степнякам. Сначала их было всего ничего — пять семей. Но и те житья не давали никому. А потом они, как саранча, перетасили всю свою орду. Теперь их там тьма тьмушая, вся северная часть города кишмя кишит. Раньше город тихий был, а теперь с наступлением темноты из дома выходить боязно.

— Вот оно что, — усмехнулся я. — Ну ничего, завтра сходим к этому бургомистру, поговорим по душам. А я-то, грешным делом, думал, он просто ворует по мелочи. Ан нет, хуже оказался.

Лунара сообщила, что ужин будет готов через час, поэтому я не спеша направился в сад, прихватив с собой пару изумительно пахнущих пирожков. Путь лежал к гостевому домику — нужно было переговорить с наёмниками и взять с них стандартную клятву верности на срок, предусмотренный договором.

Пока я шёл по садовой дорожке, с наслаждением пережёвывая пирожок, обдумывал предстоящий разговор. Когда я приблизился к домику, где расположились наёмники, было заметно, что они довольно быстро обживаются на новом месте. Остановив первого попавшегося бойца, я поинтересовался, кто их командир и как его зовут, после чего вошёл внутрь.

Гостевой дом представлял собой, по сути, большую гостиницу. Войдя, я оказался в просторной общей комнате, где стояли пять массивных столов, каждый из расчёта на десять человек. Из этого зала вглубь здания вёл длинный коридор, вдоль которого тянулись двери, ведущие в небольшие комнаты на двоих. В конце коридора виднелась лестница на второй этаж, где, судя по всему, также располагались жилые номера.

В зале находилось несколько наёмников. Один из них, крепкий мужчина с жёсткими чертами лица и цепким взглядом, раздавал указания своим подчинённым. Заметив меня, он тотчас прервался и подошёл.

— Лейтенант Брок Лоран, — представился он коротко, с

лёгким кивком головы. Голос у него оказался низким и спокойным, что говорило о привычке командовать без лишнего шума.

— Барон Кейл Хелдер, — ответил я. — Зовите меня просто Кейл, лейтенант. Мне нужно с вами кое-что обсудить. Брок, пройдёмте в вашу комнату, там и поговорим.

Комната, в которую мы вошли, оказалась на удивление компактной, но не тесной. Две кровати, застеленные с армейской аккуратностью, вытянулись вдоль стен, словно ожидая своих обитателей. У единственного окна, откуда лился мягкий дневной свет, приютился скромный письменный стол, на котором, казалось, еще не успела осесть пыль, и пара простых стульев. В дальнем углу, словно часовой, застыл невысокий шкаф. Мы опустились на стулья, оказавшись друг напротив друга. Повисла тишина, нарушаемая лишь почти неслышным шелестом листьев яблонь, что, стояли за окном.

Я попросил лейтенанта рассказать о себе, как можно подробнее. Меня искренне интересовало, что могло удивить такого человека, как он.

Он внимательно посмотрел на меня, словно оценивая, стоит ли открываться. Помедлив мгновение, Брок начал рассказ, и его голос обрел некую отстраненность человека, вспоминающего давно прожитую жизнь:

— Шевалье Брок Лоран. Титул получил не по праву рождения, а выплатил сполна кровью — за заслуги перед короной. Сам я родом с восточных окраин Империи, из королев-

ства Меркана. Места там суровые, лесные. Отец держал кузницу, был лучшим в округе. Мать я не помню почти — она погибла, когда мне было года четыре после набега лесных орков на наш город. До пятнадцати лет я помогал отцу у горна, учился держать молот. Но, видно, не мое это было — сидеть в дыму и искрах. Отец не стал неволить. Отвел меня к своему старому другу, мастеру меча, с которым когда-то вместе ходил в походы. Так я и стал наемником. Сначала учеником, мечтал о славе, а теперь вот — лейтенант.

Пока лейтенант излагал свою историю, я бережно коснулся его памяти. И чем глубже я погружался, тем яснее понимал: передо мной человек редкой породы. Честный, с внутренним стержнем, с той особой гордостью, что не позволяет пресмыкаться, но и не толкает на подлость. Самое же ценное качество, которое я в нем разглядел, — он не из тех, кто предает.

Когда наш разговор подошел к естественной черте, я решил не откладывать разговор.

— Лейтенант, — начал я, пристально глядя ему в глаза. — Я вижу в вас человека честного и надежного. Не смотрите на меня с таким удивлением, поверьте, я умею это видеть. У меня есть к вам предложение. Переходите ко мне на службу.

Он слегка нахмурился, но промолчал, давая мне возможность высказаться.

— Я понимаю, что моё предложение неожиданно, поэтому назову условия сразу. На первых порах жалованье будет

равно гильдейскому, чтобы вы ни в чем не потеряли. Но это лишь начало. Позже в ваше распоряжение поступят две, а то и три деревни. И, разумеется, собственный дом в городе. Взамен же мне нужно лишь одно — вассальная клятва. Честная служба и верность.

Лейтенант задумался. Тишина повисла в воздухе. Он смотрел куда-то сквозь меня, взвешивая, прикидывая, привычно просчитывая варианты, как в сражении. Наконец, его взгляд снова сфокусировался на мне, и в нем читалось твердое решение.

— Я согласен, — сказал он негромко, но весомо. — Мой контракт с гильдией истекает через полтора месяца. Продлевать я его не стану. Но прежде, чем дать окончательный ответ, я хочу понять масштаб. Сколько клинков будет в моем отряде?

— Для начала — пятьдесят, — ответил я, заметив, как в его глазах мелькнул и погас огонек азарта. — Кстати, о клинках. Я хотел бы поговорить с вашими людьми. Лично. Как думаете, среди них найдутся желающие пойти за вами?

Лейтенант усмехнулся одними уголками губ.

— Думаю, да. Особенно те, кого твои северяне отобрали в прошлый раз. Они все как один — волки-одиночки. Ни семей, ни корней, ни тыла. Им давно уже нужна не просто работа, а место, где можно осесть. Где не придется каждую неделю седлать коня и ждать, что тебя положат в первом же бою за чужие амбиции. Вы предлагаете им не просто жало-

ванье — вы предлагаете дом. А это, поверьте мне, дороже золота.

— Ну вот и прекрасно, — сказал я, поднимаясь со стула. — У вас есть время переговорить со своими бойцами, пока я схожу к северянам. После того как определите всех желающих, я с каждым проведу личную беседу, так сказать, отбор по личным качествам. А потом соберёмся в общем зале, и вы все вместе принесёте мне клятву. Договорились?

Лейтенант тоже поднялся из-за стола, протянул мне руку и коротко ответил:

— Так точно, барон.

Глава 10

Я покинул наёмников и, на миг задержавшись на пороге, решительно направился к соседнему строению — небольшому гостевому дому, где расположились северяне. Беседа с Торвином развеяла мои последние сомнения: вести дела с северянами оказалось проще, чем с наёмниками. Однако разговор принял неожиданный оборот.

— По нашим законам, — говорил Торрент, — когда северянин становится мужчиной и воином, он сам кует свою судьбу. Может остаться в клане или уйти на вольные хлеба. — Он сделал паузу, и его глаза блеснули. — Но это не делает его отщепенцем. Кровь — не вода. Клан никогда не забывает своих сыновей, как и они не порывают с родом. Мы всегда придем друг другу на помощь. Собственно, как сейчас и произошло в нашем случае: благодаря этому сто семей его клана переселятся на мои земли.

Я не стал медлить. В большой общей комнате, пахнувшей дымом очага и терпким настоем северных трав, свершилось то, ради чего я затеял весь этот путь. Один за другим суровые воины преклоняли колено, принося вассальную клятву мне, барону Кейлу Хелдеру. Теперь они были не просто союзниками — они становились моими людьми.

Я не мешкая достал из сумки шесть амулетов универсальной защиты и раздал своим людям. Они были мне нужны

живыми и здоровыми. В тот же миг меня осенила мысль.

— Торвин, — обратился я к командиру северян, — вашему отряду нужен свой маг. Кто-нибудь хочет обучиться этому ремеслу?

Повисла тишина. Бойцы изумленно переглянулись, а затем все взгляды обратились на меня.

— Что вас удивляет? — спросил я. — Вы пользуетесь амулетами, значит, у вас есть дар. Слабый, но есть.

Лейтенант нарушил затянувшееся молчание:

— Барон, но сколько же времени это займет? — первым нарушил молчание лейтенант.

— Для нас всех — не больше суток, — пояснил я. — Чего не скажешь о том, кто согласится пройти обучение. Я пойму, если никто не готов, — тогда найду мага на стороне. Но, сами понимаете, «свой» всегда надежнее.

Северяне вновь переглянулись. После недолгой паузы вперед шагнул один из самых молодых воинов. Чуть потупив взгляд, он твердо произнес:

— Я готов. Что мне нужно делать?

Он вопросительно посмотрел на Торрента. Командир одобрительно кивнул:

— Дать свое согласие.

— Хорошо, — я вновь повернулся к юноше. — Завтра ты начнешь обучение. Но перед этим, сам понимаешь, должен дать мне личную клятву верности. Ты знаешь, что это такое?

В ответ — лишь непонимающий взгляд.

— Объясняю, — продолжил я. — Эта клятва, как и вассальная, оставляет тебе полную свободу действий. Однако есть одно условие: ни мне, ни моим людям ты не сможешь причинить вреда. Никаким способом. Это касается и разглашения тайных знаний. Ты должен это понять. При добровольном нарушении смерть, если под действием чар, то блокировка воспоминаний.

— Всё будет в порядке, Кейл, — вмешался лейтенант, ободряюще глядя на бойца. — Он хоть и молод, но понятливый. Приказы исполняет с толком. Не так ли, Ларсен?

— Так точно, командир! — четко ответил северянин, и в его голосе зазвенела сталь. — Я готов.

— Вот и славно. Сегодня всем отдыхать, — подвёл я итог нашему разговору. — А завтра, кроме Ларсена, каждый получит задание, которое надлежит выполнить до обеда. А я пока наведуось к наёмникам. Отдыхайте.

Едва я вышел, мои парни, оставшись одни в полном восторге, тут же набросились испытывать на универсальную защиту, словно дети на новую игрушку. Я же углубился в вечерний сад, держа путь к лому, где квартировались наёмники.

Внутри царила непривычная тишина. Весь отряд сидел в главном зале, мрачный и сосредоточенный. Мой вопрос повис в воздухе, но долго ждать ответа не пришлось. Лейтенант тяжело поднялся, опершись костяшками о стол, и его голос резанул тишину:

— Барон, люди сказали своё слово. Все согласны. Мы готовы идти за тобой, когда скажешь.

— Это хорошо, — кивнул я, обводя взглядом суровые лица. — Но сразу предупреждаю: всех не возьму. Так что без обид, парни. Таков уговор.

Отбор занял около часа. В итоге я отобрал два десятка великолепных бойцов, которые идеально вписывались в структуру моего клана. Отказники же восприняли вердикт с достоинством. Здесь не на что было обижаться был уговор.

Я направился к выходу, но не успел взять ручку двери, как раздался осторожный стук. На пороге стоял Валз.

— Господин, ужин подан. Где прикажете накрывать? В малой столовой?

Я задумался на миг.

— Нет, Валз. Думаю, пяти бойцов будет достаточно. Отправлю их на кухню к Лунаре, пусть заберут провизию. А ужинать будем сегодня здесь, под открытым небом. Накрывайте в саду.

Утром я разослал наёмников по деревням с чётким указанием: доставить старост вместе с учётными книгами, не позволяя им ни сбежать, ни отговориться. У меня были свои планы относительно развития поселений. Северянин передал эскизы и распорядился проследить за работой кузнецов и плотников — к обеду он ждал доклада о готовности.

Сегодня я намеревался испытать безлошадную повозку, а возможно, и новое оружие — нейтрализатор магов. В усадь-

бе остались десять наёмников под началом капитана, мы же с Ларсеном отправились в город. Там, у старого артефактора, я приобрёл четыре свитка: возврата и перемещения в Серые земли — примерно в тот район, где некогда находилась магическая Академия. Расплатился я на глазах у изумлённого Ларса, выложив огромную, по его меркам, сумму — сто золотых корон.

Через пятнадцать минут мы уже стояли у порога древней Магической Академии. Я повернулся к Ларсену и кратко ввел его в курс дела, объяснив, что метод обучения, который ему предстоит, далек от общепринятого.

— Пусть тебя это не смущает, — сказал я, глядя ему в глаза. — Я сам прошел этим путем и знаю, о чем говорю.

Главное, что ему следовало усвоить — не стоит задерживаться там сверх меры. Впрочем, это было не столь критично. Приоритетной задачей являлась прокачка магических способностей до пятого уровня. Но и воинские навыки тоже не возбранялось подтянуть — полная свобода действий. Напоследок я отдал ему свиток возврата и лично проводил до входа в Библиотеку Хроноса.

По дороге нам повстречался Лич в компании своих Скелетов. Завидев меня и моего вассала, древняя нежить лишь приветственно махнула костяной рукой и молча удалилась восвояси. Ларсен, естественно, замер в изумлении.

— Теперь ты мой человек, — пояснил я, заметив его реакцию. — Можешь считать это подарком: по крайней мере,

местная нежить будет к тебе относиться... нейтрально.

Мы остановились прямо перед воротами в Библиотеку. Я кивнул своему спутнику:

— Удачи. И на обратной дороге не обижай Лича и его свиту, пусть охраняет это место от чужаков.

Маркиз мерил шагами свой кабинет, и каждый его шаг отдавал глухим стуком, полным ярости.

— Шевалье! — крик маркиза резанул воздух. — Какого демона вы упустили замок? Вам было поручено лишь ввести отряд и перебить стражу!

— Ваша светлость, — капитан виновато склонил голову, — мы не могли учинить резню, это осложнило бы отношение с Гильдией наёмников. Потому мы действовали тоньше: управляющий подлил страже сонного зелья. Мы их просто пленили, всё прошло гладко.

Маркиз в бешенстве пнул напольную вазу. Та разлетелась вдребезги.

— Тогда что случилось дальше?!

Капитан продолжил, стараясь не смотреть на разъяренного маркиза:

— План сработал безупречно: стража в темнице, десять повозок набиты ценностями барона. Мы ждали утра, чтобы встретить основной отряд, стоявший в отдалении. Но ночью... появился молодой барон Кейл. С ним было всего тринадцать человек — северяне и эльфы. Они перебили охрану, которую мы оставили у повозок. Ваш племянник, руко-

водивший погрузкой... барон заморозил его какой-то магией и уволок в подземелье. А на рассвете Люди Ворона наголову разбили наш основной отряд. Лишь магам удалось спастись бегством.

Маркиз, вдруг обессилев, опустился в кресло. Голос его звучал обманчиво спокойно:

— Сколько, говоришь, их было? — Тринадцать, милорд, — капитан виновато уставился в пол.

— Тринадцать! — Маркиз снова вспылil, но быстро взял себя в руки. — Сто моих человек полегло в этой дыре!

— Ваша светлость, донесение гласит, что сработал древний артефакт. Невероятной мощи. Он испепелил около семидесяти наших воинов разом. И этот артефакт был у барона.

Маркиз окончательно успокоился. Он медленно подошел к столику, налил себе наливочки, выпил и ледяным тоном резюмировал:

— Капитан, мне нужен этот артефакт. Вы свободны.

Капитан отвесил низкий поклон: — Слушаюсь, ваша светлость.

Маркиз не спеша подошёл к тяжёлому резному шкафу красного дерева. Открыв дверцу, он бережно извлёк из неё свёрнутый в трубку пергамент и направился к столу. Это была подробнейшая карта Империи, испещрённая тонкими линиями дорог, изгибами рек и геральдическими символами баронств, герцогств и королевств.

Разгладив ладонями плотный пергамент, маркиз устремил взгляд на юго-восток. Там, отделённая от остальных земель жирной чёрной чертой, лежала обширная территория. На ней разместилось десять баронств, два герцогства и целых пять королевств. Это были его будущие земли.

Император задумал великое преобразование — разделить Империю на шесть провинций, подобно тому, как это делали древние властители. Число провинций было определено, но их точные границы и правители пока оставались тайной, известной лишь самому самодержцу. Однако маркизу уже было оказано высочайшее, пусть и пока негласное, доверие: он был назначен наместником этого юго-восточного края. Официально провинция ещё не получила имени, но для маркиза она уже была его землёй, его будущим владением.

Кто станет управлять соседними провинциями и где пройдут их рубежи, не знал никто. Император пообещал объявить об этом ровно через год. Но до этого срока маркизу предстояло решить одну щекотливую задачу: овладеть Баронством Хелдера.

По странному, почти мистическому стечению обстоятельств, именно эта узкая полоска земли — менее шестисот метров в длину — стала единственным проходом в Эльфийское королевство, зажатое со всех сторон неприступными горными грядами. А расположенный точно в центре этого коридора замок-крепость Вороний Камень был словно заноза, словно кость в горле — и для самого Императора, и

для маркиза.

Никто в свите не мог доподлинно объяснить, чем эльфы заслужили такую ненависть повелителя. Но однажды, в минуту откровенности, Император обронил фразу, которая теперь передавалась шёпотом:

— Наш мир велик империй много. Пусть убираются куда подальше.

Маркиз Доррин с холодным вниманием опытного хищника окинул взглядом земли, что уже скоро должны были стать его владениями. Взгляд его задержался на сияющих шпилях эльфийского королевства.

— Что императору понадобилось в их лесах? — мелькнула мысль, но он тут же отогнал её прочь. Пусть думает сам император. У меня свои счета.

Он перевел взгляд на мрачные башни замка, принадлежавшего нынешнему молодому барону. Воспоминания о былом успехе горькой усмешкой скривили его губы. Как легко и изящно был решен вопрос с отцом и старшим братцем! Достаточно было прибрать к рукам старост пяти-шести ключевых деревень — купить их с потрохами, пообещав золотые горы. А затем — перекрыть поток прибыли. Упадок пришел не мгновенно, но неумолимо, словно болотная трясина засасывала деревни в течение трех-четырех лет. А когда баронство обескровилось, оставалось лишь посадить барона и его старшего сына на игру. Только не в деревенские кости, а в салоны, где золото течет рекой и играют там сливки империи.

— Все шло по плану, — прошептал маркиз, сжимая кулаки. — Идеальный план.

Но появился этот щенок, младший сынок, и уничтожил годы кропотливой работы. Откуда у него столько золота, чтобы заткнуть все дыры и вернуть долги? Это тоже следовало бы выяснить, но уже потом, когда он будет стоять на коленях в пыли.

Маркиз прошелся по кабинету, уже мысленно перебирая нити будущего заговора. Месяц. У него есть месяц, чтобы собрать под свои знамена пятьсот верных клинков. Повод? Самый благородный, какой только можно придумать. На землях баронства бесследно исчезают люди. Среди пропавших — его собственный племянник. Этого достаточно, чтобы стереть проклятый замок с лица земли, не оставив камня на камне.

— А остальное... остальное станет моим по праву сильно-го, — закончил он мысль, и в глазах его вспыхнул хищный огонек удовлетворения.

Свиток перенёс меня на небольшую порталную площадку на окраине моего города. Площадка находилась рядом со старым храмом Светлых Богов. Само здание производило гнетущее впечатление — оно выглядело заброшенным, неухоженным, словно о нем забыли много лет назад.

— Непорядок — подумал я и, сойдя с порталного круга, направился к центральному входу.

Десять широких ступеней, ведущих к дверям, были акку-

ратно подметены — единственный признак жизни в этом за-
пустении. Сами двери, хоть и хранили на себе следы было-
го величия, выглядели обшарпанными и требовали срочного
обновления. Толкнув тяжелую створку, я вошел внутрь.

В храме царил полумрак. В глазах защипало от скудости
освещения — здесь экономили даже на простых свечах, не
говоря уже о магических светильниках. Вдоль стен на мас-
сивных постаментах стояли две мраморные скульптуры: бога
плодородия и бога войны. Рядом сиротливо пустовали еще
два пьедестала, предназначенных для кого-то третьего и чет-
вертого.

Мои шаги эхом разнеслись под сводами, и из тени за ко-
лонной появился служитель — сухой старик в потертой рясе.

— Здравствуй, путник, — голос его звучал устало, но при-
ветливо. — Давно у нас не было гостей. Прости за скром-
ность обители.

— Здравствуйте, — ответил я, окидывая взглядом пustu-
ющие ниши. — Скажи, почему здесь только два бога? Ведь
храм явно строился для четверых.

Старик тяжело вздохнул и подошел ближе.

— Эх, мил человек, так было с самого основания. На
остальных два изваяния средств не хватало. Всё, что соби-
раем, уходит на поддержание храма в более-менее сносном
состоянии. Крыша, стены, еда для нас, грешных... Вот и жи-
вим с двумя покровителями. Третьего и четвертого, видно,
уже и не дождемся.

Я слушал его и чувствовал, как внутри закипает глухое раздражение. Храм не должен выглядеть как нищий. Это место силы, место, куда люди приходят за верой и надеждой.

— Ждите, — твердо сказал я, прерывая его жалобы. — Я обещаю, что в скором времени эта проблема будет решена.

Старик непонимающе посмотрел на меня, открыл рот, чтобы что-то возразить, но я уже запустил руку в свою походную сумку. На свет появился тяжелый кожаный кошель, раздутый до отказа. Внутри приятно звякнуло золото — на глаз там было никак не меньше трех-четырех сотен монет.

Я протянул кошель ошарашенному служителю.

— Вот, возьмите. Здесь золото.

— Но... как же?... — старик нерешительно протянул руки, будто боясь обжечься. — Это всё нам? За что?

— Считайте это пожертвованием, для новых богов — я улыбнулся и положил тяжелый кошель ему в ладони

— Ими станут Элориан и Морвен.

Служитель замялся, с опаской глядя на меня.

— Господин мой, а вы... вы точно уверены?

Я усмехнулся:

— Ваше имя?

— Отец Бруно.

— Так запомните, отец Бруно: перед вами барон Кейл Хелдер. И я привык отвечать за свои слова. Я уверен. И обещаю: отныне нужда обойдет ваш храм стороной.

Кошель тяжело лег в его дрожащие ладони. Он прижал

его к груди, и в этот миг его глаза наконец-то вспыхнули — не страхом, не отчаянием, а самой настоящей, теплой надеждой.

Покинув сумрачную прохладу храма, я оказался на узкой, кривой улочке, залитой полуденным зноем. Раскаленный воздух дрожал над булыжной мостовой. К счастью, мое одиночество длилось недолго — из-за поворота, гроыхая колесами по колдобинам, показалась потрепанная повозка. Я властно поднял руку, останавливая ее.

— На площадь, к префектуре, — бросил я вознице, уже заноса ногу на подножку.

Хуман, сидевший на козлах, был похож на сморщенный гриб. Он зябко повел плечами, втянул голову так, что она почти скрылась между лопатками, и пробормотал, не глядя мне в глаза:

— Уважаемый, это будет стоить вам... один серебряный.

Последние слова он и вовсе прошептал, прекрасно понимая, что дерет с меня втридорога за эту короткую поездку.

— Ладно, ладно, — остановил я его, жестом велев трогать. — Едем, уплачу. — Помолчав, я добавил с укоризной: — Неужели так припекло, что пытаешься обмануть незнакомого человека? Или у вас тут такие порядки?

Глава 11

Мужичонка вжал голову в плечи еще сильнее, отчего его спина стала нелепо горбатой, и он сделался похож на старую черепаху, высунувшую нос из панциря.

— Дык, ваша милость, — зачастил он приглушенно, но с горечью, — я же из Северной части города. У нас там житья совсем нет. Эти... орки, чтоб им пусто было, они там сейчас единственная власть. Всех, кто работать может, оброком обложили. Раз в неделю дерут пятнадцать частей из сотни, но меньше десяти медяков с носа не берут. Их главный шаман похвалялся, мол, половину этого они нашему бургомистру относят, а тот им взамен разрешил творить что вздумается.

Я нахмурился, чувствуя, как внутри закипает глухая ярость.

— Да как же так? — спросил я, хотя ответ уже догадывался. — А патрули? Порядок на улицах кто блюсти должен? На что наемников наняли?

— А очень просто, ваша милость, — мужичок нервно дернул вожжами, подгоняя лошадь, словно спешил выговориться. — Бургомистр на патрули своих людей поставил. Они в наш район просто не заходят. А если и сунутся, так защиты от них не жди, только хуже будет.

— Ну а сами то не пробовали отбиться?

— Да как же, пробовали, да только не вышло, у них толь-

ко молодые крепкие орки словно воины, и шаман злющий все грозитя порчу наслать. А еще они совсем недавно отравили всех своих женщин обратно в степь, теперь вообще страшно стало.

Я скрипнул зубами так, что желваки заходили на скулах. Сейчас я на месте все проверю. И если это окажется правдой — с бургомистром у меня будет короткий, но очень жесткий разговор.

Всю оставшуюся дорогу мы провели в молчании. Я ментально призвал разведчика-элементалю и поставил ему задачу: обследовать северную часть города и определить точное количество орков, обосновавшихся в моих владениях.

Новость о моем прибытии, словно степной пожар, охватила Рилс еще до того, как я ступил на центральную площадь. Подходя к ратуше, я уже видел это: людское море, бурлящее, беспокойное, полное сдерживаемой ярости и тревожного гула. Меня узнали. Толпа, только что жившая своей жизнью, замерла, втянув головы в плечи. Передо мной, словно по мановению руки, образовался живой коридор, ведущий к высоким дверям ратуши. Я чувствовал спиной их взгляды — выжидающие, недоверчивые, колючие.

У самой двери, мрачной и неподвижной стеной, стояла пятерка наемников, из числа тех, которых я вчера отобрал в гильдии и уже успел принять в клан. Их руки спокойно лежали на рукоятках оружия.

— Что здесь происходит? — тихо, но так, что меня услы-

шали только бойцы, спросил я, подойдя к ним.

Старший группы, здоровяк с суровым лицом, заметно помялся, бросил быстрый взгляд на толпу за моей спиной и негромко ответил:

— Бургомистр перегнул палку, господин барон. Снова налоги поднял, люди и так еле сводят концы с концами. А теперь еще и оркам разрешил селиться в городе уже в восточной части. Народ боится, что их вытеснят из собственных домов.

Я понимающе кивнул и вышел вперед, на самую верхнюю ступень. Поднял руку, призывая к молчанию, хотя площадь и так затаила дыхание.

— Жители Рилса! — мой голос прозвучал звонко и уверенно в этой неестественной тишине. — Я барон Кейл Хелдер. Я здесь всего день и не успел еще вникнуть во все ваши беды. Но я здесь, перед вами, и не прячусь за стенами. Даю вам слово дворянина: завтра, ровно в это же время, я выйду к вам и дам ответы на все, что вас гложет. А сейчас прошу вас — идите с миром. Мне нужно работать, чтобы завтрашний день принес нам решение, а не новые вопросы.

Повисла пауза. А затем людское море медленно, но верно начало расходиться, унося с собой напряжение этого утра.

Шум на площади стих, народ наконец-то разошелся по домам, унося с собой любопытство и страх. Я дождался тишины и только тогда повернулся к воину, ожидавшему моих распоряжений.

— Старший, — мой голос не терпел возражений. — Ты идешь со мной. Двое — остаются на посту здесь. Двое — бе-гом в гильдию наемников. Скажешь: готовить стандартный договор на дополнительное патрулирование. Забираем всех, кто есть в казармах. Через час я буду там и лично все улажу с оплатой.

Короткий кивок, и приказы начали исполняться. Бойца, что должен был следовать за мной, я отправил с поручением в другое место.

— Ступай к начальнику тюрьмы. Приведешь ко мне заместителя бургомистра, того самого, что осужден за клевету. Только сначала пусть сначала приведет себя в порядок, если нужно подлечишь его.

Я отдал наёмнику амулет «Малое исцеление» — Всё иди.

Проводив гонца взглядом, я поднялся на второй этаж ра-туши. К двери кабинета бургомистра вел длинный коридор, охраняемый так, словно там заседал совет королей. У входа, поигрывая желваками, стояли двое матерых орков. Их руки покоились на рукоятках секир.

Пока я шёл по коридору, коротко просканировал разумы обоих орков-стражников. Их девственно чистые сознания не выдали ничего, кроме трёх извечных желаний: нажраться от-борной браги, поглазеть на пляски красавиц орчанок и, ко-нечно, хорошенько пограбить караваны. Впервые применив на практике навык Милены по псионике, я без труда подчи-нил их своей воле.

Орки послушно, словно заводные игрушки, опустили свои секиры на пол. Затем, замерев по бокам от двери, они согнулись в низком, почтительном поклоне и с тихим скрипом распахнули передо мной тяжёлые створки.

Я переступил порог кабинета бургомистра. Хозяин кабинета, с самодовольной улыбкой на лице, как раз в этот момент сосредоточенно наливал вино в кубок из литрового серебряного кувшина. Он сидел лицом ко входу, а по другую сторону стола, ко мне спиной, находился шаман. Я опознал его по одежде: грубые шкуры, увешанные побрякушками, пучки перьев, ожерелье из звериных клыков и копна нечесанных, спутанных волос.

Увидев меня, бургомистр замер с открытым ртом. Кувшин в его руке дрогнул, и рубиновое вино, перелившись через край полного кубка, залило полированную столешницу. Шаман, почувствовав неладное, резко развернулся. В ту же секунду я ощутил ментальный толчок — он попытался взять мой разум под контроль. Тщетно. Перед тем как войти, я предусмотрительно активировал универсальную защиту.

Судя по силе импульса, шаман тянул на мага третьего, от силы четвёртого уровня. Возможно, в бескрайних степях, откуда он явился, такая мощь считалась вершиной мастерства, но против меня его потуги были просто жалкими. Я легко отразил атаку и, не давая опомниться, обездвижил противника ментальным захватом. Затем без труда проник в его сознание.

Пролистывая историю его жизни, как книгу, и мгновенно отмечая ключевые моменты, я усмехнулся.

— Ну что, Тарган «Говорящий с ветром» — мой голос громко прозвучал в тишине кабинета. — Хочешь жить?

— Клугер, прекрати лить вино на пол! — рявкнул я, резко обернувшись к бургомистру. — А ты, Шаман, освободи кресло для барона.

Шаман даже не шелохнулся, лишь впился в меня взглядом, полным ледяного ужаса. Я усмехнулся, театрально хлопнул себя ладонью по лбу, будто бы вспоминая нечто важное.

— Ах, что же я запамятовал! Ты ведь и встать не можешь — протянул я с притворным сожалением. — Ну, ничего. Сейчас ты встанешь, отойдешь в угол и будешь молча слушать.

Я снял паралич с нижней части его тела. Шаман не веря в свое спасение, тяжело поднялся. Каждый шаг давался ему с неимоверным трудом — ноги слушались плохо, двигались скованно, словно деревянные протезы. Издав приглушенный стон, он доковылял до угла кабинета и вжался в него спиной, не сводя с меня настороженного взгляда.

Я отодвинул кресло к стене, освобождая обзор. Теперь мне были видны и стол, возле которого стоял Клугер, и угол, где, опершись плечом о стену, замер Шаман. Бургомистр, во-друзив на стол кувшин с вином, уже собрался сесть, но мой тихий голос остановил его:

— Клугер, а кто давал тебе право садиться в присутствии барона?

Тот сразу сник, словно из него выпустили воздух. Затравленно оглянувшись — сначала на меня, потом на парализованного Шамана в углу, — он так и застыл в нерешительности, замерев в ожидании дальнейших распоряжений.

Я откинулся в кресле и, не спеша, положил ногу на ногу, наблюдая за его реакцией.

— Итак, давай я расскажу твою историю. Ты прибыл в этот город пять лет назад. С собой у тебя было письмо от маркиза Доррина, где он рекомендовал тебя как толкового хозяйственника и просил моего отца присмотреться к тебе. Если понравишься — найти работу. Так?

Клугер молча кивнул, и я продолжил:

— Ты показал себя с лучшей стороны. За первый же год наладил идеальный учёт и сбор налогов. Отец оценил это и назначил тебя бургомистром. Всё верно?

— Всё верно, — глухо подтвердил Клугер, нервно потерев подбородок.

— Прекрасно. Твоим заданием от маркиза было занять высокий пост и, как первоочередную задачу, свести к минимуму приём продукции из деревень на наши склады. А ту продукцию, которая все-таки попадала на склад долго лежала, теряя товарный вид и в итоге её продавали за бесценок, а баронство теряло прибыль. И ты с этим справился блестяще. Я ничего не упустил?

В его глазах плескался такой неподдельный ужас, что сомнений не оставалось.

— Но... Откуда? — выдохнул он, сдавая себя с потрохами.
— Откуда вы всё это знаете?

— Уверяю вас, Клугер, это было нетрудно, — мои губы тронула холодная усмешка.

Сделав паузу, я перевёл взгляд на Шамана, который буквально вжался в стену под моим взглядом.

— Однако история не заканчивается. Полгода назад к тебе явился новый гонец от всё того же маркиза. С новыми инструкциями. Видимо, процесс разорения баронства казался Доррину слишком медленным. Он решил ускорить события и начал подготовку к бунту в городе. А для верности решил задействовать орков. Тебе, Клугер, отводилась скромная, но важная роль: дать разрешение нескольким десяткам семей орков поселиться в северной части города. Просто пустить их, обеспечить легальность. Остальное они сделают сами. Я правильно излагаю?

В комнате стало тихо.

— Я скажу сейчас, что вас ждет. Но выбор, останется за вами.

Начну с тебя, шаман, и с твоего народа.

— Сейчас ты можешь уйти мирно. Забирай свою охрану и уходите. Срок — до вечера. Верните все, что взяли у жителей. Соберите свои пожитки и возвращайтесь в клан. Еще один день я даю тебе на то, чтобы убедить вождя увести клан

из этих степей. Скажешь ему, что духи предков прокляли эту землю, или придумай что-то другое, мне всё равно.

Но если ты не выполнишь мою просьбу, я накажу и тебя, и весь твой клан. А чтобы ты не сомневался в моих словах, посмотри, что тебя ждет. Я показал фрагмент из своей памяти — тот момент, когда суккуба Роксана просила меня отдать ей душу синего Джина, чтобы переправить её в алтарь душ своему отцу, в четвертый Нижний предел.

Шаман побелел, когда увидел, как душа Джина — серым, бесформенным сгустком — на миг зависла над бездыханным телом, а затем, пронзив воздух леденящим криком ужаса, исчезла в вышине. Орк, чей взгляд метался в безумии, пытался что-то сказать, но я уже снимал заклятье паралича. В наступившей тишине раздался лишь его прерывистый, хриплый вдох.

— Пощади, господин, — разнесся тихий, но отчетливый голос шамана, склонившегося в низком поклоне. — Всё исполню, как приказал.

Я молча указал ему на дверь. У открытого проема, словно каменные изваяния, застыли орки-охранники. Они преданно смотрели на меня, готовые исполнить любой приказ. Похоже, я слегка переборщил с заклинанием подчинения — в следующий раз вложу меньше силы. Шаман, не смея повернуться ко мне спиной, пятясь, вышел из кабинета.

Дождавшись, когда я остался наедине с бургомистром, сказал:

— С тобой, Клугер, всё проще. Я даю тебе время до заката и разрешаю взять одну повозку. Забираешь семью и всё, что в неё поместится. Кроме золота, естественно. И отбываешь в дальнюю деревню — Луговую. Ту самую, которую ты разорил первой.

Будешь там старостой. А прежнего старосту переведёшь в конюхи. Даю тебе три месяца и, если не увижу результатов твоих трудов — горько пожалеешь. Если же исправишь всё, что натворил, — отработаешь пять лет и можешь убираться из баронства на все четыре стороны.

Клугер открыл рот, собираясь что-то возразить или оправдаться, но я не дал ему и слова вымолвить.

— Ты и так получил от меня больше, чем заслуживаешь, — отрезал я, глядя ему прямо в глаза. — Не забывай, если бы отец узнал о твоих проделках, ты бы уже давно не стоял здесь, а работал в рудниках.

Эти слова подкосили его. Бургомистр словно сдулся: плечи его поникли, а лицо в одно мгновение осунулось и покрылось сетью глубоких морщин. Он медленно, как старик, поплёлся к двери. Рука его уже коснулась дверной ручки, когда мой голос настиг его у порога:

— Постой. — Он застыл, боясь обернуться. — Сейчас возьмешь все золото в банке. У северных ворот будет ждать капитан наемников. Отдашь ему лично в руки перед своим выездом из города. Ступай.

Оставшись один, я погрузился в размышления, пытаюсь

выстроить план действий в этом водовороте неотложных дел. Список был огромен, и первым пунктом в нем значилась активация давно ожидающего своего часа обучающего свитка «Полной регенерации». Затем следовало спуститься в четвертый нижний предел, выполнить поручение Высшего лица Арса, там же договориться с Роксаной о взаимовыгодной сделке — моим сущностям уже скоро потребуются подходящие тела, а Роксане суккубе души злодеев и мерзавцев, которые она помещает в алтарь душ.

Однако на сегодняшний день приоритеты были иными. Я наметил визит в гильдию наемников, чтобы оплатить недельный найм всех доступных воинов. Эта мера была необходима для зачистки северной части города, которая кишела орками. И если после обеда мне доставят все заказанные по эскизам механизмы и детали, я планировал приступить к сборке безлошадной повозки и, что более важно, оружия, способного нейтрализовать магов.

Заперев дверь кабинета на магический замок, я покинул ратушу. На площади передо мной предстал отряд наёмников — ровно сотня клинков, застывшая в ожидании. Глава гильдии, подойдя с докладом, подтвердил готовность к патрулированию северного района. Получив от меня исчерпывающие распоряжения, он развернулся к строю и коротко командовал выдвижение.

Маркиз Дорин и его свита въехали в распахнутые кованые ворота Императорского дворца. Цокот копыт гулким

эхом разнесся по белоснежному мрамору широкой площади, прежде чем процессия замерла у подножия высокой лестницы.

— Тёмные боги, — подумал про себя маркиз, сдерживая желание поморщиться, — как же я ненавижу добираться порталами. Будто все внутренности переворачиваются. Нет чтобы спокойно доехать в карете, наслаждаясь природой... Что за спешка? Зачем я понадобился императору так срочно? Неужели он уже узнал о моём провале с замком Вороний Камень?

Отбросив мрачные мысли, Дорин поправил перевязь с мечом и начал подниматься по ступеням, ведущим в приёмный зал.

Император Лекс III встретил его не на троне, а у высокого стрельчатого окна, откуда открывался вид на столицу. Тонкие полуденные лучи отражались на полу светлыми бликами, но лицо правителя оставалось в тени.

— Подойди, Доррин, — голос императора звучал ровно, но в нём чувствовалось напряжение.

Маркиз преклонил колено, но Лекс взмахом руки приказал подняться.

— Оставь церемонии. То, что я скажу, важнее этикета. Мне нужно, чтобы ты форсировал события в приграничье. Пора прибрать к рукам баронство Хелдеров окончательно. Мне нужен беспрепятственный доступ к эльфийским лесам. Дорин внутренне напрягся. Провал с Вороньим Камнем

явно ещё не был известен, иначе разговор был бы иным. Но приказ касался Хелдеров — лакомого куска на границе с Эльфами.

Глава 12

— Ваше Величество, — осторожно начал маркиз, — но прямые боевые действия против баронов... Это может настроить против нас Север. Осмелюсь спросить, что заставило вас пойти на такой шаг именно сейчас? Лес эльфов стоял века, почему он так внезапно стал необходим Империи?

Император Лекс пристально посмотрел на него, словно оценивая, достоин ли тот услышать правду. Затем, приняв решение, он отошёл от окна и жестом пригласил маркиза следовать за ним в малую приёмную, плотно затворив тяжёлые двери произнес заклинание «Полог тишины»

— То, что я скажу, не должно покинуть этих стен, — начал Лекс, понизив голос. — Ты думаешь, эльфы — просто досадная помеха на границе? Дикари с луками? Нет. В их землях скрыта тайна, гораздо более древняя, чем наша Империя. Видишь ли, наземные эльфы, которых мы знаем, эти гордые лучники — всего лишь стражи. Они охраняют вход.

Лекс сделал паузу, давая словам улечься в сознании маркиза.

— В недрах их священной рощи, есть две тайные пещеры. Их не найти без помощи эльфийских проводников. И в этих пещерах сокрыты порталы.

— Порталы? — невольно выдохнул Доррин. — Но куда, Ваше Величество? В подземные чертоги гномов? В иные ми-

ры?

— В миры, которые мы потеряли, — голос императора стал тише, но в нём зазвенел металл. — Первый портал ведёт в долину Забытых Садов. Это место за пределами нашего понимания. Говорят, там растут кристаллы чистой маны, которые сами источают энергию. Плоды тамошних деревьев исцеляют любые раны и продлевают жизнь на столетия. Представь, Доррин, армию, которая не знает болезней, и магов, чья сила не иссякает. Это было бы началом новой эры для Империи.

Маркиз стоял, потрясённый открывшейся картиной. Но Лекс ещё не закончил.

— Второй портал... он ведёт в нечто более опасное и ценное одновременно. Он открывается в Залы Угасших Звёзд. Это гигантский подземный комплекс, созданный, как считают учёные мужи, цивилизацией, что правила здесь ещё до появления эльфов и людей. Там хранятся не магические безделушки, а истинное знание. Библиотеки. Чертежи летающих кораблей. Формулы управления временем. Оружие, способное испепелить горы и континенты.

Доррин почувствовал, как пересохло в горле. Охота за баронством Хелдеров внезапно перестала быть мелкой пограничной склокой. На кону стояло само будущее.

— Вот почему нам нужен этот лес, — заключил император, в упор глядя на маркиза. — Эльфы заперли эти сокровища, боясь, что знание попадёт не в те руки. Но я считаю,

что настало время человечества взять то, что принадлежит ему по праву наследников этой земли. Так что забудь о своих мелких неудачах на границе, Доррин. Сосредоточься на бароне. Пусть он либо присягнёт мне, либо падёт. Мне всё равно что ты будешь делать, но проход в Лес должен быть открыт до первого снега.

Император пристально посмотрел на маркиза и спросил: — Тебе всё понятно, племянник?

— Да, дядюшка, — с почтением ответил маркиз Доррин. — Я во что бы то ни стало постараюсь его уничтожить. Слишком много хлопот он мне доставил.

Серый мох мягко пружинил под ногами, заглушая шаги.

Мэриэль нашла отца на деревянном настиле старой сторожевой башни. Талáган, вождь клана Белой рыси, смотрел на закат. Его длинные серебристые волосы развевались на ветру, а в глазах застыла та особенная печаль, которая появляется у эльфов, когда приходится принимать некрасивые решения.

— Отец, — голос Мэриэль прозвучал резче, чем ей хотелось.

— Это правда? Король Тирион согласился?

Талáган молчал, глядя вдаль.

— Империя наступает, дочь. Тирион не хочет, чтобы кровь оросила корни леса. Он зовёт нас уйти. Обещает кров на своих землях.

— Кров? — Голос Мэриэль дрогнул от гнева. Она шаг-

нула вперёд, занимая место рядом с отцом. — Он зовёт нас преклонить колени в его цветущих садах и смотреть, как топоры чужаков валят наши священные рощи? Отец, очнись! Император проглотит баронство Хелдеров, запрет для нас все пути в Империю, а через год вернётся, чтобы накинуть нам петлю на шею. Тирион стар, он видит мир в книгах о подвигах, а не в блеске вражеских мечей!

— Мэриэль! — Талаган нахмурился, но в его голосе не было гнева, только усталость. — Тирион — наш король. Он верит, что сохранение жизней важнее земли.

— А я верю, что земля и есть жизнь! — Она схватила отца за рукав, разворачивая к себе. В её фиалковых глазах горел лихорадочный огонь. — У меня есть план. Другой план.

Вождь удивлённо приподнял бровь.

— Говори.

Мэриэль глубоко вздохнула, собираясь с мыслями. Внизу, в посёлке, зажигались первые светляки в фонарях, и их мягкое сияние отражалось в её решительном лице.

— Я была в Келси, там встретила с бароном Кейлом Хелдером.

— Мальчишка, который получил надел от отца? — скептически хмыкнул Талаган.

— Мальчишка, который ненавидит Императора сильнее, чем мы, — парировала Мэриэль. — Его отец погиб, и здесь, скорее всего, приложил руки маркиз. Кейл — барон, баронство земли которого — между нашим Великим лесом и им-

перией. Маркиз получил приказ от императора захватить земли барона под любым предлогом, а затем — наши. Кейл ищет союзников, отец. Он отчаянный и умный.

Талаган молчал, но Мэриэль видела, что он слушает.

— Это не всё. Через Кейла я вышла на связь с кланом Ингмара Каменный кулак.

При упоминании имени вождя северян Талаган вздрогнул.

— Северяне? Эти дикари, что пьют кровь врагов и молятся камням?

— Эти «дикари» контролируют северные перевалы и имеют десять тысяч воинов, — отрезала Мэриэль. — Ингмару плевать на Императора, но он терпеть не может его наместников, которые пытаются обобрать его людей. Он хочет торговать лесом и рудой, но ему перекрывают пути.

Вождь Белой Рыси подошёл к бойнице башни.

— Ты предлагаешь союз с хуманами? С северянами, которые сожгли не один эльфийский форт в древности?

— Я предлагаю союз с соседями против общего врага, — твёрдо сказала Мэриэль. — Забудь про древность, отец! Империя у ворот. Кейл Хеллер даст нам свою крепость и зерно. Ингмар даст воинов, которые умеют воевать. А мы дадим им нашу магию леса и знание троп. Вместе мы создадим стену. Непроходимую стену.

Тишину нарушал лишь шелест листвы внизу. Талаган смотрел на дочь так, словно видел её впервые. Перед ним

стояла не просто принцесса клана, а стратег.

— Ты понимаешь, что это мятеж против воли короля? — тихо спросил он. — Тирион сочтёт нас предателями.

— А я сочту его слепцом, который ведёт наш народ в резервацию, — Мэриэль покачала головой. — Я не хочу воевать с королём. Я хочу, чтобы, он понял: есть другой путь.

Она подошла к отцу и положила ладонь на его руку, сжимающую посох мага.

— Если мы рискнём у нас будет свой союз.

Ветер стих, и в наступившей тишине было слышно, как где-то далеко в лесу заухал филин. Талаган перевёл взгляд с сумеречного неба на решительное лицо дочери.

— Этот Кейл Хелдер... Он хотя бы понимает, с кем связывается? — в голосе вождя проскользнули нотки былой гордости.

Мэриэль позволила себе лёгкую, едва заметную улыбку.

— Он понимает, что либо мы станем сильнейшим союзом в этой части мира, либо нас всех сметут. Он молод, отец, но он видит дальше короля Тириона.

Талаган долго смотрел на горизонт, за которым уже зажглись первые звёзды. Наконец он кивнул, и этот кивок был тяжелее любого приказа.

— Хорошо, Мэриэль, зови своего барона. — В голосе отца послышалась усмешка. — И знаешь, если бы ты не была моей дочерью, и я не знал тебя столько лет, я бы поклялся, что ты влюблена в этого хумана.

На скулах эльфийки вспыхнул лёгкий румянец. Встретив взгляд отца, она тихо, но твёрдо ответила:

— Я ещё и сама не разобралась в своих чувствах к Кейлу. Однако одно несомненно: с нашей последней встречи он сильно изменился. В нём чувствуется настоящая сила.

Пока я неторопливо возвращался в усадьбу, разведчик-элементаль передал картину происходящего в северной части города. Патрули наёмников уже плотно блокировали все входы и выходы. Шамана, судя по всему, перспектива уготованной участи привела в ужас: он приказал свернуть лагерь. Около полусотни воинов слаженно и быстро собирали снаряжение, готовясь покинуть город.

Пройдя по усадьбе, я с удивлением обнаружил оживлённое движение. Старый Вайлз, которого я сделал управляющим, уже набрал слуг и нагрузил их работой уже спешил ко мне:

— Хозяин, ваше задание выполнено. Почти все слуги наняты и находятся на своих местах. Какие будут приказания?

— Я иду в кабинет, — ответил я. — Как только придут северяне — немедленно оповести меня.

Я поднялся в свой кабинет, сел в кресло и активировал карту нашего мира, приблизив ту часть империи, где находится моё баронство. Приблизив участок, где располагалось моё баронство, я приступил к осмотру владений. Начал с замка, максимально увеличив его изображение, а затем принялся изучать прилегающие территории.

При максимальном увеличении на нейтральных землях, разделяющих мой домен и владения эльфийского клана «Белая рысь», я отчётливо увидел знак портала. На карте он был отмечен в районе большого Кургана. Эта нейтральная полоса шириной около километра служила естественной границей между Великим Лесом эльфов и моими землями. Деревья здесь тоже росли, но по сравнению с исполинами по ту сторону границы выглядели просто карликами, хотя многие из них достигали двадцати метров в высоту.

Максимально приблизив тот участок, самый узкий, который словно горлышко от реторты суживался, практически перекрывая выход (в данном случае из эльфийского королевства в моё баронство), на карте в этом самом узком месте величаво стоял мой замок-крепость Вороний Камень. И если возвести стены от замка до крутых горных скал по обе стороны от него, то несколько сотен воинов смогут удержать в этом месте многотысячную армию. Что же, пришло время создать строительного голема-монстра для возведения крепостной стены.

Задумчиво глядя на карту, я снова вернулся к мысли о портале. Теперь сомнений не осталось — нужно обязательно посетить то место и заняться раскопками. Судя по всему, он скрыт глубоко под землей

Но если с порталом всё более или менее ясно, то судьба моего домена вызывает куда больше тревог. Взгляд сам собой скользнул по очертаниям моих земель, и ситуация пред-

стала передо мной во всей своей пугающей ясности.

Мой замок Вороний Камень стоит в самом сердце домена, в его самой узкой части. Он словно гигантский клин, разделяющий мои владения на две неравные половины. Восточная часть граничит с землями маркиза Доррина и отчасти — с территориями степных орков. Там, всего в сорока километрах от границы, раскинулся город Рилс, а вокруг него — ещё шесть деревень.

Западная же часть полностью соприкасается с землями эльфов. Там находится второй мой город и оставшиеся девять деревень.

Анализируя расклады на карте, я пришёл к неутешительному выводу: жителей деревень, что соседствуют с маркизом, придётся срочно эвакуировать в западную часть домена. Город Рилс нужно максимально укрепить, создать там неприступную крепость и запастись провизией минимум на шесть месяцев. И на всё это у меня почти не осталось времени.

Я прекрасно понимаю: если не удержу этот участок, ключом к которому служит мой замок, баронство просто сотрут с лица земли. Маркиз не остановится ни перед чем.

Тревожили меня и недавние разговоры с Мэриэль. Её настоятельное желание, чтобы я присутствовал на переговорах с королём эльфов, говорило о многом. Судя по всему, король не горит желанием воевать с Империей и готов пойти на уступки. А это значит лишь одно — в ближайшее время

помощи от эльфов ждать не стоит. Придётся рассчитывать только на себя.

Значит, нужно действовать безотлагательно. Капитально укрепить замок, возвести мощные стены — то, о чём я думал и раньше, теперь становилось не просто планом, а вопросом выживания. Вороньему Камню предстояло стать последним бастионом, который либо выстоит, либо падёт, увлекая за собой всё, что мне дорого.

Стук в дверь оборвал нить моих размышлений. Слуга явился с докладом: северяне вернулись. Задание выполнено.

Я вышел во двор. Там уже разгружали подводу — ящики, доски, железо. Приказал разбить в саду большой шатер и всё снести туда. И тут же уперся взглядом в какого-то пацана, что крутился между грузом.

— А это кто? — спросил я.

— Кузнец ученика подогнал, — хмыкнул Торвин. — Самого толкового. Сказал, поможет, если что.

— Отправь его обратно, нечего ему здесь делать сами всё соберём.

Торвин с сомнением посмотрел на меня и выполнил приказ.

Через час мы собирали основу. Мы это я и два голема строителя под моим руководством в два счета сколотили платформу из легкого, но крепкого южного дерева, обили дно железными полосами. Как только последний гвоздь вбили, вскрыл ящики. Медные катушки с проволокой легли в

высверленные гнезда, как влитые. Соединив их в контур в каждую катушку, поместил по пять кристаллов Маны. Залил всё смолой желтого дерева, которая через двадцать минут превратится в монолит. Сверху, чтобы скрыть "начинку", настелил подготовленные доски и лично прибил из к платформе Торвин за пологом только головой покачал — виданное ли дело, чтобы барон сам доски прибивал?

Готово. Теперь главное — заставить это летать.

Для начала отошел подальше. Включил истинное зрение. Шесть катушек светились ровным фоном, кристаллы в центре пульсировали, контур гнал по земле под платформой слабый и непонятный поток магической энергии. Но платформа стояла мертво.

— Так не пойдет, Кейл — раздался в голове ментальный голос Милены, звонкий и безапелляционный. — Ты должен встать на нее. Только тогда сможешь управлять контурами ментально. Представь, куда хочешь двигаться, на какой высоте... Давай, пробуй потихоньку.

Я шагнул на платформу. Стоять на гладкой поверхности, когда держаться не за что неприятное ощущение.

— Вверх, — прошептал я, мысленно приказывая платформе оторваться от земли.

Она вздрогнула и плавно поплыла вверх. Я даже дышать перестал. Полметра над землей.

— Вперед.

Представил движение. Платформа тут же качнулась и

скользнула вперед ровно на метр, послушная моей воле, как хорошо выученный конь.

Выдохнул. Мысленно опустил её на землю. Ноги слегка подрагивали, но внутри разгорался азарт.

Пришло время для следующего этапа. Закончив с чертежом, я подозвал двух големов-строителей. Их каменные руки, способные крошить гранит, сейчас должны были превратиться в инструмент для тонкой работы. Я развернул перед ними эскиз будущей повозки.

— Чтобы каждый угол был выверен, — мой голос не терпел возражений. — Корпус глухой, деревянный, сколотить на совесть, ни единой щели. По бортам внутри — длинные, просторные лавки во всю длину. Окна сделайте узкие, как бойницы. Вход только сзади, с дверью на крепких петлях. А спереди, для возницы, прорежьте смотровую щель — длинную и узкую.

Големы склонили тяжелые головы над пергаментом, запоминая каждую линию. Эскиз был начертан подробно, и я потребовал точности, не допуская иной мысли, кроме как о безукоризненном исполнении.

Големы, нагруженные работой, остались в глубине шатра, а я подошел к одинокому ящику, призывно темневшему в стороне. Крышка подалась с легким скрипом, и тут же рядом вырос Торвин, сверкая глазами от переполнявшей его гордости.

Он говорил обстоятельно, словно заправский купец на яр-

марке, объясняя мне происхождение каждой вещи.

— Гляди! — Он с почтительной нежностью извлек длинную, изящно изогнутую деталь. — Приклад для арбалета с удлинённым корпусом. Из серебряного дуба! Самого прочного, что только растёт на нашем континенте.

Я взял тяжелое, отполированное дерево, чувствуя его скрытую силу. Тем временем Торвин уже выудил из ящика нечто более хитрое.

— А вот это просто разорение, — он покачал головой, протягивая мне длинную железную трубку с резьбой и пазами. — Механизм. Двадцать золотых, представляешь? Уму непостижимо, что в ней такого!

На подстеленную мешковину он высыпал горку мелких железных деталей — те звякнули глухо и тяжело.

—Смотри, каждую мелочь магией укрепили. Крепче камня. — Торвин выжидающе посмотрел на меня. — Но зачем тебе столько? Можно посмотреть, как собирать будешь?

— Конечно. Давай-ка всё на стол, — кивнул я, пододвигая к нам широкую столешницу наспех сколоченного верстака, стоявшего у самого полога.

Пока он выкладывал покупки, я мысленно уже сопоставлял их с чертежами, что сам же и составлял. Всё сходилось. Идеально. Пора было приниматься за работу. На столе передо мной лежали не просто детали — здесь, в пыльном шатре. Пора было начинать сборку. Оружие против магов ждать не любит.

Глава 13

Всё это время перед моими глазами незримо висели чертежи — их очертания словно были нарисованы в воздухе. Мои сущности, пока ещё бестелесные помощники, подсказывали, направляли, и спустя час кропотливой работы у меня в руках оказалось нечто, напоминающее оружие из одного из виденных мною миров. Невероятно упрощённое, лишённое изящества, но — действенное.

Самое удивительное открылось потом: мне не пришлось ничего подгонять или дорабатывать напильником. Мастера, трудившиеся каждый над своей деталью в полном неведении о замысле целиком, сотворили чудо. Резьба идеально совпадала, пазы плотно входили друг в друга, словно части единого живого организма. Великолепная, слаженная работа вслепую.

Наконец настал час испытаний. Оружие, которое я про себя окрестил «самострелом», покоилось у меня на коленях. Я бережно взялся за массивную медную заглушку в задней части железного корпуса, там, где к нему крепился ствол. С легким усилием отвернул её, открыв доступ в специальную камеру. Внутри, словно в гнезде, разместил два компонента: прозрачный кристалл накопитель магии и амулет «Воздушный кулак». Плотно закрутив крышку обратно, я перешёл к средней части. В круглое резьбовое отверстие, пред-

назначенное для подачи зарядов, я аккуратно вкрутил магазин на тридцать выстрелов. Для пробы я снарядил его простыми свинцовыми шариками, размером с голубиное яйцо.

— В будущем, — подумал я, — здесь будут магические заряды, но и свинец сойдёт для первого раза.

Мы вышли в сад. Торвин держался чуть поодаль, с неподдельным любопытством поглядывая на моё творение. Его взгляд, полный тревоги и предвкушения, то и дело возвращался к странному механизму в моих руках. Дойдя до самого дальнего угла, где старая, иссохшая яблоня давно ждала своего часа под сруб, я остановился и вскинул оружие.

Приклад плотно лёг в плечо. Левая рука уверенно обхватила удлинённый корпус, правая легла на рукоять, а палец нащупал спуск. Это был не столько крючок, сколько массивная спусковая скоба, но она должна была выполнить свою работу. Теория, которую мне поведали сущности, говорила: при нажатии скоба активирует амулет «Воздушный кулак», тот создаст сжатый воздух, и свинцовый шарик, уже лежащий в стволе, с чудовищной силой вылетит в цель. Но теория — ничто без практики.

Я прицелился в широкий ствол неплодоносящей яблони. Резкий, упругий толчок отдался в плечо, воздух резанул свист, и в тот же миг в дереве, словно по волшебству, расцвело сквозное отверстие размером с кулак. Я нажал снова. И снова. Три раза подряд, и три новые дыры зияли в коре, пробивая куски древесины. Торвин за моей спиной замер, не

в силах вымолвить ни слова, лишь провожая взглядом каждое новое отверстие. Старая яблоня жалобно скрипнула, накренилась и с глухим шорохом рухнула наземь, взметнув облако сухой листвы и пыли.

Торвин перевёл взгляд с поверженного дерева на оружие в моих руках. В его глазах читался суеверный ужас, смешанный с детским восторгом.

— Барон — голос его слегка дрогнул. — А мне... мне можно попробовать?

Улыбнувшись, я протянул ему самострел. Торвин принял его с благоговением, словно величайшую драгоценность. Я коротко объяснил, куда жать и как целиться. Спустя мгновение сад огласила новая очередь свиста и глухих ударов. Торвин, забыв о своём возрасте и положении, расстрелял весь магазин с азартом мальчишки, которому подарили самую желанную игрушку. От многострадального ствола яблони остался лишь жалкий, измочаленный пенёк, утыканный свинцом. Когда последний шарик ушёл в цель, Торвин обернулся ко мне. Его глаза сияли неподдельным, чистым счастьем.

Торвин медлил. «Самострел» — чудо инженерной мысли, магически укреплённый — лежал на его широких ладонях, словно дитя, которого он никак не решался лишиться. В его глазах, обычно холодных, как северные фьорды, сейчас плескалась такая гамма чувств, что я невольно вспомнил мальчишку, у которого отнимают любимую игрушку —

единственную отраду в целом свете.

— Барон, — голос его прозвучал хрипло, срываясь на полупшепот, словно он все еще надеялся на чудо. — На каких условиях я могу рассчитывать владеть этим... этим чудо-оружием?

Я мысленно усмехнулся, не выдав эмоций ни единой черточкой лица. В тишине сада слышался только стрекот сверчков в траве да задумчивый шелест яблоневых крон наверху.

— Всё просто, — ответил я, делая шаг вперед. — Мне нужна клятва. Вассального подчинения. Та же, что дал мне твой боец, Ларсен. Тот, которого я отправил на обучение в серые земли.

Торвин сжал оружие крепче, костяшки пальцев побелели.

— Скажу честно, лейтенант. Ты и твои бойцы мне полностью подходите. Я готов принять вас в клан. Решай.

Северянин замер статуей. Прошло пять долгих секунд, десять. В его голове явно шла борьба между гордостью свободного воина и открывающимися перспективами. Наконец, он выдохнул, шумно, словно после тяжелого удара, и его плечи, наконец, расслабились.

— Согласен, — отчеканил он, глядя мне прямо в глаза. — Давай свиток. Я прочту.

Я запустил руку в пространственную сумку и извлек тяжелый пергамент с магической печатью. Торвин развернул его прямо на прикладе арбалета. Его глаза, цепкие и въедливые, бегали по строкам, впитывая каждый пункт.

— Мне это подходит, — кивнул он наконец, и в его тоне проскользнуло неожиданное облегчение.

Голос его, когда он начал читать клятву, звучал ровно, как гул колокола. А когда последнее слово слетело с его губ, случилось то, что всегда завораживает меня в этом мире: пергамент вспыхнул не огнем, а россыпью серебряных искр, рассыпался прахом и исчез, скрепив договор высшей магией.

Торвин опустился на одно колено.

— Мой Лорд, — начал он, и в глазах была лишь сталь и преданность. — Мои люди... они тоже хотят вступить в твой клан. Мы давно всё обсудили. И поняли: лучшего лидера нам не найти.

Уже через час в моём кабинете, освещенном жарким пламенем камина, четверо суровых северян один за другим повторяли ритуал.

— Завтра снимаемся с лагеря. Сначала опросим старост, потом держим путь на Лидвуд, — мой второй город — объявил я северянам. — Полагаю, там нас ждет та же картина, что и здесь. Однако довольно о делах. После позднего обеда предлагаю устроить ходовые испытания моей новой повозки.

Я решительно откинул тяжелый полог шатра и вошёл внутрь в сопровождении пятерки северян. Перед нами возвышалась уже готовая платформа, а рядом, словно каменные изваяния, безмолвно застыли големы-строители. Беглый взгляд подтвердил: работа выполнена точно по моим чертежам. Довольно хмыкнув, я обошел конструкцию кругом, за-

тем забрался внутрь и жестом пригласил северян занять места.

Я прошел вперед и сел в деревянное кресло с высокой спинкой. Сиденье оказалось не самым удачным: спереди обзор оставлял желать лучшего, а по бокам не было вообще никакого.

— Надо будет доработать, — отметил я про себя. Убедившись, что все бойцы на местах, я плавно поднял платформу в воздух — на метр от земли — и начал движение.

Как только мы вылетели на открытое пространство, к широкой садовой дорожке, я дал небольшое ускорение. Меня вдавило в спинку кресла. Триста метров до главного здания усадьбы мы преодолели где-то за двадцать секунд. Резко затормозив прямо перед парадными ступенями, я опустил платформу и первым ступил на старую брусчатку.

Северяне, все как один, замерли в немом восторге. А когда платформа коснулась земли, они гурьбой повалили наружу, жадно глотая свежий воздух и переглядываясь с таким видом, будто стали свидетелями настоящего чуда. Судя по их благоговейным взглядам, мой авторитет только что взлетел на головокружительную высоту.

— Ну а теперь — полевое испытание, — изрёк я и жестом подозвал управляющего. Тот всё ещё стоял столбом, разинув рот в немом оцепенении, где страх мешался с благоговейным изумлением. — Нам нужна самая большая крытая повозка, — распорядился я. — Механизм следует погрузить и тща-

тельно укрыть от любопытных глаз.

Приказ был исполнен с поразительной скоростью: менее чем через полчаса гружёный фургон уже покидал пределы города, унося наше детище. Сопровождал меня отряд северян — людей, преданных и суровых, как скалы их родины. Светило клонилось к закату, оставляя нам в распоряжение около трёх часов светового дня. По моим прикидкам, этого времени должно было хватить.

Определить длительность хода маголёта в тот вечер не удалось. Более того, над местами, где располагались катушки с накопителями маны, вспыхнули полуметровые лучи чистой энергии, отчетливо видимые в истинном зрении. Это открытие перевернуло все представления: контуры не потребляли энергию, а, напротив, черпали ее из самого мира, пропитанного магическими волнами. Они превратились в неиссякаемые источники силы, и проблема дорогостоящей подзарядки кристаллов маны была решена раз и навсегда.

К северным воротам мы прибыли с небольшим опозданием. Ещё издали я заметил, что просторная площадь перед ними оцеплена плотным кольцом наёмников. Внутри живого кольца, прижимаясь друг к другу, стояла разномастная толпа орков — их удерживали, не давая выйти из города. В воздухе висело напряжение, которое, казалось, можно было резать ножом. Все чего-то ждали. Все ждали меня.

Спешившись, я двинулся сквозь расступившийся строй. Сапоги гулко стучали по булыжнику мостовой. Оказавшись

в центре, я встретился взглядом с орками, полным мрачной решимости. Мой взгляд выхватил из толпы фигуру шамана. Я сделал короткий, властный жест рукой, подзывая его.

Шаман, сопровождаемый двумя новыми телохранителями, которые нервно сжимали рукояти топоров, отделился от соплеменников. Он приблизился ко мне, и, к моему тайному удовлетворению, сделал то, чего от него никто не ожидал. Он не просто поклонился — он согнулся в низком, церемониальном поклоне, сложив руки на груди. По толпе орков прокатился изумленный ропот: их духовный лидер, шаман, кланялся хуману, как своему господину.

— Я всё сделаю так, как вы приказали, барон, — произнёс он, не поднимая головы. Голос его был тих, но отчётлив в повисшей тишине. Выпрямившись, он бросил быстрый взгляд на ворота, а затем снова на меня, вложив в свои слова всю доступную ему покорность: — Позвольте мне и моим людям выйти из города.

В тот момент, когда я уже собирался отдать приказ о выступлении орков, как толпа расступилась. Могучий воин, отеснив своих соплеменников, встал плечом к плечу с шаманом и, впившись в меня взглядом, полным лютой ненависти, проревел:

— Это перед кем же ты спину гнешь, уважаемый? — В его голосе звучала презрительная насмешка. — Да я этого щенка одним пальцем раздавлю!

Я не стал дослушивать его угрозы. Ледяной туман, вы-

рвавшийся из кончиков моих пальцев, мгновенно окутал воина, сковав его движения, будто невидимыми цепями из инея. В тот же миг тонкая магия псиона проникла в его сознание: она не атаковала, а мягко выстудила бушующую злобу, заменив её волной беззаботного веселья. Перемена произошла почти мгновенно — перед нами больше не стоял разъярённый орк, а стоял добродушный менестрель с рассеянным взглядом.

— Заберите его, — я указал рукой на преображённого воина, обращаясь к подоспевшим наёмникам. — И купите ему лютню. Не скупитесь — теперь это его единственное оружие. Через час чары ослабнут, и он придёт в себя. А теперь — бывайте.

Наемники мигом освободили проход, и молчаливая толпа орков, явно обрадованная такому исходу, хлынула прочь из города.

За воротами города орки нехотя строились в походную колонну. Кони, чуя настроение всадников, зло косили глазом и грызли удила, но хозяева лишь угрюмо прятали взгляды. Стыд и недоумение густой тучей висели над отрядом. Ещё бы: они уходили из небольшого городишки, не взяв даже пригоршни трофеев, да что там трофеев их с позором выгнали.

К шаману, что задумчиво сидел на своей худой старой кобыле, подъехал молодой орк в богатом, сверкающем новизной доспехе. Чеканные пластины сияли даже в тусклом све-

те уходящего солнца, выдавая в парне сына вождя, ещё не нюхавшего настоящей битвы.

— Уважаемый, Тарган — голос орка звенел от сдерживаемого гнева, — что с вами произошло? Почему вы так себя вели? Мне, нам всем было стыдно! Наши воины могли бы раскатать этот городишко в щепки за час! Почему не поступило приказов?

Шаман медленно повернул голову, и его старые, мудрые глаза с жалостью посмотрели на юнца.

— Ты ещё молод, Гррых — проскрипел шаман, поправляя посох. — Думаешь, я спину гнул и кланялся хуману? Барону? Глупый. Я кланялся могущественному колдуну. Это даже не маг. Это нечто иное. Нам не просто повезло, что он дал нам уйти из города. Нам чудовищно повезло. Он мог бы сделать с нами всё, что угодно. Превратить в рабов, в слизняков... или, — шаман поморщился, — сделать из нас бродячих лицедеев.

— Лицедеев? — не понял Гррых, но шаман уже махнул рукой.

— Не перебивай. Самое главное не это. Самое главное, что я теперь скажу твоему отцу, нашему вождю. Ведь его сын, твой старший брат...

Шаман замолчал и уставился в горизонт, будто пытаясь найти там ответ.

— Так что не так с братом? — Гррых осадил коня, чувствуя, как холодок пробежал по спине под дорогими доспе-

хами.

— Ну... как тебе сказать, — шаман замялся, нервно теребя бороду. — Он уже немножко стал не тем, кем был до похода в этот город.

— Барон сотворил с ним такое...

— Превратил его в бабу?! — изумлённо выдохнул Гррых, представив своего здоровенного брата с косичками и прочими женскими штучками.

Шаман сочувствующе посмотрел на него и тяжело вздохнул:

— Уж лучше бы в бабу.

Молодой орк не выдержал. Глаза его налились кровью, а рука непроизвольно схватилась за топор.

— Да не томи ты, старый! Что с моим братом?!

— Твой брат... — шаман обречённо опустил плечи, — теперь не воин. Он... менестрель.

Повисла тишина, нарушаемая лишь скрипом сёдел да фырканием лошадей. Гррых замер, переваривая услышанное. Слово «менестрель» никак не укладывалось в его голове, где обитали лишь «враг», «добыча» и «брага».

— Да лучше бы его сделали бабой! — наконец выдохнул он, и в голосе его звучала такая искренняя мука, будто он лишился всего на свете. — От бабы хоть какой-то толк есть!

Он схватился за голову, доспехи жалобно звякнули.

— Клянусь бездной, лучше бы бабой! Или собакой! Или жабой! Но менестрель?! Этих... которые с дудочками и

стишками?

Шаман молча кивнул, подтверждая самый страшный диагноз.

— Отрыжка дохлого осла, — выругался шаман, но тут же его старый ум заработал в практическом русле. — Ладно, что уж теперь. Думать надо, что делать. Может, подождём, пока замёрзнет? Или, — шаман понизил голос до заговорщического шёпота, — может, прикопаем его, где по-тихому, пока он не пришёл в себя, скажем вождю, что героически погиб в бою с тем колдуном? Так и честь семьи спасём, и слушать не придётся, как он... поёт.

Гррых испуганно отшатнулся.

— Я этого не слышал!

— А я этого не говорил, — покладисто согласился шаман. — Тебе показалось.

— Где он? — спросил молодой орк, с ужасом оглядываясь на колонну.

Шаман махнул рукой в хвост отряда, туда, где раздавались странные, заунывные звуки, подозрительно похожие на перебор струн.

Гррых прищурился и действительно разглядел вдали брата. Огромный орк в боевой броне сидел на лошади, но в лапах вместо топора держал какую-то деревянную штукину с натянутыми жилами и, судя по всему, что-то напевал. Другие воины шарахались от него, как от чумного.

— Может, барон ошибся? — с надрывом, спросил Гррых.

— Может, он сделал его просто... ну, не знаю... немым? Или глупым?

— Подождём, — философски заметил шаман, трогая поводья. — Вдруг и вправду ошибся. А пока... я тебе ничего не говорил.

И старый шаман, пряча в бороде ехидную усмешку, направил лошадь прочь, оставив Гррыха наедине с мыслью о том, что теперь на вечерних семейных посиделках вместо рассказов о славных битвах им, возможно, придётся слушать баллады о несчастной любви.

Ночная степь дышала прохладой и полынью. Отряд орков, устало гремя доспехами, возвращался в земли клана после позорного изгнания из города. Луна серебрила ковыль, и где-то далеко, вторя мерному топоту копыт, были степные шакалы. Вдруг тишину ночи разорвал звук, похожий на вой раненого вепря.

К шаману, сияя счастливой улыбкой, подъехал старший брат Гррыха. В своих ручищах он бережно, словно новорождённого детёныша, держал нечто странное. Это был примитивный степной инструмент: грубо выдолбленный деревянный корпус с растрескавшейся декой, и длинным грифом, на котором вместо струн были натянуты две жилы неизвестного происхождения.

— Какая прекрасная ночь! — провозгласил он, закатывая глаза к звёздам. — Я чувствую! Я сейчас напишу балладу! И назову её... «Тёмная ночь»! У меня даже появились первые

строки вот послушайте!

Тёмная ночь, только стрелы свистят по степи

Только кони бегут по траве, тускло звёзды сияют....

Гррых, ехавший впереди, медленно повернул голову к шаману, сидевшему на своей старой кляче. Орки обменялись взглядами, полными той глубокой, вселенской тоски, когда понимаешь, что боги тебя оставили. Шаман, позвякивая амулетами из костей, схватился за сердце и глухо застонал:

— О, святые духи предков... За что нам такое наказание? Ещё и на ночь глядя...

— Какой позор, — прошептал кто-то из отряда, пряча лицо в гриве скакуна.

Гррых сплюнул, перекосившись от отвращения, и мрачно процедил сквозь клыки:

— Гррум, брат. Где твой боевой топор? Тот, двуручный, заговорённый, которым ты в прошлой сече двоих гоблинов одним махом зарубил?

— А-а-а, — орк с инструментом беззаботно отмахнулся свободной рукой, — обменял я его на эту красоту!

Гррых осёкся. Ему показалось, что степь перестала дышать. Даже шакалы, и те замолкли, потрясённые услышанным.

— Ты... Обменял боевой топор, доставшийся нам от прадеда, который выкован из небесного железа, на это... это... — Гррых ткнул пальцем в сторону инструмента, подбирая слово, но, не найдя достаточно крепкого ругательства, про-

сто зарычал.

— Ага! — радостно подтвердил брат, не замечая наливающих кровью глаз сородичей. — Тот болван, наш походный конюх, которому я его отдал, явно продешевил! Представляешь, он думал, что топор стоит дороже какого-то «бренчащего ведра», как он его назвал. Ха! Он просто не понимает истинного искусства! — И орк счастливо рассмеялся, прижимая инструмент к груди, словно драгоценность. — Теперь я смогу писать свои баллады и исполнять их всем на радость!

В наступившей мёртвой тишине было слышно, как у шамана дёргается глаз, а несколько молодых орков с брезгливыми мордами остановили лошадей чтобы пропустить вперёд своего бывшего командира. Гррых же молча уставился в звёздное небо, моля духов о том, чтобы это оказался просто кошмарный сон после какой бывает после некачественной браги.

Глава 14

Утром, в сопровождении северян, я неторопливо направился к зданию ратуши. Несмотря на ранний час, площадь уже была заполнена народом. Здесь расположились наёмники, а чуть поодаль, судя по их настороженным и сосредоточенным лицам, стояли деревенские старосты в ожидании новостей.

Особняком держался мужчина средних лет, одетый в добротную одежду, какую обычно носят служащие ратуши. Он заметно нервничал, то и дело поправляя воротник и бросая тревожные взгляды в сторону городских ворот. Рядом с ним находился тот самый наёмник, которому я вчера поручил ответственное задание — освободить помощника бургомистра из тюрьмы.

Следующие два часа я провёл в тяжёлой, вязкой беседе со старостами. Из пятнадцати человек, которых ожидали к этому часу, явилось лишь двенадцать. Трое, каким-то образом пронюхав о внезапной проверке, предпочли скрыться, бросив свои семьи в деревнях на произвол судьбы. К полудню, после первых же расспросов, из двенадцати на месте осталось всего восемь. Те, кто не выдержал самого поверхностного испытания и чьи руки оказались нечисты на совесть, были немедленно отправлены обратно в свои деревни искупать вину физическим трудом — кому выпало пасти дере-

венское стадо, кому обтёсывать камни для церковной ограды, в зависимости от того, к какому ремеслу они были хоть сколько-нибудь пригодны.

Закончив с этой частью, я велел звать людей нового бургомистра. Сначала я говорил с его подчинёнными и лишь после этого в комнату пригласил, Колса Олдена. Беседа протекала трудно, пришлось уволить почти половину состава его канцелярии прямо на месте. Закончив, я дал бургомистру Олдону последнее указание: набрать недостающих служащих под его личную ответственность, пообещав, что спрос за каждого нового человека будет таким же строгим, как и за старых.

Уладив последние дела в ратуше, я вышел на крыльцо. Площадь гудела, словно разворошенный улей. Мое появление подействовало лучше любого колокола: толпа притихла. Я властно поднял руку, и тишина стала полной.

— Жители славного города! — мои слова разнеслись в напряженном воздухе. — С сегодняшнего дня у вас новый бургомистр.

Я жестом фокусника указал на Колса Олдена, и площадь взорвалась радостными криками.

— Налоги, — продолжил я, когда внимание снова вернулось ко мне, — будут снижены до уровня трехлетней давности. И, пожалуй, самое главное: орков больше в городе нет. Им у нас не приглянулось, и они решили вернуться в родные степи.

Секундная пауза сменилась взрывом радостного смеха и

одобрительных выкриков — моя шутка пришлась горожанам по душе. Дав толпе немного выпустить пар, я снова поднял руку, призывая к порядку.

— А теперь прошу вас освободить площадь и заняться своими делами. День, как говорится, к обеду.

Люди, всё ещё радостно переговариваясь и посмеиваясь, начали расходиться, и вскоре площадь опустела.

— Нам нужно собрать всех магов города. Поручи это кому-нибудь, — попросил я Торвина.

Приказ не заставил себя ждать: один из северян тотчас же быстрым шагом направился выполнять поручение.

— У нас есть около четырёх часов до выхода из города, — продолжил я, но, заметив недоумение на лице лейтенанта, пояснил: — К этому времени уже должен прибыть Ларсен.

— Мой лорд, — осторожно начал Торвин, — я полагал, вы шутили насчёт обучения моего бойца...

— Ларсен уже не твой боец, лейтенант. Он останется при мне. И это не шутка. Если честно, сам пока не знаю, кого из него там вылепили. Скоро увидим, — с этими словами я направился в сторону своей усадьбы.

После полудня я услышал шум и оживление в саду. Гул голосов и оживление доносились из сада, где обычно располагался лагерь северян. Я подошел к окну, но в этот момент в дверь требовательно постучали.

— Войдите, — отозвался я.

На пороге показался Торвин. Он молча кивнул, испраши-

вая позволения, и, шагнув внутрь, посторонился, пропуская Ларсена. Лейтенант замер у двери, а молодой северянин уверенно переступил порог. Вместо привычной неловкости в его движениях чувствовалась собранность. Ларсен подошел ко мне и, опустившись на одно колено, склонил голову.

— Мой лорд, — голос его звучал твердо и торжественно. — Ваше задание исполнено. Я прошел полный курс обучения у мастера Прайма.

— Поднимись, Ларсен, и проходи, присаживайся. И ты, Торвин, тоже не стой в дверях.

Тяжелая ткань дорожного плаща Ларсена бесшумно скользнула по резному подлокотнику, когда он опустился в кресло напротив меня. Торвин, всё ещё хмурясь, грузно сел рядом, и старое дерево жалобно скрипнуло под его весом.

Я выдержал паузу, давая им осмотреться, и перевёл взгляд на Ларсена. Северянин сидел прямо, с той особой, текучей неподвижностью, которая бывает только у хищников в засаде. Годы, проведённые за пределами нашего мира, наложили на его черты неуловимую печать — не шрамы, нет, а что-то более глубокое, спрятанное в самой манере держать голову и смотреть на собеседника. Взгляд его серых глаз был тяжёлым, цепким, словно он видел не меня, а пространство вокруг, оценивая углы, расстояние и возможные пути для атаки.

— Сколько там пробыл? — спросил я.

— Восемь лет, — голос его был коротким, как удар хлы-

ста, и лишённым интонаций.

— Сколько миров?

— Семь.

Семь. Он ответил так же сухо, будто речь шла о перечне провинций, которые он проехал верхом, а не о мирах, где само время течёт иначе. Я заметил, как дрогнули брови Торвина. Воин переводил взгляд с меня на Ларсена и обратно, чувствуя недосказанность, скрытый диалог, смысл которого ускользал от него. В его глазах читалось искреннее недоумение.

Я не стал ничего объяснять Торвину. Вместо этого я откинулся на спинку своего кресла и мысленно, осторожно, словно ощупывая тонкую паутину, потянулся к магическому контуру Ларсена. Просканировал характеристики, навыки, саму структуру его ауры.

То, что предстало моему внутреннему взору, заставило меня сдержанно улыбнуться. Мастер Прайм знал своё дело. Плетения силы, окутывавшие северянина, были плотными, чистыми. Он достиг уровня мага пятого круга по пяти магическим школам. Энергия потоков покорно текла в его каналах. Но это было лишь половиной картины. Параллельно с магией, в его теле и духе выковалась иная мощь. Я видел чёткую, кристаллизовавшуюся структуру боевых искусств: передо мной сидел не просто маг, а Гранд-мастер меча, достигший вершин в искусстве боя, и, что стало для меня полной неожиданностью, — искусный механик. В его сознании при-

чудливо переплелись тайны рун и логика зубчатых передач.

— Что ж, Ларсен, — мой голос нарушил тишину, прозвучав тепло и довольно. — Я ожидал многого, но то, что ты принёс с собой, превосходит все мои ожидания. Отличные результаты. Прими мои поздравления.

Я подался вперёд, упершись локтями в столешницу.

— С этого дня ты в моем личном подчинении.

Торвин крикнул, но промолчал, лишь с новым, оценивающим интересом уставился на своего бывшего бойца.

— А сейчас, — я поднялся из-за стола, — Пойдёмте в сад. Хочу посмотреть на твоё мастерство своими глазами. И не стесняйся, покажи всё, чему научился за эти семь лет. Думаю, твоим друзьям будет не менее любопытно, чем мне.

Солнце уже клонилось к закату, заливая сад длинными тенями и золотистым светом. Ларсен, выйдя на усыпанную гравием площадку, на мгновение замер, прислушиваясь к ветру, к шороху листвы, к самому пространству вокруг. А затем в его руке, словно сотканный из воздуха, возник клинок чистого света, и мир вокруг нас изменился.

— О, светлые боги... — прошептал лейтенант, благоговейно касаясь рукояти. — это же Клинок Света. Такими могут обладать только воины, сражавшиеся за самого Бога Баруна, где ты его достал, Ларс?

Северянин поднял на него спокойный, чуть прищуренный взгляд.

— Я его честно заслужил, командир, — голос его звучал

глухо. — Но рассказать не могу. Всё, что связано с моим походом... это только моя тайна.

Командир хотел что-то возразить, но в этот момент мы вышли на площадку для учебных тренировок — ровный круг утрамбованной земли, окружённый стойками с оружием. Ларсен шагнул вперёд, и в тот же миг его меч исчез. Просто растаял в воздухе, будто его и не было, оставив после себя лишь лёгкое золотистое марево.

Подойдя к стойке, Ларсен небрежно взял полутораметровый учебный меч — самый тупой, самый тяжёлый, предназначенный для отработки ударов по деревянным чучелам. Взвесил его на руке, словно проверяя, не развалится ли, и вышел в центр круга.

— Ну что, братья, — его голос разнёсся над поляной, звонкий и чуть насмешливый. — Приступим. Нападайте все сразу. И не сдерживайтесь.

Северяне переглянулись. В их глазах читалось недоверие, смешанное с обидой. Длинноволосый мощный Ульф, сжимая свой учебный меч, хмыкнул:

— Шутишь, Ларс? Нас пятеро.

— Я серьёзен, как лёд фьорда, — усмехнулся тот в ответ.

Этого хватило. Воины, взяв его в кольцо, начали медленно сжимать круг. Я, стоявший в стороне, коротко рубанул воздух ладонью:

— Начали!

Воздух взорвался криками. Первые двое бросились на

Ларсена слева и справа, целя в плечи и корпус. И тут...

Ларсен исчез. Там, где только что стоял рослый северянин, теперь плясала лишь смазанная тень, стремительная и неуловимая, как языки пламени на ветру. Эта тень метнулась по кругу — и раздался сухой, дробный треск. Вжух! Вжух! Трах!

Учебные мечи, выбитые из могучих рук, взмыли в воздух, словно стая испугнутых птиц, и с глухим стуком попадали далеко за пределами площадки, кто в кусты, кто на крышу ближайшего амбара.

Пять воинов замерли, глядя на свои пустые, обожжённые болью ладони. Они были обескуражены. Разбиты. И даже не поняли, как именно.

Ларсен спокойно стоял на том месте, где закончил бой. Тупой учебный меч был зажат у него в опущенной руке. Он обвёл взглядом товарищей, которые всё ещё не могли пошевелиться от изумления.

— Ну... где-то так, — спокойно произнёс он, возвращаясь в центр площадки.

Тишина длилась ещё несколько мгновений, а потом её разорвал восхищённый рёв:

— Арекс! — закричал Ульф, потрясая ушибленной кистью. — Это же дар Арекса! Ты двигался быстрее ветра!

— Я же говорил, — Ларс хлопнул ближайшего воина по плечу, возвращая того к реальности. — Честно заслужил.

Командир только покачал головой, глядя на своего стран-

ного, загадочного воина.

— Ладно, Ларс, — тихо сказал он. — Тайна так тайна. Но если захочешь рассказать... я всегда рядом.

Северянин лишь улыбнулся в ответ — той самой улыбкой человека, который видел то, что другим и не снилось.

Повисла тяжелая пауза. Торвин, не сводя взгляда с меня, сделал шаг вперед. Голос его, хоть и звучал тихо, был тверд как клинок.

— Лорд. Я готов дать тебе ту клятву подчинения, о которой мы говорили. Но этого мало. Я хочу пройти испытания, как Ларсен. Докажу, что достоин.

Четверо северян, стоявших за его спиной, замерли. Их лица, высеченные из камня суровой жизнью, обратились друг к другу. Короткий, полный понимания взгляд — и трое из них, не сговариваясь, четким шагом вышли вперед, встав по правую руку от Торвина.

— Мы готовы, барон, — коротко произнес лейтенант.

Ульф остался один. Массивный, как вековой дуб, он вдруг показался неуклюжим и потерянным. Он теребил край перевязи, хмурил лоб и, наконец, не выдержав всеобщего внимания, глухо произнес:

— Я уже не молод, мой лорд, — он поднял голову, и в его глазах на миг промелькнула тень былой удали, тут же сменившаяся спокойной мудростью. — Мне не нужны перемены. Позволь мне остаться тем, кто я есть. Моя верность тебе неизменна — и вассальная клятва тому порукой.

Мы стояли в старом саду, где ветви яблонь слегка покачивались под южным небом. Воздух был тёплым и густым от запаха цветов и травы. Взгляды моих северян были прикованы к Ульффу, который мял в руках кольчужные перчатки, глядя себе под ноги. Чувствуя его неловкость, я решил вмешаться и положил руку ему на плечо, предлагая помощь.

Знаешь — сказал я, — верные и надёжные люди всегда на вес золота. На том месте, которое я хотел отдать твоим соплеменникам под жильё, мы построим не просто деревню. Я решил заложить там небольшой, но крепкий городок. И именно тебе, Ульф, предстоит его возглавить.

Заметив, как тень тревоги пробежала по лицу северянина, я поспешил его успокоить, сжав плечо чуть крепче:

— Не переживай. Ты не останешься один на один с этой ношей. Мы найдём тебе толковых помощников, мастеров своего дела. Твоя задача будет заключаться не в том, чтобы таскать брёвна или месить глину, а в том, чтобы направлять их, следить за порядком и твёрдо придерживаться той линии развития, которую мы вместе выберем для вашего поселения.

Я выдержал паузу, давая ему осмыслить услышанное, и добавил:

— Думаю, с первым же обозом, который приведёт твоих соплеменников, я передам тебе лично — тебе, Ульф, а не кому-то иному — амулет Голема Строителя. С ним вы сможете очень быстро возвести крепкую основу для города. Не

бойся, план у меня уже есть. Я предоставлю подробные чертежи, и люди будут знать, что делать. Строго следуй этим указаниям, не отступай от них ни на шаг, и тогда у нас всё получится. Хватит тебе махать мечом, сам только что сказал, что уже не молод.

После обеда в парадном зале, который являлся ещё и трапезной остались лишь мои верные северяне. Вскоре к нам начали подтягиваться маги, извещённые заранее. Спустя некоторое время собралось шестеро: старый маг Элрик, помнивший ещё моего деда, и пятеро молодых выпускников магической академии Андовилля, нашедших своё место в нашем городе. Среди них было два бытовика, три мага жизни, сохранившие две лечебницы, и сам Элрик боевой маг.

Пока маги собирались, я отправил посыльного за новым бургомистром и Кеном, главой гильдии наёмников нашего города.

Почти до самого вечера я раздавал каждому из них указания — какие меры надлежит предпринять в городе и окрестных деревнях на время моего отсутствия.

Особый разговор состоялся у меня с главным магом города, бургомистром и командиром наёмников. Мы держали совет о том, как укрепить оборону, пополнить продовольственные запасы и обезопасить горожан до подхода северных отрядов — они должны были поступить под моё начало лишь через две седмицы.

— Городские стены не терпят отлагательств, — начал я,

обращаясь к старому магу. — Бреши, оставшиеся после минувших событий, делают нас слишком уязвимыми.

Маг, опиравшийся на узловатый посох, исподлобья кивнул:

— Людей на скорую починку не хватит, господин. А сроки жмут.

— Люди и не потребуются, — ответил я и, выдержав многозначительную паузу, протянул ему два амулета. — Вот. Големы-строители управятся за несколько дней. Этого довольно, чтобы заделать бреши, а заодно привести в порядок крепостные стены с башнями.

В глазах старого мага блеснуло уважение. Он принял амулеты с коротким, но почтительным поклоном.

В глазах старого мага мелькнуло уважение. Он принял амулеты с коротким поклоном.

Бургомистр, человек с цепким взглядом, тотчас подал голос:

— Что касается продовольствия... Если северяне явятся не через две недели, а позднее, город начнёт голодать. Я прикажу вскрыть муниципальные склады, но этого запаса хватит ненадолго.

— Именно поэтому необходимо собрать обозы в окрестных деревнях, — вмешался Кен, машинально поправляя перевязь меча. — Мои люди могут выступить в качестве сопровождения. Однако если мы ради этого оголим городскую стражу...

— Не оголите, — жёстко, не допуская возражений, сказал я, встретив его взгляд. — Маги получают боевые амулеты в полной комплектации. А вы, Кен, оставите в городе половину своих наёмников — проследите, чтобы в пределах стен царил порядок. Вторая половина отправится с обозами. Время у нас ещё есть, пусть и на исходе.

Кен усмехнулся и кивнул:

— Тогда ручаюсь: всё, что можно вывезти, будет в городских закромах до конца седмицы.

Я обвёл их взглядом — старого мага, бережно державшего амулеты, бургомистра, уже прикидывавшего в уме запасы, и Кена, готового к немедленным действиям.

— Через две недели подойдут северяне. До этого момента вы — опора города. Действуйте.

Глава 15

На рассвете следующего дня, когда первые лучи солнца едва коснулись вершин городских башен, я и мой отряд уже были готовы к отбытию. Наш путь лежал к родовому замку, и для этого путешествия мы выбрали необычное средство передвижения. Маголёт, искусно спрятанный в повозке ждал нас. Та самая телега, что вчера, под покровом ночи, была снаряжена для тайной перевозки нашего магического механизма, теперь служила нам надежным укрытием. Мы бесшумно погрузились внутрь, стараясь не привлекать лишнего внимания. Десяток конных наёмников, которые принесли мне вассальную присягу, уже ждали нас. Задача проста, как удар меча: сопроводить повозку до ворот, а когда мы взмоем в небо на маголёте — держаться за нами хвостом по проложенному маршруту. Их поддержка будет крайне необходима мне в городе, куда мы направлялись с заходом в Вороний камень.

Повозка медленно тронулась, сопровождаемая наёмниками. Мы проехали по сонным улицам, миновали ещё спящие дома, и вскоре оказались у городских ворот. Стражники, привыкшие к утреннему движению, не обратили на нас особого внимания. Как только мы оказались за пределами города, наёмники заняли свои позиции, готовясь к дальнейшему пути.

И вот, когда мы были достаточно далеко от городских стен, чтобы не привлекать любопытных взглядов, маголёт быстро выгрузили и аппарат бесшумно поднялся в воздух.

Я взял курс на мой родовой замок, который ждал нас впереди. Под нами расстилались поля и леса, а наёмники следовали за нами по земле, готовые в любой момент прийти на помощь. Впрочем, они вскоре отстали не в силах поспевать за нами.

Ветер свистел за окнами-бойницами, неся с собой запахи утренней росы и пробуждающейся земли. С высоты птичьего полета мир казался игрушечным, я смотрел на удаляющиеся городские стены, на тонкую нить дороги, по которой двигались наши наёмники, и чувствовал прилив решимости. Впереди ждал мой родовой замок, символ моей власти, место, где мне предстояло укрепить свои позиции и, возможно, столкнуться с новыми вызовами.

Маголёт летел плавно, почти бесшумно, лишь легкое гудение магических двигателей нарушало тишину внутри кабины. Северяне, привыкшие к суровым условиям и долгим переходам, с любопытством разглядывали открывающиеся виды. Для них это был первый полет, и их лица, обычно невозмутимые, выражали смесь удивления и восхищения. Я видел, как они переговариваются, указывая на что-то внизу, и понимал, что это путешествие станет для них не только переброской, но и незабываемым опытом.

Я размышлял о предстоящем. Лидвуд, второй по счету го-

род, хоть и числился моим, покоя не давал. Слухи о брожении доходили один тревожнее другого. Значит, надо явиться на маголете — и не одному, а с отрядом северян. Чтобы сразу впечатлить: не гость, хозяин пришел. А наемники, что пылят следом по земле, — железный довод. Чтоб знали: шутить с моим добром не выйдет. Часы пролетали незаметно. Солнце поднималось всё выше, окрашивая небо в ярко-голубые тона. Под нами проплывали реки, блестящие серебряными лентами, густые леса, словно зеленые ковры, и небольшие деревушки, разбросанные по равнинам. Я чувствовал, как с каждым километром приближаюсь к своей цели, к месту, где мне предстояло принять важные решения.

Вскоре на горизонте показались очертания гор, а затем, среди них, вырисовывался силуэт моего родового замка. Он стоял на высоком холме, неприступный и величественный, словно страж, веками оберегающий эти земли. Его башни, увенчанные зубцами, казались острыми клыками, а стены, сложенные из серого камня, излучали древнюю мощь. При виде его сердце моё наполнилось гордостью и предвкушением.

Маголёт начал снижение, плавно опускаясь на площадь перед входом в замок. Внизу уже виднелись фигуры людей, встречающих нас. Это были мои верные слуги и воины, ожидающие моего прибытия. Я знал, что они готовы к любым приказам, и их преданность была для меня бесценна.

Приземление было мягким, почти невесомым, и едва

платформа коснулась земли, как я почувствовал прилив энергии, словно сам замок передавал мне свою древнюю силу. Воздух здесь был чище, прохладнее, пропитанный запахом хвои и влажного камня, и я вдохнул его полной грудью, ощущая, как каждая клеточка тела наполняется свежестью. Мои северяне, ступив на твердую землю, расправили плечи, их глаза внимательно осматривали окрестности, готовые к любым неожиданностям. Они были моими верными теньями, моей опорой, и их присутствие придавало мне уверенности.

Отряд капитана Жан-Люка держал наше летающее устройство в плотном кольце, пребывая в полной боевой готовности. Увидев меня и северян, ступавших из аппарата наружу, он облегчённо выдохнул.

— Мой лорд, — обратился ко мне капитан. — Вы вернулись в замок как нельзя вовремя.

Повелительным жестом он отпустил бойцов. Те мгновенно покинули площадь, разойдясь по своим постам.

— Маркиз активизировал разведку, — продолжил Жан-Люк, переходя на приглушённый тон. — Их отряды постоянно прочёсывают наши земли. Не имея на то вашего распоряжения, мы ограничиваемся лишь наблюдением.

Я окинул взглядом пространство перед входом в замок.

— Капитан, какова ситуация с магами? Сколько их сейчас в замке?

Он бросил на меня невесёлый взгляд и ответил с запинкой:

— Осталось лишь двое, мой лорд. Воздушник и бытовик. Оба ещё зелёные — всего год как закончили Имперскую академию магии.

— Это именно то, что нужно, — заметил я. — Пригласи их. Нужно срочно переговорить.

Капитан отдал распоряжение двум бойцам, и те немедленно бросились выполнять приказ.

Трапезную уже наполнил аромат обеда, который готовил повар, когда мы с капитаном неторопливо обменивались мыслями. Нашу беседу прервало появление двух фигур. В вошедших я с удивлением узнал земляков из моего родного баронства, а точнее — из города Лидвуда.

Их пути пересеклись при самых необычных обстоятельствах, однако судьба свела их не случайно: эти двое росли бок о бок, словно братья. Один был сыном скромного лидвудского пекаря, другой — наследником портновской мастерской. Их дружба, закаленная еще в детстве, началась на одних и тех же улицах, где они, должно быть, делили не только игры, но и сокровенные мечты.

Годы упорного обучения в магической академии не прошли даром. Их выдающийся талант и неустанный труд вознесли их на вершины мастерства: оба достигли ранга магов первой степени. Согласно древнему закону, существующему уже тысячелетие, этот титул даровал им благородное происхождение. Пусть и самый низший, но все же статус шевалье, который распахнул перед ними двери в мир дворянства.

Звнящая тишина трапезной нарушалась лишь негромким потрескиванием поленьев в камине да звяканьем тяжелых кубков.

Они вошли почти одновременно, но держались по-разному. Первый, назвавшийся Гербертом, держался с той спокойной уверенностью, что свойственна детям ремесленников, знающих цену труду. Широкие плечи, крепкие руки — в них еще чувствовалась порода булочника-отца, но глаза... глаза светились тем внутренним жаром, что бывает лишь у истинных служителей стихий это был маг основная специальность воздушная стихия. Второй, Тьерри, был гибок и тонок, как ивовый прут. Сын портного, он перенял от отца не только сметливый взгляд, вечно оценивающий материю и форму, но и ту изящную, почти незримую точность движений, что превращает магию стихии земли в инструмент создания бытовых предметов с магическими свойствами.

— Проходите, — я указал на кресла напротив себя. — у нас будет серьёзный разговор.

Едва они опустились на дубовые сиденья, я, не меняя позы и не отрывая рук от подлокотников, просканировал их обоих. Это было не грубое вторжение, а скорее легкое дуновение утреннего ветра, пробежавшее по их аурам.

Я откинулся на спинку кресла, удовлетворенный. Оба были молоды, оба ждали признания, и оба, как ни странно, были нужны мне так же остро, как я им.

— Перейду сразу к делу, времени в обрез, — начал я, гля-

дя им прямо в глаза. — Мне нужны ваши магические умения. Вам, конечно, еще учиться и учиться, но того, что вы умеете, уже достаточно, чтобы я доверил вам уникальные амулеты.

Я выдержал паузу, давая возможность осмыслить услышанное.

— Я предлагаю вам вассальную службу. Не рабство, а братство по оружию и магии. Мои враги отныне — ваши враги, мои победы — ваши победы. Мои знания и амулеты станут вашими инструментами. Вы получите земли, вес в обществе и, что для вас сейчас важнее всего, доступ к свиткам и артефактам, о которых прежде не смели и мечтать.

Они переглянулись. В глазах Герберта вспыхнула решимость — словно он наконец обрел твердую почву под ногами. Тьерри же, прищурившись, с мгновение изучал меня, а затем уголки его губ дрогнули в легкой, понимающей улыбке.

— Господин, — голос Герберта прозвучал глухо, но твердо. — Я принимаю ваше предложение.

— Я с вами, — кивнул Тьерри. — Что вы говорили про обучение?

— Сначала — вассальная присяга.

Я поднялся и извлек два свитка из своей пространственной сумки, источавших едва уловимую магическую вибрацию. Протянул их магам:

— Прочтите условия. Если всё устраивает — активируй-

те.

Маги почти одновременно ознакомились с содержанием и активировали свитки. После чего вопросительно посмотрели на меня.

— На этой стадии вы вступаете в мой клан, и я могу доверить вам амулеты и свитки уровня мастера. Для дальнейшего же обучения потребуется клятва подчинения. Да-да, не смотрите на меня так. Вы будете стоять в очереди за четырьмя северянами, если решитесь на эту клятву. А чтобы вас не мучали сомнения, поговорите с одним из них, с тем кто уже прошел обучение. Это Ларсен, северянин, маг-универсал пятого уровня.

У Тьерри расширились глаза:

— Разве такое возможно? Северянин — и маг-универсал?

Я молча достал два амулета «Голема-строителя» и вручил их новым со клановцам, затем развернул карту баронства, прижав края кубками. На пергаменте отчетливо проступало узкое пространство, рассекавшее мои владения надвое: восточные пастбища и западные леса. Единственная артерия, соединявшая их, — узкий проход, зажатый между отвесными склонами горного хребта мой замок.

— Вот ваша задача, запоминайте — я провел пальцем по карте. — За две недели вы должны возвести здесь стену. Не просто насыпь, а монолитную преграду высотой в десять метров и толщиной в пять. Она должна наглухо перекрыть проход. Единственным путем между империей и ко-

ролевством эльфов останется только мой замок — Вороний Камень.

Я поднял глаза на них.

— Никто не пройдет с запада на восток и обратно, минуя мои ворота. Ни торговец, ни разбойник, ни армия.

Глаза Герберта горели. Он увидел амулет о котором и не мечтал, потому что не имел даже понятия о возможности его существования.

Тьерри, до этого момента лишь скептически усмехавшийся моим словам о том, что им, магам-строителям, ещё учиться и учиться, вдруг замер. Его взгляд упал на амулет голема-строителя, который я протянул ему. Он взял его в руки, прочитал характеристики, и его лицо медленно, но верно начало терять краски, становясь бледнее мела. Когда он наконец заговорил, его голос был едва слышен, почти шепот — так говорят, когда сталкиваются с чем-то невозможным, но неоспоримо реальным.

— Господин... барон. Но это же совершенно невозможно! — выдохнул он, словно из него выпустили весь воздух. — Я отучился на мага-бытовика, изучил практически все доступные книги по строительству, даже прошёл курс возведения замков в Академии магии. Но о подобном я даже не слышал! Более того — ни на одной лекции, ни один из магов-наставников ни разу не обмолвился о таком. — Он поднял на меня растерянный взгляд, в котором смешались благоговение и недоверие, словно он видел перед собой нечто божествен-

ное и одновременно чудовищное. — Откуда это у вас?

Я с удовольствием наблюдал за его смятением, наслаждаясь каждой секундой. Мой взгляд был весел, а на губах играла лёгкая, загадочная улыбка.

— Это создал я, — ответил я скромно, но с ноткой гордости. — Вместе с моими друзьями.

— Мы справимся, мой лорд, — сказал Тьерри. — Мы готовы сию минуту приступить, но сначала разрешите поговорить с северянами.

Я отпустил Герберта и Тьерри — и остался один у развернутой карты. За стрельчатыми окнами замка Вороний Камень полуденное солнце заливало всё ослепительным светом; летний зной дрожал над базальтовыми зубцами стен. А там, внизу, за древней крепостной оградой, уже нарождался тяжёлый, мерный гул — будто сама земля заворочалась в каменном сне. Это Герберт и Тьерри, вышли на поросшую бурьяном полосу перед будущей стеной и вызвали големов.

Эти массивные создания, трёхметровые исполины из камня, поражали не только своими внушительными габаритами, но и целым арсеналом строительных навыков. От закладки фундамента до возведения зубчатых стен с хитроумными осадными механизмами — каждый этап строительства был им подвластен. Их каменные руки могли с ювелирной точностью укладывать блоки, а их недюжинная сила позволяла перемещать огромные валуны, превращая их в неприступные крепостные стены

Я видел их отсюда — маленькие, решительные фигурки на фоне четырёх гигантских молчаливых големов которых призывали маги.

Сверясь с планом на пергаменте — там синими чернилами была начертана новая линия обороны, продолжение старой стены, — Герберт поднял руку. Тьерри кивнул. И големы приступили.

Первый голем опустился на одно колено, и его огромные пальцы вонзились в землю, вырывая целые пласты дёрна и глины. Второй, чуть выше и массивнее, уже шагал к груде тёсаного камня, сложенной у восточного рва. Он брал по два блока за раз — без усилий, словно детские кубики — и складывал их друг на друга. Третий и четвёртый действовали в паре: один разминал известковый раствор, смешанный с дроблёным кварцем, второй — длинными, клешнеобразными пальцами наносил его на швы и тут же проводил ладонью, превращая влажную массу в монолит.

Гула теперь было не перекрыть — низкий, басовитый рокот, от которого в бокалах на моём столе мелко дрожала вода. Големы двигались в идеальном такте: подъём, поворот, укладка, уплотнение. Стена росла на глазах — ряд за рядом, зубец за зубцом, точно её вытягивали из недр земли сами древние боги.

Я провёл пальцем по карте, по той самой синей линии, которая теперь обретала зримые очертания за окном. Хорошо. Защитный контур замкнулся ещё не полностью, но уже

через три или четыре дня здесь будет некого бояться — ни врага, ни осадной машины.

Опустив взгляд вниз, я видел, как Герберт довольно потёр ладони, а Тьерри сверялся с планом. Четверо каменных гигантов, не зная устали, продолжали возводить молчаливую твердыню под безжалостным летним солнцем.

Выйдя на площадь, я заметил, что капитан по-прежнему следует за мной. Однако полученный им приказ — отправить пятерых наёмников на защиту магов — заставил его свернуть в сторону казарм: отбирать лучших бойцов. Строительство защитной линии шло своим чередом, и в замке мне пока нечем было заняться. Поэтому я ограничился короткой командой северянам — занять места в маголёте.

На площади собрались почти все обитатели замка. Даже наёмники, только что покинувшие казармы после утомительной смены, с неподдельным любопытством разглядывали диковинный маголёт. Слух о чудесной летающей повозке, распространился с невероятной быстротой — из уст в уста, от стражника к повару, от конюха к прачке. Впрочем, чему тут удивляться? После долгих лет однообразных серых будней, когда дни сливались в унылую череду дождей, скудных трапез и бесконечного несения стражи, любое, даже самое незначительное событие казалось подарком судьбы. А тут — настоящее чудо. Площадь гудела приглушённым говором, кто-то показывал пальцем, кто-то крестился, а старый оружейник Вальтер уже вовсю спорил с трактирщиком

о том, на какую высоту может подняться эта махина в воздух. Это было не просто развлечение — это был глоток свежего ветра в затхлой атмосфере всеобщего уныния, маленький праздник, который так неожиданно свалился на головы обитателей замка.

— Жители замка! — голос мой прозвучал чётко, разносясь по площади. — Я покидаю вас на несколько дней. Дела зовут меня в городок Лидвуд. Взгляд мой скользнул по собравшимся — лицам стражников, сосредоточенным, встревоженным взорам слуг. — Но едва развяжу узлы этих забот — вернусь. А пока власть в Вороньем Камне переходит к капитану де Монфору и нашим магам. Их приказы — закон.

Затем я развернулся и шагнул к маголёту. Северяне — молчаливые, верные — двинулись следом. Их тяжёлые шаги отдавались эхом между каменных стен, будто сама крепость провожала нас глухим ропотом.

Машина дрогнула, подчиняясь магии, и мы оторвались от земли, оставив внизу суровые башни Вороньего Камня — неприступные, непокорённые, ждущие нашего возвращения.

Глава 16

Под ликующие крики и приветственные возгласы жителей замка наш воздушный корабль оторвался от площади и, набирая высоту, лег на южный курс — там, вдали, ждал нас город Лидвуд. Я прибавил ходу, но вскоре пришлось сбавить: оттого что не было стёкол в маголёте, ветер резал глаза нещадно. Невозможно стало различать землю — слезы застилали взор, веки сами собой смыкались под напором неистового воздушного потока.

Впрочем, и этой скорости — какой я мог пока удержать под контролем — оказалось достаточно, чтобы начать привыкать к норову маголёта. Слышен магический шум под обшивкой, пальцы крепко держат деревянные подлокотники кресла, а внутренний страх понемногу уступает место азарту. Где-то сто пятьдесят километров в час — не бог весть что, конечно. Не та скорость, что срывает с кресла, впечатывая в спинку, не та, что выворачивает суставы на виражах, заставляя нутро сжиматься от перегрузок. Но для первой обкатки, для того чтобы почувствовать, как это магическое устройство, становится продолжением тебя самого — в самый раз. Каждый мысленный импульс, каждая едва уловимая команда, рожденная в глубинах моего сознания, передавалась без искажений, без малейшей задержки.

Прикидываю так: от замка, где мы стартовали, расстоя-

ние до Лидвуда, нашей цели, тянет на двести километров, не меньше. Скорость немногим километров за сто пятьдесят в час. Делим, округляем – выходит чуть больше часа. Час с небольшим, и мы будем там.

Значит, ровно через час с небольшим, когда солнце будет еще на середине небосвода, мы приземлимся. Прямо у ворот Лидвуда.

Пока же я наслаждался этим чувством. Чувством контроля, чувством единения с машиной, чувством предвкушения. Впереди – Лидвуд.

Хозяин услышал мысленный голос разведчика-элементаля, о котором я совсем позабыл.

— Впереди, в двух километрах правее, там, где высятся три огромных холма, а между ними развалины вижу движение разумных.

Я снизил полет до двух метров над землей, а затем и вовсе приземлил маголет под огромным раскидистым дубом. После чего дал команду разведчику зависнуть над развалинами и в истинном зрении увидел картину происходящего глазами элементаля, который уже переместился к холмам и замер на высоте ста метров.

С высоты открывалось всё как на ладони. Между тремя исполинскими холмами, разделёнными добрыми двумя-тремя километрами, лежали руины древнего поселения — быть может, даже некогда славного города. Время не пощадило ничего: оно сгладило камни, съело стены, превратило бывшее

величие в прах. Из земли, точно ржавые зубы утопленника, торчали лишь жалкие остатки строений.

По заросшей травой колее медленнее тянулся обоз: пять тяжёлых, до скрипа гружёных фургонов сопровождал десяток конных всадников. Латы на них были лёгкими — кожаные, нашитые железными бляхами куртки, круглые щиты, крашенные выцветшей охрой, на головах — медные шлемы. У каждого из седла свисал кривой степной палаш, а за спиной покоился тугий степной лук. Лошади под ними были коренастые, вислогубые, с налитыми крупами — низкорослые, но злые и выносливые; на груди у многих болтались бляхи из сыромятной кожи, кое-где — ржавые кольчужные сетки.

Сотней метров позади замыкающего фургона чернел в склоне холма тёмный лаз. В его глубине, словно глаза подземного зверя, светилось несколько аур разумных.

Мои земли грабили искатели сокровищ, нарушая все законы поисковиков, поправшие священный «Кодекс Искателей». Согласно которому, ни один искатель не смел коснуться руин, не получив у владельца земель разрешения. Без этой магической печати на пергаменте любое вторжение в руины считалось мародёрством, за которым следовало проклятие — от огромного штрафа в золоте до работы на рудниках.

Я повернулся к северянам. Их суровые, рубленые словно из камня лица ждали только моего слова.

— Ну что, есть работа — сказал негромко. — Похоже, я обнаружил воров, что грабят мои земли. Через пять минут

— бой. Приготовиться.

Северяне молча переглянулись, и в их глазах вспыхнуло то весёлое, хищное спокойствие, которое я видел в бою.

Я поднял маголет над самой землёй, повёл его к холмам, пряча за складками рельефа. Через пару минут мы сели за густым, выше человеческого роста, колючим кустарником. Вскоре мы двинулись вперёд, перекрыв единственную дорогу, по которой полз караван с награбленным. Сам встал чуть спереди, привычным движением взведя самострел. Северяне развернулись веером — без лишних слов, в полной тишине, как десять теней.

Когда всадники меня заметили, не последовало ни крика, ни замешательства. Наёмники вмиг обнажили клинки — и молча, с какой-то звериной решимостью, бросились в атаку. До нас оставалось метров двести.

Я начал отстрел. Первый свалился, даже не вскрикнув — свинцовый шарик пробил доспех насквозь, и тело наемника со сквозным отверстием в груди выбросило из седла. Второй сполз на гриву, третий вылетел из седла, запутавшись ногой в стремях. Всё пошло быстро, как и задумывалось в полной тишине, были слышны только тихие хлопки выстрелов магического самострела.

Когда от всего десятка осталось только двое, они резко развернули коней — туда, откуда пришли. Поняли, что здесь им не выиграть. Но я не оставил им шанса. Два выстрела — два последних всадника упали в пыль, и лошади, храпя

и кося безумными глазами, понесли пустые сёдла в сторону холмов. Всё было кончено.

Тяжёлая тишина опустилась на дорогу. Только ветер шевелил гривы лошадей да поскрипывали фургоны, возле которых на земле распластались возницы в ожидании своей участи.

Я подошёл к первому фургону. Под грубо наброшенным, словно в спешке, брезентом, открылась картина, от которой перехватило дыхание. Там, словно обычные дрова, было свалено ценнейшее оружие, артефакты, чья история терялась в веках, лежали здесь не утратившие своей мощи. Вот, например, этот клинок – не просто сталь, а сплав, закалённый в неведомых огнях, с рунами, что мерцали даже при солнечном свете, обещая небывалую остроту и прочность. А рядом – странный механизм, с кристаллами, пульсирующими мягким светом, словно хранящими в себе тайны звёзд. Всё это, казалось, было свалено в спешке, но даже в таком беспорядке чувствовалась их древняя, непостижимая ценность.

Минут через пять связанных пленников уложили в одну из полупустых повозок. Я решил, что разберусь с ними позже — сейчас меня куда больше занимали те, кто укрылся в подземелье старого города. Судя по ауре, это были два мага и их охрана.

Четверо бойцов остались охранять наш ценный груз, а я, взяв с собой Торвина и Ларса, поднял маголёт. Всего метр над поверхностью, но этого хватило, чтобы набрать сума-

сшедшую скорость и обогнуть холм. Мы опустились за полуразрушенной стеной, проросшей цепкими деревцами, в тридцати метрах от зияющей, словно голодная пасть, свежевырытой дыры в подземелье. Предвкушение приключений уже щекотало нервы.

Воздух здесь был тяжелым, пропитанным запахом сырости, пыли и чего-то еще, более древнего и зловещего. Каменные глыбы, когда-то составлявшие стену, теперь были лишь причудливыми нагромождениями, поросшими серым мхом и сиреневым лишайником. В провале, ведущем под землю, царила крошечная тьма, лишь изредка прорезаемая слабыми отблесками.

— Торвин, Ларс, будьте начеку, — прошептал я, передавая лейтенанту самострел. — Маги — это всегда неприятно, а в замкнутом пространстве они могут быть смертельно опасны. И не забывайте про охрану. Они, скорее всего, будут действовать как прикрытия, пытаясь выиграть время для своих хозяев.

Торвин, кивнул, радостно сжимая рукоять магического самострела. Ларс, умоляюще посмотрел на меня и спросил:

— Мой лорд, позвольте мне разобраться с магами! — голос Ларсена звучал уверенно, и в нем сквозило нетерпение.

Торвин окинул его внимательным взглядом. — Думаешь, справишься? — в его вопросе слышалась не столько озабоченность, сколько скрытое любопытство.

Мне и самому было интересно узнать, чему же Ларсен

научился в хроно-библиотеке. Если его уровень окажется достаточно высок, я приближу его к себе. Время не ждет: необходимо как можно быстрее сформировать ядро клана. В него войдут не только самые верные, но и самые обученные, те, кто обладает по-настоящему уникальными навыками. И Ларсен, возможно, один из них.

Мы двинулись к проходу, стараясь ступать как можно тише. Каждый шорох, каждый скрип камня под ногами казался оглушительным в этой мертвой тишине. Я чувствовал, как энергия магов пульсирует где-то глубоко под землей, словно два зловещих сердца, бьющихся в унисон.

— Похоже, они не ждали гостей, — прошептал Ларсен, указывая на свежие следы на земле. — Или же они настолько уверены в себе, что не потрудились скрыть следы.

Я лишь усмехнулся.

— Действуй, если что мы рядом.

Ларсен активировал амулет «Хамелеон» — и в тот же миг словно растворился в воздухе. Лишь лёгкая, прозрачная рябь, будто от брошенного в воду камня, очерчивала его призрачный контур. Мы с Торвином последовали его примеру, шагнули в невидимость и двинулись следом, держась в двух метрах позади.

Широкий подземный коридор, пробитый древними мастерами в твёрдой горной породе, резко уходил вниз. На влажных каменных стенах горели — вернее, еле мерцали, словно угасающие угли, — магические светильники. На

потолке местами проступал светящийся лишайник, бросая призрачный голубоватый отблеск на неровные стены.

Впереди показался завал: груда камней, остатки кладки и частично обрушившийся свод. Но сквозь хаос обломков виднелся узкий проход — то ли в другой коридор, то ли в зал; отсюда было не разобрать. Я переключился на истинное зрение — и перед внутренним взором открылся просторный зал, окутанный тишиной и безмолвием. Ауры разумных существ не ощущалось. Похоже, Ларсен пришёл к тому же выводу: без колебаний он скользнул в узкий проход.

Мы вошли в зал. Его освещали недавно подзаряженные светильники, отбрасывающие резкие, тени на выщербленные плиты пола. Всё здесь говорило о том, что помещение обчистили чёрные поисковики — следы спешки, сорванные печати, разбросанные обломки древних артефактов. «Чей же заказ они выполняют?» — мелькнула мысль. У меня уже появились предположения, но пока рано было делать выводы.

В центре каждой из стен отчетливо видны массивные двухстворчатые двери трёхметровой высоты. Две ещё переливались всполохами защитной магии — тусклыми, но всё ещё ощутимыми. Третья же была открыта настежь, похоже, маги успели вскрыть только её.

— Туда, — тихо произнёс я, указывая направление отряду.

Мы в том же порядке — Ларсен впереди, я и Торвин следом — вошли в узкий коридор. Воздух здесь был гуще, про-

питан запахом пыли, магии.

По мере того, как мы продвигались к дальнему концу коридора, до нас донеслись приглушенные голоса и шум, явно свидетельствующий о какой-то суматохе. С такого близкого расстояния я смог различить яркие свечения двух магов и восьми обычных разумных существ. Мы бесшумно проникли в помещение. Маги, стоя у противоположной от нас двери, колдовали над магическим замком, пытаясь его вскрыть. Тем временем восемь наемников-охранников, словно муравьи, спешно нагружали наспех сколоченные носилки оружием, доспехами, книгами и свитками, опустошая при этом шкафы и стеллажи, выстроившиеся вдоль стен.

Маг огня, судя по его алой походной мантии, стоявший на подхвате у "бытовика", вскрывающего дверь, что-то почувствовал. Он обернулся, и его взгляд, слегка затуманившись, явно активировал истинное зрение. Вероятно, он обнаружил наши ауры и уже собирался поднять тревогу, схватив свой посох, но не успел.

Ларсен активировал артефакт. Десять фиолетовых шаров, размером с кулак, вспыхнув яркими золотистыми искрами, устремились к своим целям. Первыми на холодные плиты пола рухнули наемники. Через пару секунд за ними последовали и маги.

— Любопытный артефакт — произнес я, выходя из режима "хамелеона". Увидев, что наши противники находятся в полном сознании, я поинтересовался: — Ларсен, это ка-

кая-то разновидность паралича?

— Нет, мой лорд, — с довольной улыбкой ответил северянин, явно наслаждаясь моим удивлением. — Это артефакт полного поглощения силы, как физической, так и магической. Приобрел по случаю.

Ларсен распахнул походную сумку, достал десять стальных наручников, холодных и тяжёлых, словно отлитых из самого мрака, два ошейника — чёрные, с вкраплениями алых кристаллов, которые едва заметно пульсировали. Через пять минут пленники, скованные железом, лежали в ряд на треснувших плитах древнего зала. На магов, помимо наручников, одели ошейники, полностью поглощавшие их ману — теперь они могли лишь следить за нами глазами, в которых плескались бессильная ярость и отчаяние.

Зал, где мы оказались, казался мастерской — местом, где магия и ремесло слились воедино. Его стены, сложенные из тёмно-серого камня с прожилками кварца, уходили вверх, теряясь в полумраке под сводчатым потолком. В каждой стене, точно по середине, располагались двери. Вдоль стен тянулись массивные металлические стеллажи, некогда, видимо, полные инструментов и ингредиентов. Теперь же они зияли пустыми полками, кое-где заваленными обломками стеклянных сосудов и рассыпавшимся порошком, напоминавшим пепел древних заклинаний. Рядом с ними стояли разоренные ворами шкафы: дверцы сорваны с петель, ящики вытащены и разбросаны по полу, а внутри — лишь следы бывшего богат-

ства: обрывки пергаментов с выцветшими рунами, осколки кристаллов и ржавые зажимы для фиксации артефактов.

Посреди зала, точно алтарь в забытом святилище, стоял стационарный стол артефактора. Он был выточен из цельного куска чёрного мрамора, испещрённого серебряными линиями — схемами магических контуров. Поверхность стола покрывали следы работы: тёмные пятна от неудачных экспериментов, царапины от инструментов, углубления для фиксации материалов. По краям располагались держатели для кристаллов, некоторые из них были пусты, другие — содержали осколки, всё ещё слабо мерцавшие в тени.

Торвин и Ларсен тем временем освобождали пленников от всего лишнего: оружия, доспехов, довольно неплохого качества и амулетов. Я же отошёл к двери.

Она возвышалась передо мной массивная, двухстворчатая, из тёмного дерева, исчерченного серебряными рунами. Дверь была закрыта на магический замок — не простой механизм, а сплетение чар, видимое лишь тому, кто обладает истинным зрением. Оно мерцало перед глазами, словно сеть из жидкого огня: переплетение линий, узлов и символов, каждый из которых отвечал за свою часть защиты.

Я достал амулет — «Открытие замка». Он был невелик, но в нём чувствовалась мощь. Гладкий камень цвета полуночи, оправленный в серебро, с выгравированным символом — спиралью, уходящей в бесконечность. Я положил его на ладонь и активировал. Затем приложил артефакт к замку. В

тот же миг руны на двери затрепетали, теряя силу, мерцание угасало, словно задуваемые свечи. Я ощущал, как нити магии поддаются, распутываются, освобождая путь.

С тихим, почти неслышным вздохом, дверь дрогнула. Серебряные руны погасли, и массивные створки слегка приоткрылись, обнажая щель, в которую пробился поток холодного воздуха из неведомого пространства за ними.

Я обернулся к своим воинам:

— Путь открыт – произнес я, голос мой был спокоен – Но прежде – допрос.

Пленники оставались в той же неестественной неподвижности, словно высеченные из камня, будто само время застыло вокруг них.

— Когда придут в себя? – мой взгляд метнулся к Ларсену.

— Минут через десять – ответил он, его голос был ровным, как всегда. – Хотя, я могу ускорить процесс.

— Не стоит – я остановил его легким движением руки. – Так даже лучше.

Я шагнул к магу огня, и почти без усилий ментально скользнул в его сознание, в самые глубины памяти. Все подтвердилось: наемники, «черные поисковики», работающие на маркиза. Им было велено прочесать руины, что раскинулись на моей земле, карта прилагалась. Вход в подземный город обнаружился лишь здесь; в трех других местах их ждала неудача.

— Что скажешь – обратился я к боевому магу, мой голос

был холоден, как лед. — Стоило ли оно того? Рисковать собой и своими людьми ради маркиза? Теперь вас всех, в лучшем случае, ждут рудники.

Маг что-то пытался вымолвить, но бессилие сковало его, и он лишь закрыл глаза.

По моей просьбе Ларсен вернул ему ровно столько сил, сколько было необходимо для ответа. Маг, немного придя в себя, попытался вскочить, но ноги его не держали. Тогда он попытался сотворить заклинание — но не получилось, ошейник надежно глушил его магию.

Маг метнул на меня взгляд, полный ненависти.

— Юнец — прошипел он, — ты не знаешь, с кем связался...

В этот момент я нанес ментальный удар, парализовав его. Он мог лишь дышать, но не более. Я не желал слушать дальнейшие угрозы от того, кто еще не осознал, что этот подземный город станет его могилой, или, по крайней мере, местом, где он перестанет быть прежним.

Глава 17

Когда я склонился над вторым магом тот лежал, словно срубленное дерево, с расширенными до предела зрачками, в которых застыла пустота. Я же, одним легким движением мысли, пролистал всю его сознательную жизнь, от первого робкого заклинания до этого последнего, безрадостного для него момента.

В этом человеке, если искать хоть что-то светлое, можно было отметить лишь его упорство. Он сумел достичь третьего уровня бытовой магии – искусство, требующее терпения и скрупулезности. Но все остальное... все остальное вызывало тихий, леденящий душу ужас, стоило лишь приоткрыть завесу над тем, чем он занимался. А я уже знал.

После стен академии, где он постигал азы магии связался с гильдией воров, оттачивая свое мастерство на искусстве взлома. Четыре года он купался в роскоши, получая от гильдии щедрую долю добычи. Но, как известно, ничто не вечно под светилом. Однажды его взяли с поличным — прямо над взломанным сундуком, где позвякивали фамильные бриллианты барона де Мортемона. Человека, который держал в руках нити королевской казны и знал имена всех тайных осведомителей. Обнести такой дом — это не просто глупость. Это самоубийство.

Приговор был краток и изящен, как лезвие гильотины:

три дня на покаяние, на четвёртый — торжественная казнь на площади. Маг уже примерился к последнему вздоху, когда в камеру вошёл посыльный от маркиза и предложил сделку, сулящую отсрочку. Жизнь, пока он будет служить маркизу. А чтобы у него не возникло даже мысли о побеге, его заставили принести клятву абсолютного подчинения.

Пока я переваривал полученную информацию, все пленники разом шевельнулись — видно, иссякло время действия заклания Ларсена.

— Ни с места! — прогремел грозный глас Торвина, обращённый к тем, кто уже попытался приподняться с ледяного пола.

— Господин, — обратился ко мне хриплым, надтреснутым голосом маг-ремесленник, сведущий во взломе замков, — не лишай меня жизни. Я могу тебе пригодиться. Мои умения могут пригодиться ...

Я не дал ему закончить.

— Не продолжай. Мне не нужны твои умения. А всё, что надо, я уже знаю, равно как и то, что ты связан клятвой абсолютного подчинения с маркизом. Интересно как ты соби-
рался ее обойти?

Увидев его растерянный взор, я добавил:

— А ещё я знаю, что в мои земли было послано три подобных отряда — для поиска древних сокровищ. Однако главная цель, ради коей всё это затевалось, — отыскать древние порталы.

Маг уставился на меня с ужасом и прошептал:

— Но как... Откуда вам это известно, господин?

Я оставил его вопрос без ответа и обратился к Торвину:

— Лейтенант, вы с Ларсеном отведите магов к повозкам и ждите там, а я займусь перевоспитанием поисковиков.

Когда северяне увели магов, мой взгляд упал на парня, распростертого на темном камне пола. Его волосы, цвета осеннего пламени, казались живым огнем на фоне холодных плит пола. Одежда его была проста, но добротна: грубоватого покроя серая рубаша, плотные штаны землистого оттенка и короткие сапоги из мягкой оленьей кожи, явно ношенные, но ухоженные.

Рядом с ним, в такой же простой, но крепкой одежде, лежали еще семеро его товарищей. У некоторых вместо сапог были крепкие башмаки на толстой, надежной подошве. Их доспехи, грудой покоились в пяти шагах, напоминая о недавней схватке. Такой скоротечной что никто из них не успел обнажить оружие.

Один из них, что лежал ближе всех ко мне, был широкоплеч и коренаст, словно молодой дуб. Его лицо, обрамленное густой, темно-русой бородой, носило следы усталости, но в прищуренных глазах еще теплилась упрямая искра. На нем была рубаша цвета лесного мха, а штаны, казалось, были сшиты из прочной, выделанной кожи.

Я приказал им подняться и выстроиться вдоль пустых стеллажей. Затем подошел к рыжеволосому и мягко, слов-

но прикосновение ветра, проник в его разум. Навык псиона сработал четко и безупречно, размытым туманом стали его воспоминания последних двух лет после того как он встал на кривую дорожку вступив в ряды «Чёрных поисковиков», а ментальное внушение о том, что он на испытательном сроке у лейтенанта Торвина и что скоро его примут в отряд, изменило не только его осанку, но и выражение лица, а после того как он почтительно попросил меня отбыть в распоряжение, лейтенанта Торвина. Его подельники с ужасом посмотрели на меня и переглянулись.

— Даже не думайте, — тихо произнес я, предупреждая их порыв броситься на меня толпой. И в тот же миг призвал трёх скелетов лучников готовых к бою.

Костяные пальцы, уже натягивали тетивы. Стрелы, острые, как иглы, мерцали в полумраке, предвещая скорую смерть.

В глазах этих хуманов, плескался страх, смешанный с горьким отчаянием. Они были готовы биться, но не с такими противниками, не с теми, кто не знает ни боли, ни усталости. И даже если бы в их руках оказались мечи и топоры, а не оковы как сейчас, против этих безмолвных, неумолимых воинов из царства мертвых — это было бы лишь жалкое, предсмертное зрелище.

Воздух в подземелье был густым, пропитанным запахом сырого камня и застарелого страха. Я стоял перед ними, и чувствовал, как их взгляды, прикованные к пыльным плитам

пола, дрожат от напряжения.

— Выбор за вами, — мой голос прозвучал резко — Либо вы будете стоять смирно и ждать своей участи, либо останетесь здесь навсегда, в этом подземелье.

Наёмники молчали, их тела напряглись, словно струны, готовые лопнуть. В их глазах, украдкой скользивших по полу, читалось смятение, борьба между инстинктом самосохранения и отчаянием. Они были хищниками, привыкшими диктовать свои условия, но сейчас они оказались в ловушке, где правила игры устанавливал я.

— Хорошо, — я сделал шаг вперед, останавливаясь перед самым рослым из них. Его лицо, изборожденное шрамами, свидетельство жестокой и суровой жизни. — Сейчас вас проводят наверх мои скелеты лучники. Доложите лейтенанту Торвину, что вы приняты на испытательный срок. Два месяца. Два месяца, чтобы доказать, что вас интересует что-то большее, чем просто жажда крови и золота.

Я сделал паузу, позволяя словам осесть в их сознании, словно камни, брошенные в тихий пруд.

— Если покажете себя достойно, возможно, я даже забуду о вашем прошлом. О тех тенях, что преследуют вас, о тех грехах, что вы несете на своих плечах. Но помните одно, — мой голос стал резче, словно удар клинка. — Одно неверное движение, лишь только мысль о предательстве, и вы пожалеете, что родились. Понятно?

Кивки были быстрыми и нервными. Они сделали свой вы-

бор. И теперь им предстояло жить с его последствиями, в мире, где грань между жизнью и смертью тонка, как лезвие моего меча.

— Наверх! — приказал я, и пленённые наёмники, у которых появилась возможность изменить свои жизни, не смея ослушаться, зашагали к выходу из Подземного города под неусыпным надзором троих моих скелетов-лучников.

Я же вернулся к двери, которую вскрыл десятью минутами ранее, и шагнул в коридор. Точно такой же, как тот, что привёл нас сюда. Очевидно, это был стандартный переход между подземными сооружениями. Спустя пару минут я уже стоял перед очередной запертой дверью.

Она поддалась без сопротивления. Артефакт вскрытия работал безупречно. Помещение, открывшееся моему взору, разило алхимией. Пыльный воздух пропитался запахом серы, сушеных трав, прогорклым маслом, и чем-то неуловимо кислым — то ли уксусом, то ли змеиным ядом.

Несколько каменных столов с темными разводами въевшихся реактивов, стеллажи, забитые банками с мутным содержимым, и пара шкафов, полки которых ломились от пергаментных свитков и фолиантов в кожаных переплетах. Двух бледных светляков, которых я запустил под своды, оказалось недостаточно, чтобы разогнать густые тени по углам. Тогда я шагнул к стене и, увидев там пластины магических светильников, надавил на них ладонью. Комнату залило резким, ровным светом, и в этом безжалостном сиянии я нако-

нец увидел главное — здесь был только один вход. Лишь та дверь, через которую я вошел.

Терять время в лаборатории я не стал. Вернулся в Комнату Артефактора — тот самый зал, где оставалось еще две не вскрытых двери. Недолго думая, я выбрал ту, из-за которой до слуха моего доносился едва различимый, монотонный шум. Не скрежет, не стон, а ровное гудение, словно где-то глубоко под землей работало гигантское сердце.

Я вошел в боевой режим, чувствуя, как магическое поле Универсальной Защиты обволакивает меня. В правую руку лег кинжал Похитителя Душ — древняя сталь его жадно впитывала остатки света, в левой — сжал универсальный боевой артефакт Огня и Воздуха, готовый исторгнуть убийственный огненный вихрь.

Дверь отворилась с протяжным, нервирующим скрипом.

И я замер на пороге, ослепленный. Зал, что раскинулся передо мной, был вдвое просторнее алхимической комнаты и залит ярким, почти дневным светом. Никакой магии светляков — лишь холодное, бездушное сияние, исходившее от кристаллов, вживленных в громоздкие станки вдоль стен. Станки эти, клянусь богами бездны, напоминали оборудование гномов, только гномы, каких я знавал, мастерили куда грубее. Эти механизмы жили своей жизнью. Шестерни вращались без малейшего люфта, рычаги ходили плавно, а от монотонной вибрации пола зуд начинался в пятках.

Но главное двигалось между ними. Шары метрового диа-

метра, отлитые из тусклой стали, с шумом перекатывались от одного агрегата к другому. В нужный момент из идеально гладкой поверхности шара с металлическим лязгом выдвигались тонкие щупальца-манипуляторы. Они подхватывали детали, переворачивали заготовки и с нечеловеческой точностью возвращались в гнезда, чтобы через секунду продолжить свой бесконечный, лишенный смысла для живых танец.

Механические работники древних. Слепые стражи угасающего производства. Я смотрел на это зрелище, крепче сжимая рукоять кинжала. Магия и сталь сплелись здесь в жутковатый союз, и, хотя шары не обращали на меня ни малейшего внимания, я кожей чувствовал: в этом зале лучше не зевать и ничего не трогать.

Механические работники скользили между станками, подчиняясь незримому приказу, — их металлические тела отбрасывали пляшущие блики под высокими сводами зала. Я беспрепятственно ступал сквозь этот лес чуждых форм, и каждый агрегат здесь пел на своей ноте — едва слышным, гудением.

Воздух пах озоном и горячей смазкой. Станки, выстроенные вдоль стен, шумели, гроыхали, но я пока не понимал, что именно они производят.

Особенно меня заморозили механические шары. Они неторопливо подкатывали из темноты, замирали у неглубоких ниш в стенах, и на мгновение между ними и нишами проскакивала голубоватая рябь — словно само здание дели-

лось с ними сокровенной энергией. Напитавшись, шары укачивали обратно, к станкам, чтобы продолжить свой безмолвный танец.

— Кейл, — раздался в голове ментальный голос Профа. — Подойди поближе к тому самому большому станку. Видишь? Да-да, там, где движется лента. Скорее всего, это готовая продукция.

Я остановился у противоположной стены. В ней зияло отверстие — метр в диаметре, не больше. И оттуда, точно из живого чрева, выползала широкая металлическая лента. Она двигалась плавно, почти лениво, и на ней громоздились предметы — ни один не повторял другой, будто каждый был единственным в своём роде.

Вот лежали широкие браслеты, массивные, с замками-защёлками. Рядом — не очень большие металлические ящики с пазами, явно предназначенными для кристаллов. Смысл ускользал от меня.

— Пока не пойму, — мысленно ответил я.

— Нужно пройти в следующее помещение, — вновь прозвучал голос Профа, на сей раз тише, с ноткой осторожности. — Будь внимателен, Кейл. Возможно, там будет охрана.

Я осторожно ступил к двери, что вела в соседнее помещение. Дверь не была заперта. И то, что предстало передо мной внутри, поразило до глубины души.

Куда хватал взгляд, всё пространство занимали стеллажи, вдоль которых сновали механические шары-работники.

Зал оказался огромен — дальних стен я не видел, но отчетливо различал сияние двух порталов. Сколько до них было — не представлял. Механические труженики сновали меж стеллажей по неведомому мне закону, выхватывали детали и устремлялись к светящимся вратам. Должно быть, там находился еще один зал, куда складывались готовые механизмы. Первый зал был производством. Второй — складом. Что же из себя представлял третий?

Я решил выяснить и быстрым шагом направился туда.

Спустя пятнадцать минут быстрой ходьбы я наконец вступил в третий зал. Огромное помещение, в центре которого возвышались два исполинских стола. Вокруг них застыли металлические големы — трёхметровые исполины, каждый с четырьмя руками, что с невероятной скоростью собирали из деталей, подносимых шарами-работниками, некие устройства.

Я обошёл оба стола и увидел: на одном из них лежали доспехи Древних — невероятного качества. Их было множество. Все они грузились в огромный металлический ящик, который голем затем заталкивал в портал. Над порталом было написано на языке древних: «Грузовой лифт 17».

Мой универсальный порталный ключ, едва я начал определять состояние портала, вспыхнул красным. Это значило одно — в тот мир, куда уходили эти предметы, дорога мне заказана, не выживу.

Зато второй портал светился жёлтым. Жёлтый предупре-

ждал: там для меня, возможно, будет опасно. Но посетить тот мир я смогу.

На втором столе сборка шла неспешно. Судя по всему, здесь рождались сложнейшие магические устройства — от небольших металлических коробок с единственным пазом под кристалл до широких ящиков, в которых этих пазов насчитывалось около двадцати.

И тут я услышал голос Профа:

— Нужно понять, что здесь творится. Посмотри все вокруг, возможно обнаружится документация. Или книги, свитки — что угодно.

Но, увы, больше в этом помещении мне не удалось отыскать ничего. Оставался единственный шанс — шагнуть во второй портал. Быть может, именно там меня ждёт разгадка.

С разгадкой портала я решил повременить. Подземелье могло и подождать, а вот дела в Литвуде отлагательств не терпели.

Со сборочного стола я сгреб небольшой ящик. Три углубления в отполированном металлическом корпусе смотрели на меня пустыми глазницами. Механический работник, громоздкий и лишенный любопытства, поставил его прямо передо мной с бездушной исполнительностью. Я не стал ломать голову над его предназначением здесь и сейчас. Устройство скользнуло в утробу пространственной сумки, и я неторопливо двинулся к выходу.

Поверхность встретила меня запахом трав и конского по-

та. Рыжий наемник как раз заканчивал доклад лейтенанту Торвину. Голос его звучал хрипло, но уверенно.

— ...и по его приказу, — рыжий мотнул головой в мою сторону, — мы поступаем под твое начало, лейтенант. На испытательный срок.

Торвин, стоявший ко мне вполоборота, удивленно изогнул бровь. Шрам на его скуле побелел — верный признак того, что новость пришлась ему не по вкусу. Он глянул на меня, ожидая подтверждения. Я молча кивнул. Возражений не последовало:

— Новобранцы, — рывкнул он, и голос его эхом прокатился по поляне. — Лошадей! Живо найти тех кляч, что разбежались, пока вы тут валялись мордами в пыли!

Наемники, бормоча под нос проклятия, словно тени, растворились в колючем мареве кустарника. Лошади, еще дрожащие от недавней, короткой, но яростной стычки, не ушли далеко. Прирученные животные, знаете ли, редко отходят от привычного корма и тех, кто их кормит.

Я подошел к Торвину вплотную, чтобы нас не слышали.

— Веди караван в Лидвуд, лейтенант, — сказал я, разглядывая, как Ларсен ловко накидывает уздечку на гнедого жеребца. — Ворота в город будут открыты до заката. Сегодня вы все равно не успеете добраться до города. Иди осторожно. Этот путь прост только на карте, нарисованной пьяным картографом.

Торвин понимающе качнул головой, но в глазах его застыл

вопрос.

— Говори, — разрешил я.

— Эти наёмники, — он едва заметно повел плечом в сторону северян. — Они глядят волками. Может, стоило оставить их в подземелье? С цепями и без лошадей? Целее будем.

— Целее — да, — согласился я. — Умнее — вряд ли. Мне нужны бойцы. Но ты прав в одном: глаз с них не спускай. Я хочу, чтобы к утру они были живы, а караван — цел. Если кто-то из них решит, что служба на маркиза лучше, чем моё жалованье, действуй без предупреждения. Но сначала дай им шанс доказать, что инстинкт самосохранения у них развит лучше гордости.

Обо мне просил не беспокоиться и обещал встретить их завтра утром у городских ворот.

Через четверть часа колонна тронулась. Скрип колес смешивался с тяжелой поступью лошадей. Я стоял на взгорке и смотрел им вслед, пока последний всадник не скрылся за поворотом старого тракта.

Развернувшись к темному зеву подземелья, я поправил сумку и шагнул обратно вниз, в тишину, где осталось еще много неразгаданных секретов.

Я спустился в зал артефактора. Огромный рабочий стол, некогда центр кипучей деятельности древних магов, теперь сиротливо возвышался в середине помещения, словно одинокий остров посреди моря разрушения. Несколько стеллажей, опрокинутых и разграбленных, да разбитые шкафы

вдоль стен — вот и все, что осталось от бывшего величия. Обломки старой мебели, разбросанные по полу, создавали мрачное, гнетущее впечатление. Чёрные поисковики, эти ненасытные падальщики, оставили после себя лишь разорение и запустение. Но их ещё можно перевоспитать — не зря же я даровал им жизнь.

Вздыхнув, я вызвал голема строителя. Его каменные руки, привыкшие к созиданию, теперь должны были справиться с разрушением.

— Приберись здесь — бросил я ему, и массивное существо, не задавая вопросов, принялось за работу, сгребая мусор и выравнивая пол.

Сам же я подошел к последней, четвертой двери. Она еще держалась, запечатанная магическим замком, чьи руны тускло мерцали в полумраке. Несколько мгновений сосредоточенной работы, и замок поддался с тихим щелчком. Дверь отворилась, приглашая меня в полуосвещенное, прохладное, если не сказать холодное помещение.

Глава 18

Оказавшись в помещении, которое скорее всего было кладовкой я обвел взглядом каморку. Пять на пять шагов, не больше — скорее чулан, чем комната. По стенам громоздились стеллажи, тяжелые, из темного дерева, разошедшегося от времени. Полки зияли пустотой, если не считать серой, маслянистой на ощупь пыли, набившейся в щели, да горсти мелких металлических деталей — шестеренок неведомо от чего, обломков резьбы. Казалось, само время здесь спеклось в бессмысленный, тусклый налет.

И вот тут меня царапнуло. Мысль, сперва едва слышная, оформилась в уверенность: дверь. Тяжелая, обитая полосами вороненого металла, с массивным запорным механизмом к тому же под магической защитой — она не соответствовала этой сиротской кладовой. Слишком мощная защита для хранилища пыли. Несоответствие визжало, как фальшивая нота в хорошо сыгранной мелодии.

Я усмехнулся про себя и вошёл в Истинное Зрение. И ответ пришел мгновенно, за одним из стеллажей дрожал, пульсировал едва заметный контур двери, запечатанной не только магическим замком, но и заклинанием невидимости.

Руки легли на шершавое дерево стеллажа. Пыль взметнулась невесомым облаком, танцуя в узком луче света. Стеллаж подался с низким, рокочущим скрежетом, открывая уча-

сток стены. Теперь, зная, куда смотреть, я различал тончайшую линию проема. Через пару секунд дверь была разблочена и с глухим, засасывающим стоном потайная дверь повиновалась, отступая во мрак.

Перед собой увидел лестницу. Не вырубленную, а словно выросшую из скалы — ступени плавно, как застывшая смола, утекали в зев шахты. Определить длину не представлялось возможным. Метрах в двадцати свет моего светляка упирался в стену осязаемого, крошечного мрака. Тьма здесь не висела завесой — она сжималась плотной субстанцией, заполняя шахту так же густо, как чернила — стекло чернильницы. Я ступил на первую ступень, и звук шага полетел вниз, долго пересчитывая ступени отражаясь от стен, пока не затерялся где-то на немыслимой глубине.

Спуск затянулся. Сначала я считал ступени — сбился на четвертой сотне. Потом считал удары сердца. Потом перестал считать. Чувство пространства атрофировалось, осталось только давление скалы над головой и ощущение, что я иду не вниз, а вглубь мироздания. Это было похоже на погружение в сон, где время и расстояние теряют всякий смысл, а реальность становится податливой глиной в руках подсознания.

Наконец я шагнул на площадку и понял, что стою в Зале. Сначала глазам показалось, что я вышел под открытое небо, полное незнакомых созвездий. Но это был не небосвод. Свод пещеры терялся на высоте сотни метров, и на нем,

вплавленные прямо в камень, мерцали тусклым рубиновым и изумрудным огнем гигантские гроздья кристаллов. Они освещали пространство мертвенным, операционным светом, словно хирург, готовящийся к сложнейшей операции. Зал был настолько огромен, что горизонт его терялся в дымке тумана, стелющегося по полу. Пол был выложен плитами черного мрамора, в которых отражался этот жуткий сад камня и плоти.

Вдоль уходящих в бесконечность рядов, уступами поднимаясь к невидимым стенам, стояли они. Капсулы, огромные, высотой в два человеческих роста, они висели в воздухе, удерживаемые силовыми линиями, которые струились от кристаллов-светильников. Каждая капсула была соткана из полупрозрачного материала, напоминающего одновременно хитин гигантского насекомого и тончайший слюдяной лист. Она пульсировала, внутри переливалась вязкая жидкость — цветом похожая на расплавленный янтарь с вкраплениями ртути.

И в каждой капсуле плавал плод. Не эмбрион а готовый организм.

Вот, слева, ряд для людей. Тела, свернувшиеся в позу не рожденного младенца, но обладающие мускулатурой взрослого воина и лицами, стертыми до безличия, как у статуй до того, как скульптор придаст им характер. Они ждали не рождения, а приказа. Рядом с ними — капсулы поплотнее, с жидкостью медного оттенка. Там росли гномы. Я видел,

как под толщей раствора медленно, сжимается и разжимается кисть с узловатыми пальцами, предназначенными держать молот или кирку.

Я шел дальше, и передо мной открывались все новые ряды. Капсулы с зеленоватой, тягучей субстанцией, в которой угадывались силуэты эльфов – тонкие, изящные, с длинными, заостренными ушами, которые, казалось, улавливали шепот звезд. Рядом – капсулы с темной, почти черной жидкостью, где колыхались существа, чьи черты я не мог разобрать, но чувствовал их мощь и древность. Возможно, это и сами древние.

У меня мелькнула мысль что это место, где древние расы, уставшие от вечной борьбы или предчувствуя грядущий конец, решили сохранить себя для того, чтобы возродиться. Подождать, когда мир снова будет готов принять их. Или, когда придет тот, кто сможет пробудить их.

Механизмы урчали едва слышно, на грани восприятия. С потолка к капсулам тянулись не то корни сталактитов, не то кабели, оплетенные мхом, который светился в такт дыханию коконов. Это была не просто лаборатория. Это была фабрика по производству разумных.

Я стоял перед капсулой с хуманом и смотрел, как в янтарной жидкости медленно проплывает микроскопический пузырек воздуха от его несуществующего вдоха. Я поднял руку, и мембрана кокона отреагировала на тепло, чуть отпрянув от ладони, словно живая плоть.

И тут из глубины зала, из-за бесконечных рядов капсул, донесся звук. Тяжелый, размеренный шаг

Звук не принадлежал миру живых. Это был не топот кованого сапога по обсидиановым плитам и не стук костяшек. Вибрация входила через камень в подошвы, поднималась по берцовым костям, заставляя челюсти сжиматься до скрежета эмали, пока не упиралась в самое темя холодной иглой. Ритм — механический, безжалостный, словно поршень циклопического механизма.

Я и не думал прятаться. К чему эти игры в прятки там, где пространство, в котором каждая силовая линия поет о твоём присутствии громче боевого рога? Меня засекли бы раньше, чем я успел бы смахнуть пот со лба.

Из-за колоннады янтарных саркофагов, где плавали орки с лицами убийц, вышел Смотритель. Он был не живым существом, а скорее одушевленным механизмом, созданным древними магами. Ростом он превосходил меня на две головы, но пугала не высота, а архитектура тела. Представьте себе огромный железный шкаф с подобием головы, на трёх коротких колоннообразных ногах, который вдруг пошел гулять, волоча за собой трубок и проводов. Плечи, облицованные полированной бронзой, переходили в торс, напоминавший хитиновый панцирь жука-скарабея, нажравшегося звездного света. Только вместо простого хитина — сложная мозаика из пластин слоновой кости и вмурованных прямо в мясо кристаллов. Каждый кристалл пульсировал в своем, только

ему ведомом ритме, и по телу Смотрителя то и дело пробежали всполохи медленных, ленивых молний. Короткие руки двигались хаотично и не в такт движения, создавая впечатление сбоя в работе устройства.

Лицо? Там, где у людей место для улыбки или гримасы ненависти, сиял вытянутый овал полированного обсидиана. Вместо глаз — две вертикальные прорези, до краев залитые ртутью. Ртуть эта не стояла на месте, она текла, фокусировалась, жила своей отдельной жизнью, оценивая меня. Одеждой ему служил многослойный саван из окаменевшей паутины, а поверх него вились толстенные, наполненные изумрудной жижой трубки. Они уходили от спины Смотрителя вверх, в нутро скалы, теряясь среди кабелей и сталактитов, словно пуповина, связующая его с самой преисподней. Он был подключен к этому месту. Да что там — он и был этим местом.

Смотритель остановился шагах в десяти. Ровно на той грани, откуда видно все, но клинком не дотянуться. Одна из трубок на его груди отсоединилась с влажным, непристойным всхлипом и шмякнулась на пол, свернувшись кольцами, словно потревоженная змея. Из дыры в панцире засочился пар с запахом озона и, почему-то, лаванды.

— Теплокровный, — произнес он.

Звук родился не в горле, которого у него, похоже, и не было. словно точильный камень о клинок, заговорил Смотритель вибрацией грудных пластин. Каждое слово со скреже-

том ввинчивалось прямо в мозг.

— Ты нарушил герметичность сегмента. Давление в сосудах упало на две сотых градиента. У эльфийских плодов в ряду четырнадцать-сигма теперь разовьется необратимая деградация структуры мозга. Необратимая! Всю партию — на перерождение. Тысяча единиц. Ты хоть понимаешь, времени нужно, чтобы вырастить одно-единственное тело? Год. Целый год псу под хвост.

Он шагнул ближе, и я кожей ощутил, как статическое электричество в воздухе взвилось до уровня, когда волосы на руках встают дыбом, словно воины перед атакой.

— Я не садовник, чужеземец, — продолжил он, угадав мой невысказанный вопрос — Садовник предполагает любовь к цветочкам, сюсюканье над бутонами и слезы над жухлым листом. Я — Смотритель. Механик душ. Технолог плоти. А ты нарушил процесс формирования тел.

Я сместил вес на правую ногу, привычно готовя мышцы к смертельному танцу, и активировал защитный амулет. Теплая волна побежала по телу.

— Зачем? — спросил я.

Голос прозвучал сухо, как треск сучьев в костре, и неуместно резко в этой густой, как кисель, тишине.

— Зачем городить огород в глубинах этого мира? Наверху и без тебя живых — как грязи после ливня. Плодятся, воюют, любят идохнут без всякой вашей механики. Вслепую, азартно, по-настоящему.

Смотритель наклонил свою обсидиановую голову. Жест отозвался скрипом древних шарниров, что смазывали, наверное, лет пятьсот назад.

— По-настоящему? — в вибрирующем голосе мне почудилась издевка, тщательно замаскированная под вежливый интерес. — Ты называешь «полно» эти жалкие потуги слепой плоти копировать саму себя? Ваши женщины рожают в муках не то, что задумано Творцом, а то, что получилось. Генетический мусор. Брак. Мы же... — он плавно повел массивной рукой, обводя бескрайние ряды светящихся коконов, — мы работаем с чертежом. С божественным проектом. С идеальной формой, в которой нет места кривой ноге или дурной мысли. Каждое это тело скоро обретет разум и навыки, подобранные в соседнем зале Сознания с точностью до последнего нейрона.

Он остановил ртутный взгляд на капсуле с человеческим телом, рядом с которой я замер.

— Ты смотришь на этот плод и видишь тело хумана. Я же вижу... корректировку. Этому экземпляру, к примеру, слегка понижена чувствительность болевых рецепторов в области поясницы. Знаешь, зачем? Рудники. Будет махать кайлом по двенадцать часов кряду, не отвлекаясь на ноющую боль в хребте. Его счастье — в мерном стуке кирки о породу. Его судьба выточена в изгибе позвоночника еще до того, как легкие сделают первый глоток вашего поганого воздуха. Разве это не высшее искусство? Функция без ошибки. Жизнь

без страдания, ибо страдать просто нечему.

Холод пошел от пола, пробирая не только сквозь подошвы сапог. Этот Смотритель не был злодеем из легенды, которому можно плюнуть в рожу и с чистой совестью снести башку. Он был хуже. Он был воплощением самого жуткого вида безумия — безумия рационального, безумия чертежа, механизма, возомнившего себя выше живой жизни.

— Вы растите рабов, — сказал я, и приготовил самый мощный амулет «Заморозки».

— Рабство? — ртутные прорези на обсидиане сузились, изображая гримасу брезгливости. — Какое вульгарное, скотское понятие. Ты меришь все мерилom хлева и кнута. Нет, теплокровный. Мы растим... детали. Взаимозаменяемые винтики огромного механизма, который вы, глупцы, зовете Историей. Вот ты, к примеру, — деталь с дефектом. Ты вырвался из предписанных условий, задаешь ненужные вопросы, размахиваешь боевым артефактом. Ты — песчинка, попавшая в шестерню планетарного масштаба. А песок из механизмов удаляют. Тщательно и без злобы.

Воздух между нами затрещал, и по трубкам, уходящим в его спину, побежали волны света, ускоряясь к плечам, как кровь приливает к голове быка перед ударом рогами. Он накачивал энергию.

Я вспомнил о тех, кто остался наверху, под солнцем. О гномах, что глушат пиво и хвастаются своей дурацкой свободой, даже не подозревая, что где-то в толще земли плава-

ет в зеленом сиропе их улучшенная копия с запрограммированной любовью к шахтам. Об орках, чья священная боевая ярость, возможно, лишь строчка в спецификации, внесенная скучающим пальцем этого механика. О себе. О том, что и я сам, может стать, просто бракованный король из неудачной партии бунтарей, чудом вывалившийся из чана.

— Значит, деталь с дефектом, говоришь? — продолжил я, чувствуя, как гул меча сливается с биением моего собственного, живого, не просчитанного в чертежах сердца. — Ты забыл одно поганое свойство бракованных деталей. Иногда, когда их пытаются выковырять по-тихому, у них срывает резьбу. И тогда они проворачиваются. Намертво. Разнося к хренам собачьим весь ваш расчудесный механизм вместе с его механиком.

Я поднял боевой артефакт, целя прямо в левую ртутную глазницу твари. Смотритель замер. На мгновение в Зале повисла та самая звенящая тишина, что бывает в эпицентре урагана, за секунду до того, как мир сойдет с ума. Туман у ног застыл, словно студень. Кристаллы на потолке перестали мигать, залил все мертвым, хирургическим светом.

И тогда он засмеялся. Если это можно было назвать смехом. Так трещит лед на реке перед ледоходом, так скрежещут тектонические плиты, ломая хребет континента.

— А ты мне нравишься, бракованная деталь, — проскрежетал он. — Давно к нам не заглаживал живой материал для новой формовки. Твоя душа, твой бунт — отличное сырье.

Высший сорт. Из такого теста пекут королей-узурпаторов и пророков, которых потом распинают на воротах. Раздевайся. Сейчас мы снимем с тебя характеристики для нового, куда более послушного тела.

Пластины на его груди разошлись в стороны с хрустом ломаемого льда, обнажая нутро, полное не дымящихся внутренностей, а сложнейшего переплетения светящихся жгутов и вибрирующих костяных игл. Иглы были нацелены прямо в мое сердце.

Я втянул ноздрями холодный, как лезвие ножа, воздух подземелья. Он пах озоном, лавандой и приближающейся дракой.

— Характеристики, значит, снимешь, — прошептал я, активируя артефакт, и сжимая его так, что побелели костяшки. — Ну давай, каменная башка. Посмотрим, что у тебя получится.

И шагнул вперед, ломая дистанцию. Мир смазлся в полосе рывка. В моем выпаде не было изящества, только голая, концентрированная мощь. Ладонь направила поток немыслимого холода в самый центр того дьявольского переплетения — туда, где пульсировали светящиеся жгуты и костяные иглы, хищно нацеленные в моё сердце.

Я коснулся их. Нет, я вбил в них импульс холода. Иглы зашлись крупной дрожью, их свечение медленно погасло. А дальше — тишина и стлкая изморозь. Внутренности зрителя, вся эта влажная, оплетенная трубками механи-

ка, стремительно одевались хрусталем льда. Плоть стекленела на глазах. Ртуть, заменявшая ему кровь, с тяжелым, звонким гулом опала в глазницах, уйдя куда-то в недра черепа. Он еще пытался прохрипеть заклинание или проклятие, но захлебнувшись собственным хрипом, замер как статуя, продолжая покрываться инеем.

Я двинулся вдоль бесконечных рядов коконов, направляясь к дальнему краю зала, где, по словам Смотрителя, находилось святилище, место, где эти безжизненные оболочки обретали разум и навыки. Сотня, две сотни, я сбился со счета. Зал был поистине исполинским, и однообразие картины начало давить. Ряды капсул, словно гробницы, тянулись до самого горизонта, менялись лишь их размеры и то, что таилось внутри.

Внезапно меня остановил звук. У одной из капсул, где покоилось совершенное тело эльфийки, залитое золотистым раствором, я услышал тихий всхлип. Ее тело, казалось, дрожало от неведомого холода, а затем, с глухим стуком, оно вместе с питательной жидкостью провалилось куда-то вниз. Капсула опустела, и тут же сверху, из разноцветных трубок, что тянулись из потолка, начала медленно наполняться новой порцией светло-золотистой субстанции. Из ее верхней части отделился белый сгусток, который в питательном растворе начал обретать форму эмбриона. Начался новый цикл, рождение нового тела.

И в этот момент меня пронзил вопрос, пока без ответа:

где же хранятся тела, уже созревшие за эти тысячелетия, и куда они отправляются после того, как обретут разум?

Глава 19

Наконец я подошёл к арке. Она вела в соседний зал. Здесь было на удивление пустынно. Помещение оказалось небольшим, с низким сводчатым потолком, который давил на плечи не хуже мельничного жёрнова. Вдоль стен стояли механизмы. Их назначение ускользало от моего разума — смесь рычагов, шестерней и полых сфер из мутного стекла. Внутри этих колб еще ворочались остаточные ярко-алые всполохи, похожие на закат в проливной дождь. Пахло здесь озоном, горелой медью и ещё чем-то сладковатым.

В центре этого зала возвышался Стальной Голем. Он походил на тех хранителей, что стерегут входы в забытые усыпальницы, но был неподвижен. Совершенно. Словно наглухо заклинивший арбалет. Я подошёл ближе. В маслянистом свете, пробивавшемся из тусклых светильников на стенах, я разглядел его лицо — если это можно было назвать лицом. Ни глаз, ни рта, только гладкая маска из воронёной стали, изъеденная временем, как старый речной утёс. Его массивные руки безжизненно покоились вдоль тела — верный признак того, что он почти полностью разрядился. Жизнь в нём теплилась, как последний уголёк в пепелище.

Я начал осмотр. И нашёл. На спине Голема, между лопаток из рифлёного металла, несколько пластин. Они крепились к корпусу заржавевшими защелками, которые, одна-

ко, поддались с неохотным скрежетом. Под ними открылось углубление — сплетение медных жил и кварцевых вставок. Там, глубоко в пазах, я увидел гнёзда, в которых находились почти разряженные кристаллы маны. У меня нашлось три подходящих. Я вставил их по одному, ощущая, как каждый входит в гнездо с мягким, почти живым чмоканьем.

И тогда Голем ожил. Не вдруг, не с треском, а плавно, как просыпается старый пёс, чувствующий родную руку. Его плечи дёрнулись, из суставов вырвался сизый пар, и глубоко внутри груди что-то загудело — низко, утробно. Он поднял голову. Маска его оставалась недвижимой, но в том месте, где должны быть глаза, вспыхнули два глаза изумруда.

— Благодарю — произнёс он голосом, похожим на шорох осыпающихся камней. — Долгий сон выветрил из меня почти всё. Ты вернул мне цепь бытия, странник. И теперь я твой должник.

— Вот и чудненько — сказал я, разминая затекшую шею — Введи меня в курс. Что это за железки по углам?

Голем медленно повернул башку — точнее, то, что её заменяло.

Скрежет шарниров был похож на стон старого колеса, что вотвот рассыплется под тяжестью груза.

— Эти механизмы, — его рука тяжело взмыла в сторону одного из агрегатов, — суть инструменты. Они вживляют Навыки. И — да, не морщись — Разум. Вживляют в тела, что покоятся внизу. В огромном хранилище. Полки уходят

в темноту на сотни метров, и на каждой — плоть. Пустая. Ждущая наполнения, как кувшин ждёт воды.

Он замолчал, давая мне время переварить услышанное. А я смотрел на ряды безмолвных машин, и мне вдруг стало зябко, хотя в этом зале царило сухое тепло.

— Значит, не кузница оружия, — выдохнул я — А конвейер душ.

— Именно так, — подтвердил Голем. И в его голосе мне послышалось нечто, похожее на усталую человеческую гордость.

— А подскажи, железный друг — спросил я, кивая на машину слева, — как работает вот это чудо?

Квадратный шкаф из тусклого металла, похожий на алтарь стоял чуть подрагивая. Ни единого шва на гранях, только панель с рычагами, отполированными тысячами ладоней, да огоньки — десяток разноцветных слабо мерцающих искр.

— Управление предельно просто, — загудел он, и голос отозвался лёгкой вибрацией в металле шкафа. — Зря, что ли, Древние ломали головы над эргономикой даже для тупых варваров? Смотри. Сначала подходишь к устройству выбранной расы. Их здесь десять — от хуманов до драконидов, и не спрашивай, откуда они брали образцы. Потом выбираешь пол. Не всем нужны толпы мужиков-воинов, иногда подавай жриц или ткачих. Потом вот этим рычагом

Он хлопнул широкой ладонью по крайней рукояти.

— ставишь количество. Максимально пятьдесят загото-

вок или пока не иссякнет накопитель.

Я кивнул, следя за ним.

— Пока всё понятно

— Дальше — сердце прибора. — Страж перевёл дух, и в его голосе прорезалась гордость создателя, хотя он был всего лишь сторожем или смотрителем.

— Осталось два рычага. Вот этот — специализация. Воин, маг, земледелец, кузнец, целитель десять путей. Выбираешь и получаешь не просто кусок мяса, а готового специалиста с базовым набором рефлексов. А последний рычаг, гляди, — навыки. И тут уж гораздо больше вариантов. Маг? Изволь: Маг огня, жизни, менталист, некромант Воин? Мечник, копейщик, лучник, латник Как видишь, всё просто, даже гoblin справится.

Он замолчал, и тишина стала вязкой, как смола. Огоньки на шкафу вдруг синхронно моргнули алым, будто угасающая звезда.

— Вот только, — проговорил Страж уже глухо, без прежнего задора, — порталы Те, куда мы отправляли готовую продукцию, перестали работать. Разом, как обрезало. Принимающие порталы на той стороне молчат уже триста лет. Производство ещё может штамповать — хоть сотню магов огня в день, — да только товар копить негде. Склад забит, а наружу хода нет. Вот и стоим.

Он подошёл к едва заметной двери открыл её и жестом подозвал меня.

Я медленно обвёл взглядом огромный зал, заставленную прозрачными прямоугольными капсулами с замершими в них телами — идеальными болванками, ждущими возрождения. Запах озона и сухой пыли, лёгкий фон магического излучения. Фабрика душ на холостом ходу. В голове, щёлкнув, сложился узор — тот самый, что всегда приводил меня к удаче.

— Смотритель — я поскрёб подбородок, чувствуя, как в груди разгорается холодный огонёк авантюризма. — А что, если я буду выкупать твой товар напрямую?

Страж уставился на меня. Изумрудные глаза вспыхнули, в них отразился свет, какого не видели эти стены уже столетия.

— Ты? Выкупить всё это? Да куда тебе столько! Каждый экземпляр здесь тянет на состояние — тебе явно не по средствам. Разве что ты решил обчистить королевскую казну Или замыслил устроить переворот в каком-нибудь королевстве?

— Зачем переворот? — я усмехнулся, вытаскивая из поясного кошелька не монету, а небольшой, пульсирующий мягкой голубизной кристалл. — Золото — тоже можно. А я предлагаю кое-что поинтереснее. Смотри, порталы мертвы, ты заперт здесь с горами товара. Я открываю свой канал сбыта. Беру оптом, по сниженной цене, обеспечиваю постоянные закупки. Ты не копишь хлам, я получаю то, что мне нужно. Тебе — ресурсы для поддержания производства и модернизации. Мне — обученные отряды магов, воинов и работников, о которых местные короли только мечтают. Без всяких

порталов Древних, просто на вывоз, так сказать.

Я подкинул кристалл, и тот завис в воздухе, рассыпая колючие искры — мощный источник маны, наилучшая валюта для переговоров с существами, понимающим толк и нуждающимися в этом товаре.

Страж медленно, словно всё ещё сомневаясь, протянул свою металлическую лапу к кристаллу. Огоньки на шкафу перестали мигать алым и загорелись ровным золотистым светом. Машина впервые за долгое время учуяла жизнь. А я уже продумывал, как побыстрее вывести первую партию — скажем, пару сотен мечников и лучников для охраны городов и десятка три магов.

— Еще вопрос, — сказал я, чувствуя, как в горле пересохло от одной только мысли о подобном. — А возможно ли переместить душу из моего кристалла в тело, которое я выберу сам?

Хранитель повел головой. Долго, со скрежетом, будто ржавый ворот на заброшенной мельнице. Его огромная, физиономия медленно повернулась ко мне.

— Так тебе, — переспросил он, — заменить текущий биологический контейнер на новый?

— Не мне, — ответил я. — У меня есть семь кристаллов душ хуманов. И я обещал вернуть каждому новое тело.

— Да можно, — просто ответил Хранитель. Это прозвучало настолько обыденно, словно речь шла о глотке воды. — Вон, справа у стены, тот небольшой аппарат. Как раз для

этой цели.

Я проследил за его взглядом. Металлическая тумба с двумя держателями кристаллов, которые в данный момент были пусты, кроме пары рычагов большую часть на горизонтальной поверхности занимало овальное мутноватое стекло.

— Чего-то он какой-то... невзрачный, — выдавил я с сомнением.

Хранитель хмыкнул — от этого звука посыпалась мелкая каменная крошка с потолка.

— Не переживай. Он такой маленький лишь потому, что там можно выбрать всего четыре расы. Остальные — под запретом.

Он помолчал, и добавил с неожиданной теплотой:

— Зато работает надежно, как песочные часы.

— Милена. Проф. И все остальные, — слова упали в тишину весомо, как камни в глубокий колодец — Есть шанс обзавестись телами. Что скажете?

Ответом мне стал Ментальный, оглушительный, радостный ментальный крик, вспыхнувший в сознании мгновением позже, словно эхо долгожданной вести.

Тогда я обернулся к Хранителю. Тот замер стальным изваянием, и только где-то в глубине его глаз тлели древние искры.

— Сколько будет стоить перенести души в семь тел?

Ответ пришел четкий, без торга и лжи. Цена была названа. Но когда я упомянул золото — то самое, за которое ми-

ры продают себя в рабство, — он лишь скривил железным подобием рта. Хитрец отказался от драгоценного металла. И его можно было понять: куда ему тратить желтые кругляши, кому их дарить? Порталы, построенные его хозяевами, пали прахом и смолкли триста лет назад. Золото здесь — лишь безделушки, помнящие тепло рук.

Вместо монет он предложил иное. Предложил попробовать вдохнуть жизнь в десять огромных накопителей маны — исполинских кристаллов, что были полностью разряжены. Сквозь скепсис его голоса я услышал отголосок надежды: если выйдет, можно будет начинать переговоры. О союзе. О будущем.

Я хмыкнул. Судьба любит подкидывать задачи одна другой чуднее. И согласился.

Хранитель, не тратя лишних слов, развернулся и повел меня за собой. Мы вошли в склад. Это был не зал — это была усыпальница магии. Шкафы, полки, стеллажи до самого свода — всё было забито кристаллами-накопителями. Армия спящих гигантов, похожих на ледяные гробы, стояла плотными рядами. Все — пустые, выпитые до доньшка, без единой капли живой Силы.

Лишь у самого порога, сбоку от входа, стоял небольшой сундучок. От него веяло таким мощным потоком маны, что воздух дрожал и плавился миражами. Живая вода пустыни.

Хранитель заговорил, и в его скрежете почудилась горечь осеннего кладбища:

— Вот, видишь, странник. Рабочих кристаллов осталось — горсть. Этого жалкого ящика хватит едва на двадцать лет. Потом... — он не договорил, но я и так понял. Потом всё погибнет.

Я ничего не ответил. Подошел к ближайшей полке, снял десять громадных, тяжелых, как посмертная маска бога, кристаллов и ссыпал их в свою бездонную сумку. Лямка привычно легла на плечо.

— Жди. Скоро вернусь.

Бросил слова коротко, как отрубил, и вышел из хранилища в темный зев коридора, не оглядываясь. За спиной осталась тишина, готовая длиться вечность.

Я поднялся в Зал Артефактора. Воздух здесь был уже чистым — ни пылинки, всё было прибрано. В углу, сливаясь с каменной кладкой, безмолвной глыбой замер Голем. Он находился в режиме ожидания, но я кожей чувствовал исходящую от него волну сдерживаемой мощи, готовой в любой миг обрушиться на того, кто посмеет войти без спроса.

Я прошел к столу, установленному точно в геометрическом центре зала. Массивная столешница, хранящая шрамы от тысяч заклятий, была девственно пуста. Хмыкнув, я вызвал Профа:

— Необходимо создать план крепости. Я хочу возвести её на этом месте так, чтобы ни одна душа не просочилась сюда. Мне нужен расчет: количество големов, их тип, и главное — сроки. Считайте, что задание вы уже получили.

— Кейл, — тут же отозвался Проф, и в его голосе проскользнуло нечто вроде азарта. — Когда мы зависли над этим местом в маголёте, в районе Трёх Больших Холмов, наш архитектор Гавриил Сергеевич сразу определил: здесь стоял Древний город. Фундаменты еще дышат Силой. Он уже набросал схему крепостной стены и основных зданий. Мы можем не просто построить крепость, а сделать привязку к его древним источникам. Но для этого потребуется не грубая сила землеройных машин, а точность. Пять больших строительных големов — это основа. Однако ключевую работу выполнят двое. Мы предлагаем тебе создать двух «Големов-Инженеров». У нас всё готово.

В сознании тут же развернулись сложнейшие плетения. Я понял задумку: эти двое не таскают камни, они способны входить в резонанс с излучением Старого Города, просчитывать направление магических линий и накладывать кладку так, что стена становится монолитной и непроходимой даже для астральных сущностей.

— Данные будут у тебя перед глазами, — закончил Проф. Не теряя ни секунды, я запустил руку в пространственный карман, извлек походный стол Гранд мастера и поставил его прямо поверх древнего камня. Металлическое основание звонко лязгнуло, и плотно легло на поверхность древней каменной поверхности.

Затем на свет появились два кулона — крупные изумруды, словно глаза огромной горной рыси, в тяжелом серебра-

ном обрамлении. Камни сияли холодным зеленым светом, как две огромные звезды на бездонном ночном небе. Я опустил их на стол гранд мастера.

Заклинание вспыхнуло перед моим внутренним взором ярче пламени. Я вдохнул его структуру и резким, волевым усилием перенёс магическое плетение прямо в заготовки.

Изумруды взорвались светом. Мощь заклинания, словно жидкий огонь, устремилась внутрь кристаллов, наделяя их новой сутью. Я видел, как серебро оправы плавится, но не течет, а перестраивается, впитывая магию.

В этом свечении рождались не тупые землекопы. Нет.

Я создавал Инженеров. Узкая специализация, но абсолютная гениальность в своей сфере. Их стихия — уникальные строения. Там, где обычный голем бездумно наращивает слой за слоем каменную массу, эти двое с ювелирной точностью высчитывают всё до мелочей. Они сплетают силовые линии фундамента в ажурный, почти кружевной узор, а стены возводят так, что само время обходит их стороной. Спустя столетия творение будет выглядеть так, будто строитель лишь вчера отложил инструмент.

Через минуту сияние погасло. На столе, в лужицах застывшего серебра, лежали уже не кулоны, а два компактных магических ядра. Архитекторы крепости. Разумные строители.

— Работа началась, — произнес я вслух, вытирая выступивший на лбу пот. — Посмотрим, на что вы способны, Ин-

женеры. Время пошло.

Я отмерил ровно десяток шагов от выхода подземного города. Остановился. В каждой руке держал по артефакту. Тяжёлые, прохладные с виду ядра неожиданно начали набирать жар, и вскоре ладони обожгло так, что хоть бросай. Но я терпел — жар был на грани, держать ещё можно, лишь зубы сжал покрепче. А затем воздух в шаге от меня сгустился, поплыл горячим маревом, и из этого марева проступили двое.

Стальные Големы. Грузные, неподвижные, слепые — они замерли, ожидая не приказа даже, а самого права существовать. Проф не подвёл: подсказка пришла вовремя.

— В паз, в районе сердца — мысленно повторил я, уже понимая, что к чему. Один артефакт — на одного Голема. Закономерно. Рука сама потянулась к груди ближнего, нашарила выемку, и раскалённый шар вошёл в неё плотно, без зазора, будто влитой. Я не мешкал — второй артефакт отправился в сердцевину второго Голема тотчас.

Едва заняв свои гнёзда, артефакты погасили жар, и в глубине стальных глыб что-то глухо, сыто загудело. Големы ожили. Не дёрнулись, не заскрежетали, а плавно, с какой-то страшноватой осмысленностью распрямили плечи и замерли по стойке «смирно». Ждали команды. Но я медлил, уже предчувствуя: вышло нечто необычное.

Знакомиться с характеристиками я начал без спешки — с толком, с расстановкой. И чем глубже вчитывался в строки, тем реже становилось дыхание. Магические расчёты? Са-

мо собой. Выявление силовых полей? Ожидаемо. Но дальше шло то, от чего я застыл столбом: они были способны отдавать команды големам-строителям. Не просто управлять, а именно командовать — ставить задачи, контролировать, править целым отрядом. Такого я не встречал. Более того — даже не слышал, чтобы кто-то из ныне живущих магов всерьёз упоминал о чём-то подобном. А это означало одно: моей команде — шутка ли — удалось создать не просто механизм. Мы шагнули за черту. Передо мной стояли почти разумные механические существа, и это меняло всё.

Глава 20

Главное стойбище орков раскинулось у самого края бескрайней степи, в пятидесяти километрах от города Рилса. Было выбрано место, где из-под земли бил невидимый, но ощутимый источник магической силы. Воздух здесь всегда был чуть сладковатым и терпким, как старый кумыс, настоящий на степных травах. Шатры, крытые выдубленной до каменной твердости кожей, сшитой грубыми жилами, расходились от центра гигантской спиралью. В самом сердце этого рукотворного водоворота, на вершине холма, стоял шатер Вождя — огромный, точно холм, увенчанный пучком хвостов гривастых волков и выбеленными ветрами черепами редких монстров.

Было раннее утро. Белесый, плотный, как овечья шерсть, туман лежал пластами, скрадывая очертания спирали стойбища, превращая исполинские шатры в размытые тени. Видимость была почти нулевая, даже острый глаз орка не мог пробить эту влажную пелену на расстояние вытянутого копыта. Младшие шаманы, приданные каждому дозорному отряду, сидели прямо на мокрой траве, вытянув руки к земле, посылая во тьму щупальца магического зрения.

Молодой шаман Гарт — почти мальчишка, со свежими ритуальными шрамами на скулах — вынырнул из транса с судорожным вздохом ныряльщика, задержавшего дыхание

на грани смерти. Он резко повернулся к старшему дозора, и в его голосе, сорвавшемся на хрип, прозвучала тревога:

— Там Их много. Разумных. Идут прямо на нас.

Старший дозора, старый воин со сломанным в давней схватке клыком, лишь чуть повернул голову, ожидая продолжения. И через секунду Гарт добавил уже с откровенным, почти детским изумлением, смешанным с благоговейным ужасом:

— Это наши Братья. И ведет их Главный шаман Тарган.

Через несколько десятков ударов сердца из молочной пелены проступили силуэты. Отряд двигался плотной массой, привычно и хищно, но без боевого оскала. Впереди, на своем старой лошади держа резной посох, увенчанный пучком перьев ночных птиц, ехал шаман. Тяжелые обереги из потемневшей бронзы и клыков устало били его по груди. Рядом с ним, на боевом породистом коне двигался младший сын вождя. Это было неправильно, это резануло Гарта по глазам больше, чем яркий луч утреннего солнца, на миг прорвавшийся сквозь рваные клочья утреннего тумана.

Древний, как сама степь, уклад требовал, чтобы на месте командира находился старший сын. Здесь же все было перевернуто с ног на голову. Гарт, привыкший доверять знамениям, почувствовал холодок недоброго предчувствия.

А потом степь наполнилась новым звуком. Из тумана, нарастая, послышался грузный скрип колес, бряцание сбруи и тяжелое дыхание тягловых быков. Орки не строили повозок

— они презирали колесо, предпочитая седло и вьюк. Стало быть, это были трофеи из земель хуманов. Но это означало и другое, о чем Гарт сообразил не сразу: раз повозки шли с отрядом, да еще и в таком количестве, значит, орки ушли не в набег. Они ушли навсегда. Весь отряд, до последнего копья, покинул почти захваченный город хуманов.

— Вот дела — Подумал Гарт, чувствуя, как шевелятся волосы на затылке, но вслух ничего не сказал, лишь крепче сжал свой оберег, сплетенный из сухой полыни.

А огромный отряд, гремя железом и скрипя колесами повозок, серым маленьким ручейком вливался в огромное, еще сонное пространство стойбища. Стойбище дышало, ворочалось под одеялом тумана, но пока не проснулось. Только собаки, почуяв своих, поднимали лобастые головы да потрескивали догорающие в очагах угли. Отряд двигался молча, в такт скрипу колес, растворяясь в спиралях кварталов, чтобы принести в самое сердце орды весть, от которой, Гарт это чувствовал нутром, привычный мир его племени изменится навсегда.

Шаман устало спешил к шатра вождя. Его старая кляча довольно фыркнула и неторопливо побрела к сочной траве, волоча поводья. Часовой у входа молча пропустил шамана — это был единственный орк в клане, кому позволялось входить к вождю в любой час.

Шаман откинул полог. В лицо ударил спертый, тяжёлый дух: запах погасшего очага, жареного мяса и перекисшей степной браги. Вождь распластался на волчьих шкурах, а две

его молодые жены обвивали его с боков, точно лианы — иссохшее дерево. Тарган бесцеремонно растолкал вождя клана, повелительным жестом указал проснувшимся женщинам на выход и мрачно бросил:

— Есть важный разговор, Гррох. Одевайся, времени мало.

Старый шаман хорошо помнил слова могучего колдуна-хумана: у них оставалась всего одна ночь и один день, чтобы покинуть земли его баронства.

— Есть важный разговор. Одевайся, времени мало.

— Что так рано, старый? Спать не даёшь с молодыми жёнами? Какая срочность? И вообще, почему ты не в городе, а здесь, в стойбище?

— Здесь не только я, вождь. Здесь все, кто был со мной там. Мы почти завоевали город. Почти взяли его в свои руки. Но духи предков прогневались на нас.

Гррох — резко со шкур, на ногах в один миг. Взгляд — острый как нож.

— Говори.

Шаман помолчал, прикрыл глаза.

— Начну с того, вождь. Мы потеряли твоего старшего сына.

Вождь замер.

— В бою? — спросил он глухо.

— Не в бою, — ответил шаман. И голос его зазвучал как струна, которую перетирают о камень. — Мы потеряли его как воина. Потеряли наследника той силой, что страшнее

стрелы и острее копья.

— Говори яснее, — прорычал вождь. Доспех на плечах вздыбился.

— Город уже был наш — сказал шаман. — но появился младший сын барона Хелдера. Он оказался могущественным колдуном.

Я попытался его подчинить себе, но сам оказался парализованным и беспомощным словно полено. Барон наглядно показал, что ожидает меня и всех нас в случае неповиновения, поверь тебе лучше не знать то, что я увидел.

А твой сын он бросился на молодого барона. И сын твой не умер. Он стал менестрелем, Гррох. Он теперь сочиняет баллады и стихи, а на голове у него не шлем, а венок из степных цветов, и он уже не помнит, что был воином.

— Что ты несешь! — гневно закричал вождь — мухоморов своих наелся?

— Это не всё, — продолжил шаман, не давая вождю выдохнуть. — У нас день. Мы должны покинуть его баронство. И это не шутки. Я видел его в деле. Если мы останемся — каждый, кто держал меч, получит грабли или мотыгу. Каждый, кто пил кровь врага, будет поить овец. Барон рассыплет наш клан по полям — как хозяйка сыплет семечки курам. И мы примемся пахать, вождь. Вместо того чтобы брать дань с городов, сами станем кланяться овцам.

Вождь сжал рукоять ножа так, что она захрустела.

— Лучше смерть — сказал он негромко.

— Смерть он нам тоже даст, — кивнул шаман. — Но сначала — земледелие. Или разведение овец. Выбирай, вождь. Или мы воюем в других землях или здесь будем возделывать земли и пасти скот, как простые хуманы для барона — колдуна?

Владыка Орды, могучий Гррох — рывкнул так, что вздрогнули стяги на шестах:

— Старшего сына ко мне! Живо!

Один из охраны, низколобый здоровяк с медной серьгой в носу, пулей вылетел из шатра, взметая сухую степную траву. Вождь тяжело рухнул на волчьи шкуры — медвежьи для него были слишком мягки — схватил глиняный кувшин с ледяной родниковой водой, одним глотком осушил до дна, крикнул и замер, прикрыв веки.

Внизу, у шатра со священным реликвиями предков, сначала послышался невнятный гул, потом — возбужденные голоса, потом — странные, доселе не слыханные в становище звуки. Не боевой клич, не плач по погибшим, не горловой песенный речитатив шамана с бубном. Что-то трепетное, тягучее, берущее за душу, словно сама степь запела голосом далекой возлюбленной.

Гррох, чуя неладное, вылетел из шатра одним прыжком. На пороге его нагнал старый шаман и последовал за вождем.

— Что за шум? — рыкнул вождь, и посмотрел на шамана.

То, что они увидели на площади, заставило застыть даже видавших виды воинов. Грозные тысячники, собиравши-

еся было с докладами, замерли с открытыми ртами. Сотники, украдкой тянувшие кумыс из бурдюков, поперхнулись.

Старший сын — рослый, без лат и оружия — стоял посреди площади как вкопанный. В могучих, дубленых ручищах, привыкших крушить вражеские щиты, он держал... нечто.

Древний магический инструмент. Предки называли его «Трын-дым». Длинный, лоснящийся от времени гриф из кости лесного великана. Каплевидный корпус из панциря доисторической черепахи. И две тонкие, зачарованные жилы, натянутые вместо струн — сухожилия горного тролля, что издавали звук, способный рассмешить злого духа или заставить плакать каменного истукана.

Старший сын — гроза врагов, будущий владыка Орды — стоял и самозабвенно, счастливо улыбаясь, водил жилистыми пальцами по этим струнам. Сладкая, щемящая мелодия лилась над становищем. На голове у него красовался венок из степных цветов — синих сон-трав, алых жар-цветов и золотых одуванчиков, уже сползший на затылок и придававший грозной физиономии идиотски-блаженное выражение. Менестрель этого не замечал.

Увидев отца, он просиял так, словно разом добыл тысячу скальпов гоблинов.

— Отец! — воскликнул он голосом, в котором не было и намека на воинственный рык. — Тебе нравится? А эту послушай? — И он, не дожидаясь ответа, заиграл другую мелодию — медленную, с переливами, от которой у старых ор-

ков наворачивались слезы.

Столько неподдельного, детского, беззащитного счастья было в глазах двухметрового орка, что у Грроха защемило под ребрами. Сердце, бившееся в груди ровно кузнечный молот, вдруг засбоило. Он хотел рывкнуть, обругать, приказать немедленно надеть шлем и наточить топор, но вместо этого лишь крикнул и отвел взгляд — на миг, только на один короткий миг. Когда же он снова посмотрел на сына, глаза вождя были сухи и тверды, как алмаз.

— А ну всех тысячников и сотников — сюда! — громыхнул Гррох так, что у ближнего шатра лопнула завязка. — Через два часа снимаемся! Покидаем это проклятое место! Всем кланом уходим к Черным Горам. А ты, — он ткнул пальцем в шамана, — смотри, чтоб этот... дрын-дым... он не потерял, слышишь и определи его в хвостовой фургон, чтобы не отвлекал народ от сборов.

Шаман, покосившись на счастливого старшего сына, который уже начал приплясывать под собственную музыку, многозначительно засопел.

— Давно пора, Вождь, — согласился он. — От этой музыки даже зубы мудрости начинают ныть. А главное — кто ж после этого воевать пойдет? Где воинский дух? Где ярость? Орки должны рычать, а не... это... — он поискал слово, поморщился, как от зубной боли, и выплюнул: — Музицировать.

Вождь кивнул, тяжело крутанулся на каблуках, вминая в

сырую землю глубокие, как раны, следы, и зашагал вдоль шатров, поглядывая, как слаженно работал его народ, разбирая лагерь. Вдали всё ещё лилась та проклятая мелодия. Трынть-дым. Трынть-дым. И старые орки, утирая скупые слёзы, то-ропливо сворачивали шатры — подальше, подальше от этого размягчающего душу колдовства.

Из белого гостевого шатра вынырнул лейтенант Андре де Курье. Шевалье, правая рука маркиза Доррина, доверенное лицо и переговорщик с орками — появился так внезапно, будто его выплюнуло утренним ветром.

— С утра грохот! — отрывисто бросил лейтенант, впиваясь взглядом в вождя. — Что за тревога? Почему сворачиваете шатры? У моего господина маркиза к вам ещё поручения, а у вас — гора невыполненных обязательств.

Вождь стоял, вросши пятками в проклятую землю, но взгляд его ушёл в себя.

— Мы уходим, — голос прозвучал глухо, как удар по могильной плите. — Духи предков запретили нам здесь оставаться. Времени почти не осталось. Прощай, лейтенант.

Грох развернулся и двинул к шатру, не оборачиваясь. Могучая спина его говорила: разговор кончен, отрезано.

Де Курье дёрнулся было вслед, даже рот раскрыл, но в тот же миг вождь, не оборачиваясь, поднял над головой правую руку — тяжёлую, как корень старого дуба. Не повернув головы, бросил через плечо:

— Я всё сказал.

Слово упало, как гильотина на плаху.

Де Курье замер, но всё же шагнул было за ним — настойчивость была его второй натурой.

— Позволь, Вождь, но как же начало было

Вождь замер на миг. Медленно — очень медленно для такого огромного тела — повернул только голову, не разворачивая плеч. Глаза — чёрные, бездонные, как старые колодцы.

— Это моё последнее слово, хуман, — сказал Гррох внятно, с расстановкой, чтобы отпечаталось в мозгу. — Тебе здесь не место. Уезжай.

И ушёл. Резанул полог шатра — и исчез, словно его и не бывало. Только земля под ногами ещё минуту помнила его тяжесть.

А лейтенант остался стоять, прижимая ладонь к рукояти узкого полуторного меча, и чувствовал, как холодок, не имеющий ничего общего с утренней росой, ползёт по спине.

— Проклятые дикари — подумал он — никогда не держат своего слова.

Через час от стойбища осталась лишь вытоптанная земля да чёрные пятна костров. Шатры и легкие боевые палатки из прокопченной кожи рухнули, сплющились, были свернуты туго-туго — так, что хоть под мышку суй, хоть к седлу приторачивай. Вербки из сыромятной кожи затянули узлами, которым позавидовал бы сам морской демон.

Ещё полчаса — и со стороны дальней балки донесся тя-

желый топот. Рабы-хуманы, закутанные в грязные мешковины, подпоясанные обрывками пеньковых веревок, гнали лошадей.

Зато в седлах — орки. Настоящие. В куртках из чешуи гигантской степной ящерицы — каждая чешуйка отлиывает маслянистой радугой, подбиты они вареным войлоком, так что удар топора не пробьет. Штаны кожаные, в гармошку, до середины икры, ниже — сапоги с загнутыми носами и серебряными бляхами. За поясами — палаши в ножнах из коры железного дерева, секиры на длинных рукоятях торчат из-за спин, как крылья у коршуна, когда тот готовится к броску. Морды — под старыми шрамами, клыки желтые, в налете, иные в седине на скулах — старые волки, битые и стреляные.

Транспорт... Транспорт у них простой: повозки на четырёх колесах, ступицы плохо смазаны, визжат так, что за километры слышно — нарочно. Орки любят, чтобы страх шел впереди войска. Нагружены эти скрипучие гробы поверх бортов: ковры ворсом наружу, мешки с сушеным мясом, деревянные клетки с боевыми псами, кадки с салом, свертки шкур. И поверх всего этого добра, болтая ногами сидят орчанки с детенышами. Орчанки — бабы мощные, грудастые, в безрукавках из медвежьей шкуры мехом внутрь, — если из дому выскочила, то уже одета, даже пуговиц застегивать не надо. Малыши их, копошатся в телегах голозадые, в одних нательных грязных рубашонках, лупят друг друга костями и рычат на прохожих хуманов с явным намерением вцепиться,

как только научатся слезать самостоятельно.

Вождь махнул рукой — коротко, как топором рубанул. Колонна качнулась и поползла на восток, в глубь степи, где в серой мгле уже угадывались хребты Черных гор — будто зубы древнего чудовища, проросшие сквозь земную твердь.

Степь дрожала под тяжестью колонны. Орки шли, не сворачивая, и после них оставалась не просто дорога — утрямбованная до каменной тверди полоса, по которой впору колесницы пускать без всякого страха перед ухабами.

Вперед веером выдвинулась конная разведка. Луки через седло, на левой руке — плетеные щитки от стрел, копья торчком к небу, словно соломѹ на вилах несут. Степь лежала ровная, как крышка стола, но дышала звериной хитростью.

Разведчики щупали степь взглядом вынюхивали засады, принюхиваясь к ветру, который пах то полыньѹ, то конским потом, то сладковатой гнильцѹ с далеких пожарищ. Скрипели седла, позвякивали стремяна, но орки молчали. Говорить в степи — врага кликать.

Двигались без прежней резвости — и не потому, что устали. Кому охота нарваться на арбалетный залп с той стороны горизонта, где сам черт ногу сломит? Арбалетный болт тихий, подлый: сначала войдет в тело, а уж потом донесет хлопок тетивы. Степь — она как базарная воровка: ласковая с виду, а рука у нее под плащом с ножом.

Голову колонны держали вождь Гррох и шаман. Вождь был в наборном доспехе из чѣрных пластин, скреплѣнных

стальной проволокой — броня ходила ходуном на могучих плечах, как чешуя на драконе. Шаман, напротив, щеголял в рваном плаще из вороньих шкур, и каждая птаха, казалось, до сих пор билась в предсмертных судорогах. Лица у обоих были мрачные, будто всю ночь ждали дурных вестей и дождались.

За ними, колыхаясь как живое чудовище, двигалась конница. По пять в ряд, плечо к плечу, стремена к стременам. Каждый воин — в кованой кирасе, из-под которой виднелась кольчужная юбка до колен. Шлемы с наносниками и длинными наушами, скованными так, чтоб меч скользил, не застревая. За спиной у каждого — небольшой круглый щит, обитый сыромятной кожей, с умбоном посередине. У левого бедра — палаш в деревянных ножнах, у правого — боевой нож вроде короткого меча. На луках седельных сум с запасными тетивами и флягой вонючего конского жира — оружие любить надо, даже если не любишь никого вокруг.

Потом пылил, скрипел, гремел и матерился обоз. Тысячи колёс, тысячи осей, смазанных дёгтем, и всё равно орки орали на возниц. Лязгали запасные копья, бряцали мангалы для походной готовки, скрежетали цепи от волокуш с награбленным барахлом.

В самом конце, где пыль уже не душила, а лениво оседала на травы, катился фургон. Снаружи — ободранный, прокопчённый, с узкими окнами-бойницами, забранными частой решёткой. Колёса обиты железом, дышло украшено черепа-

ми.

Внутри же, вопреки ожиданиям, царило убранство истинного ценителя. Пол был устлан медвежьими шкурами — не теми, что на вожде, а выдубленными мягко, без единой заусеницы. В углу — невысокая кровать с ворохом подушек. С потолка свисал медный светильник, весь в языках вечного пламени — горел без копоти, плясал, давая уютный, почти домашний свет.

В дальнем углу, прямо на сундуке восседал огромный орк. Он сжимал в лапищах древний инструмент «Трын-Дым» и довольно улыбаясь во всю пасть, так что клыки белели в дрожащем свете масляной лампы, сочинял новую песню. Голос у него оказался густым, как зимняя похлёбка, и с удивительным тембром Гррум начал петь:

— Степь да степь кругом, путь далёк лежит.

Наш отряд идёт, враг уже бежит.

Глава 21

Я ещё раз просмотрел карту, на которой уже был нанесён план строений, крепостных стен и внутреннего устройства нового города, которому суждено было встать на древних руинах. Над входом в подземелье, согласно плану, возвышалась огромная башня мага — центральная точка, откуда разойдутся лучами площади, улицы, здания и сама гигантская защитная стена. Мысленно привязав план к местности, я передал его големам-инженерам и приказал вывести строителей на максимальный режим работы. Нужно было как можно скорее закрыть вход в подземную часть города.

Две минуты стальные громады высились недвижимо, будто вгрызаясь в самую суть приказа, переваривая его стальной, нечеловеческой логикой. Потом земля едва заметно дрогнула. Големы-строители, эти безмолвные титаны, пробудились разом, с холодной, неживой точностью они очертили идеальную окружность — основание будущей башни, что в три метра толщиной, — а затем, не ведая усталости, вонзили свои руки ковши в землю, принимаясь рыть котлован.

Я не стал задерживаться, наблюдая за их работой, развернувшись, быстрым шагом направился к маголету. Едва захлопнулся люк, как внутри, в чреве аппарата, извлёк опустевшие кристаллы маны — тусклые, будто затянутое пеленой стекло. Разложил их по местам, откуда струилась ма-

гическая сила. Тотчас питающие лучи словно надломились, потускнели, проседая под жадной тягой накопителей, но процесс пошёл — кристаллы медленно наливались внутренним светом, набирая силу.

Собрался было наружу, как в сознание ледяной иглой кольнул сигнал. Разведчик-элементаль с немыслимой высоты передал ментальный слепок увиденного — чёткий, бесстрастный, словно оттиск печати. В километре отсюда, вздымая пыль, ходко шёл малый отряд: пятеро верховых хуманов и двое эльфов. Направление держали от эльфийских пределов напрямиком к столице Империи. Торопились. По моим прикидкам, минут через десять, если не возьмут в сторону, их глазам предстанут мои стальные землекопы.

Решение вызрело мгновенно, как всегда. Из поясной сумки мага извлёк три тяжёлых амулета Хамелеона. Звякнув, они легли прямо на пол маголета. Шаг наружу — команда активации. Тотчас воздух вокруг летательного аппарата сгустился, пошёл мелкой, дрожащей рябью, будто марево над раскалённым добела песком, и маголет исчез, растворился, оставив лишь легчайшее, едва заметное глазу колыхание пространства на грани видимости.

Два голема-строителя уже вгрызлись в землю на полтора метра, вырывая фундамент под будущие стены. Их мощные корпуса, облепленные маслянистой глиной, ритмично вздымались и опускались, дробя каменистый слой ударами, от которых звенело в ушах.

Двое их собратьев корпели над руинами старше самого королевства. Они осторожно, но неумолимо выволакивали из-под завалов древние каменные блоки, коих здесь было огромное количество — целое море обработанного камня, ожидающего своего часа.

Отряд, которого я поджидал, вынырнул из-за холма неожиданно — резко, демоны из портала. Увидев меня в окружении костяной стражи, встали как вкопанные.

— Маг? — хрипло бросил передний в кольчуге. — А лучники-то у него... нечисть.

Я не дал им опомниться. Мысленный приказ — и десяток костяков вскинули луки. Первая стрела ушла в землю у ног переднего, вторая сбила шлем с одного из эльфов. Не убивать, только припугнуть.

Они ответили — двое эльфов оказались мастерами. Стрелы ложились в цель с нечеловеческой точностью: три скелета рухнули грудой побелевших костей, четвертый потерял руку. Люди-маги принялись вскидывать руки для заклятий — я почувствовал, как воздух стал густым и горячим.

— Стоять! — рявкнул я, но не голосом. Ментальный удар ушел в самого опасного: мага в синем балахоне. Он замер с открытым ртом, глаза остекленели. Паралич схватил его как стальными прутьями — не вздохнуть, не шелохнуться.

Скелеты тем временем выпустили второй залп. Никакого вреда — стрелы чиркали по щитам, пригибали к земле. Главное — заставить их сбиться в кучу.

Второй маг попытался плеснуть огнем. Я едва успел перехватить его сознание — тяжело, с напором, как в зыбком болоте. На миг почувствовал жар чужой магии на своем разуме, но сжал волю в кулак. Маг дернулся, схватился за голову и осел на колени, парализованный, как и первый.

Эльфы поняли быстрее людей. Один рванул в сторону, перекатом, пытаюсь выйти из-под обстрела. Я мазнул по его сознанию — ушел. Слишком быстр, слишком живуч. Второго я взял жестко, в самый момент, когда он натягивал тетиву для решающего выстрела в мою сторону. Стрела выскользнула из ослабевших пальцев. Эльф застыл с выпученными глазами — мастер лучников не мог теперь даже пальцем шевельнуть.

Первый эльф, уходя от стрел, выскочил прямо под самострел. Я не стрелял — плеснул паралич в упор. Чужое сознание захлебнулось, как свеча под колпаком. Эльф рухнул лицом в траву — жив, но без сознания.

Хуманы в кольчугах, бросились было на меня с мечами — рожи злые, глаза горят, явно собрались рубить в капусту. Но только они разбежались, как я ударил ментальной волной. Не по злому, а так, с ленцой. Их как ветром сдуло: кто меч уронил, кто сел на траву, кто замер с открытым ртом, не в силах пошевелиться.

А дальше — дело привычное. Подчинял их по одному, как кукол на веревочках. Этого — раз, готов, стоит смиренно, глаза в кучку. Того — два, уже чешет затылок, не

понимает, чего это ему вдруг захотелось на травку присесть. Третьего взял с полуоборота — и вовсе чуть не заулыбался, дурень.

Вскоре вся эта железная компания стояла в ряд, дружно шмыгая носами, и больше никто не собирался меня рубить. Тишина. Только кольчуги позвякивают от легкой дрожи.

Хорошо всё прошло. Даже вспотеть не успел.

— Вяжите, — спокойно приказал я скелетам, хотя осталось их всего пятеро, да и те потрепаны.

Паралич удерживал на всех семерых — тяжело, до ломоты в висках. В поклаже, навьюченной на лошадей людей, скелеты нашли ремни и верёвки. Костлявые пальцы не спеша затягивают узлы, поскрипывая сухими суставами. Эльфы, и хуманы не могли пошевелиться: в горле пересохло, а в глазах — первобытный ужас.

Бой занял меньше минуты. Двое моих скелетов дымились в траве, пронзенные эльфийскими стрелами, трое лежали грудой костей после заклятия первого мага, который теперь сидел со связанными руками и бешеными глазами. Никто из пленников не мог не то, что колдовать — даже посмотреть в мою сторону.

Я подошел к эльфу-мастеру, который успел уйти от первого паралича. Сейчас он лежал на боку, скрученный по рукам и ногам, и пытался что-то сказать, но у него не получалось.

— Хороший бой, — подумал я, пряча самострел в пространственную сумку. — Теперь поговорим.

Мне удалось скользнуть в разум мага в синей мантии играючи, без малейшего усилия — он даже не дёрнулся, не почувал чужого вторжения. Так, лёгкая тень, как лёгкий ветер, холодок по виску. Я уже хозяйничал в его памяти, отматывая её назад, словно ветхий свиток, перебирая дни, часы, мгновения — туда, к самому истоку, к минуте, когда он получал приказ.

Приказ отдавал сам маркиз — суровый, с вечно прищуренным взглядом человека, привыкшего оценивать всё в золоте и крови. Он назначал его командиром небольшого сводного отряда: двое магов, пятеро наёмников — клинки, проверенные в десятках стычек, скучающие без хорошей драки и добычи. Цель — усилить недавно найденное подземелье, где уже всю действовал первый исследовательский отряд.

Те самые пятеро мечников и были посланы, к маркизу, с вестью и доказательством — подземный ход, о котором говорили старые карты, действительно вёл в мёртвый город древних. И в подтверждение они приволокли ему клинок. Полуторный меч огня. Артефакт постоянного действия, не тускнеющий от времени. При ударе он не просто разил плоть — из лезвия выплёскивалось жадное пламя, нанося дополнительный урон, оставляя на теле врага обугленные, пылающие раны.

То, что маркиз уже знает о городе — скверно. Очень скверно. Он теперь не успокоится. Но у меня есть время. Достаточно, чтобы превратить это место в смертельную ловуш-

ку, в каменный капкан, который захлопнется на любом, кто сунется без моего дозволения. Думаю, маркиз хватится не раньше, чем через два-три дня — когда поймёт, что долгожданный обоз с магическими ценностями так и не пришёл. И тогда он вышлет новые отряды — выяснять, куда подевались прежние, и отчего молчат маги. Вот тогда-то мы и встретим их по-настоящему, как положено. А пока — время работает на меня. Я усмехнулся, в последний раз встряхнул чужую память, как пустой кошель, и вынырнул обратно, оставляя мага в прежнем оцепенении. Пусть спит. Пусть досматривает сны о приказах, которые уже ничего не изменяют. Я ещё не решил с ними поступить.

А тем временем големы, словно одержимые, вышли на максимальный режим работы. Я понял это по чудовищной горе извлечённого грунта, выросшей рядом с котлованом под фундамент. Земля летела оттуда с такой яростью, будто они решили добраться до самого чрева этого мира.

Незванных гостей я оставил лежать на пожухлой траве — парализованных, беспомощных, с остекленевшими глазами. Решение их участи я отложил на потом, словно застарелый узел, который не хотелось распутывать сейчас. И направился к маголёту — проверить, как идёт зарядка накопителей.

Лучи силы почти исчезли, истаяли в воздухе, точно прошлогодний туман. Кристаллы же оставались мутными и практически незаряженными. Я опустил в кресло, привычно, поднял машину на полметра над землёй и дал ей мед-

ленный ход.

И тут же кристаллы засветились — мягким, призрачным белым светом. Я понял: силовые линии, пересекаемые маголётом, в самом деле отдавали энергию накопителям мощно, не успевая разрядиться. Я прибавил скорость, и кристаллы вспыхнули ярче, будто радуясь свободе движения.

Два следующих часа я носился над степью, как бешеный коршун. Ветер свистел в ушах, горизонт кувыркался, а кристаллы набирали и набирали силу, пока наконец не засияли ровным, ослепительным, почти живым белым светом. Теперь они гудели едва слышно, переполненные мощью, как туго натянутая тетива.

Я улетел далеко от трёх холмов. Когда же вернулся, там уже стояла круглая башня — тридцать метров вышиной, пятнадцать в поперечнике, с плоской крышей и зубцами, точно на старой крепостной стене. Големы уже вовсю трудились над внутренней отделкой: возводили перекрытия, лестничные марши, стены. По плану, который я держал в голове, должно было выйти шесть этажей — ни больше ни меньше.

Я спокойно завёл маголет внутрь башни, на первый этаж, посадил его в метре от входа в подземелье. Тишина рухнула сразу и тяжело. Я вышел наружу, хлопнул дверцей. Големы замерли на миг, словно приветствуя хозяина, и снова принялись за работу — мерно, мощно, неумолимо.

Я опустилсЯ в подземный коридор. Своды давили, сырой камень холодил затылок, шаг, второй — и чернота рассту-

пилась, пропуская. Где-то в глубине утробно вздохнул Хранитель.

Через несколько минут — я уже стоял перед ним и выкладывал накопители один за другим. Десять. Десять заполненных до края кристаллов. Они легли ровным рядом, сверкая мощью силы.

Хранитель склонил голову. Провел по накопителям сканирующим лучом — холодным, как взгляд самой вечности. Потом его внутренности заурчали, и он изрек, чуть растягивая слова, будто пробуя их на вкус:

— Путник... ты сдержал слово. Теперь — договор. Слушай. За каждый заполненный кристалл вправе взять три любых тела. И к каждому телу — навык. Любой.

Он помолчал. Тишина задышала тяжело, как зверь перед прыжком.

— Договор? — спросил Хранитель. В голосе — ни угрозы, ни ласки. Деловая хрипотца древнего торговца, что видел империи, возникающие и рушащиеся на его глазах.

— Договор, — ответил я — а пока пойдем мне нужно выполнить обещание и поместить шесть душ в выбранные тела.

Хранитель тяжело развернулся. Механическая ручища, клацая сочленениями, махнула в сторону аппарата — небольшой машины из черненной бронзы и стекла, внутри которой слабо пульсировал янтарный свет и рядом с которым одиноко стояла пустая трехметровая капсула.

Я подошел к рычагам управления. Ладони вспотели, под

ложечкой засосало — не каждый день становишься проводником душ. В голове уже зашевелились, заворочались мои реципиенты, которые давно слились с моим разумом и аурой, став одним слаженным отрядом.

— Ну что, — спросил я — кто будет первым?

В наступившей тишине, нарушаемой лишь потрескиванием магических кристаллов, Милена — травница и псион — заговорила первой. Её голос звучал глухо, но весомо:

— Я первая. И я хочу тело эльфийки.

Я молча кивнул, приняв её выбор как данность. Из странственной сумки я извлёк кожаный мешочек, внутри которого мерцали шесть кристаллов искр душ — шесть угасших жизней, ожидающих нового рассвета. Аккуратно высыпал их на левую ладонь: крошечные кристаллы заструились тусклым, тревожным светом, словно чувствуя скорое перерождение.

— Милена! Дай знак, — попросил я, сжимая ладонь в кулак.

Один из кристаллов в моей руке отозвался яркой, почти ослепительной вспышкой — куда мощнее остальных. Я взял его, чувствуя под пальцами исходящее тепло, и бережно уложил в резной держатель прямо над подписью «Раса эльфы». И перевел рычаг из положения «Эльф» в положение «Эльфа». Панель аппарата тут же начала пульсировать в такт мерцанию осколка души.

Хранитель, подал короткую команду. Я схватился за ры-

чаг активации, под глухой стон механизмов, отжал его до самого упора. С гулким ударом, отозвавшимся в груди, стоящая рядом капсула ожила: её внутренность начала стремительно наполняться золотистым раствором — текучим светом, густым, как мёд, и пахнущим чем-то забытым, кажется, горными травами. А через мгновение сверху беззвучно сдвинулась заслонка, и в сияющую жидкость с мягким плеском погрузилось тело эльфийки — бледное, прекрасное, совершенное, словно вырезанное из слоновой кости.

Не успели разойтись круги на поверхности, как из глубин аппарата, шурша, потянулись магические нити — сотни, нет, тысячи тончайших волокон чистого эфира. Они оплели безжизненную фигуру, вплетаясь в каждую клетку, затягиваясь в ритмичный, гипнотический танец. По золотому раствору пошли дрожащие сполохи — от держателя с кристаллом к телу, от тела — обратно, замыкая контур единства.

Я перевёл дыхание и посмотрел на прекрасную эльфу Милену. Её лицо оставалось непроницаемым, но пальцы слегка дрожали. Теперь оставалось только ждать.

— Начинается слияние, — пробормотал хранитель. — Если кристалл не отторгнет оболочку. через три минуты эльфийка откроет глаза. Но смотреть внутрь них я тебе не советую.

Гул в капсуле нарастал, переходя в низкий, почти инфразвуковой резонанс, от которого заныли кости. Я инстинктивно отступил на шаг. И в этот самый миг веки эльфийки дрог-

нули.

Нити, что тянулись от кристалла души к телу, истончились и пропали без следа. Золотистая жидкость, еще миг назад наполнявшая сосуд жизни, прянула вниз и утекла в сливное отверстие, словно дождевая вода в придорожную канаву. Капсула раскрылась с тихим вздохом, раздвинув створки наподобие исполинской ракушки, и на холодный каменный пол зала несмело, с опаской ступила босая нога Милены.

Тут я припомнил, что

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.